

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

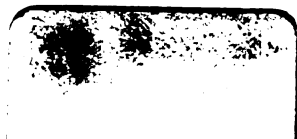
О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

P Slav 384.40

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ИЗДАНІЯ

Общества Археологич. Историч. и Этнографич.

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

- 1) Черепасы, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1889. 212 стран. 8°. Цѣна 1 руб.
- 2) Вотьяки, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 352 стран. 8°. Цѣна 2 руб. 25 коп.
- 3) Пермьяки, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1891. 289 стран. 8°. Цѣна 1 руб. 75 коп.
- 4) Мордва, историко-этнографическій очеркъ. Проф. И. Н. Смирнова. 1895. 296 стран. 8°. Цѣна 2 руб. 50 коп.
- 5) Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка. Проф. М. П. Вескес. 1890. 324 стран. 8°. Цѣна 1 руб.
- 6) Спасскій монастырь въ г. Казани, историческое описаніе. Е. М. Лебедева. 1895. 215 стран. 8°. Цѣна 1 руб.
- 7) Труды IV археологич. съѣзда, бывшаго въ Казани: томъ I и II 1884 и 1891 по 3 руб.; хромолитогр. атласъ in folio (1891) — цѣна 2 руб.; Извѣстія о занятіяхъ четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Казани. 1877. Цѣна 1 рубль.
- 8) Архивъ князя В. И. Баюшева. Проф. Н. П. Загоскина. 1882. Часть I, 300 стран. 8°. Цѣна 1 руб. 25 коп.
- 9) Памяти графа А. С. Уварова. 1885. 101 стран. 8°. Цѣна 75 коп.
- 10) Краткій очеркъ восемнадцатилѣтней (1878—1886) дѣятельности Общ. Арх. Ист. и Этн. и его задачи. 1886. 16 стран. 12°. Цѣна 10 коп.
- 11) Этнографія на Казанской научно-промышленной выставкѣ. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. 36 стран. 12°. Цѣна 20 коп.
- 12) Озадачѣхъ дѣятельности Общ. Арх., Ист. и Этн. С. М. Щипачевскаго, и Замѣтка о названіяхъ Булгаръ, Биларъ и Морквашы. Н. И. Золотницкаго. 1884. 56 стран. 8°. Цѣна 45 коп.
- 13) Каталогъ выставки 1882 года Общ. Арх., Ист. и Этн. 1882. 67 стран. 8°. Цѣна 45 коп.
- 14) Юбилей Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и VIII археологическаго съѣзда. Проф. И. Н. Смирнова. 1890. Цѣна 20 коп.
- 15) Духовные стихи и заговоры изъ рукописнаго сборника XVIII вѣка А. И. Соколова. 1892. Цѣна 2 коп.
- 16) Проектъ публичнаго историко-этнографическаго музея. 1879. 11 стран. Цѣна 5 коп.
- 17) О древнемъ поселеніи около г. Стрѣжа. А. Обряковъ. Цѣна 3 коп.

П 22

1983

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ XV.

ВЫПУСКИ 1—²/_{б.}

1899.

КАЗАНЬ.

ТИПО-ЛИТОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

1899.

1700

259M

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

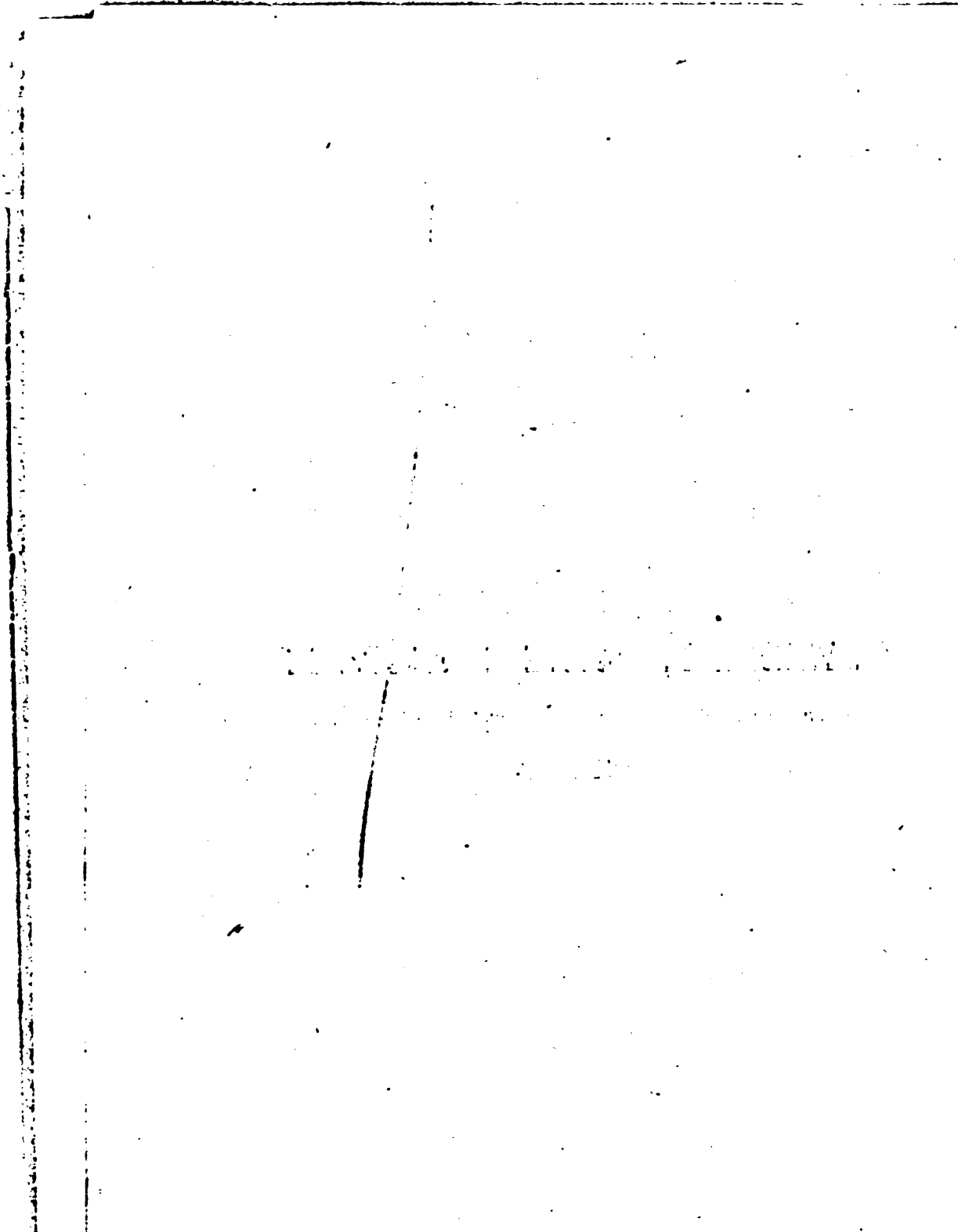
Секретарь Общества *В. Борисовъ.*

**ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ**

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ТОМЪ XV

ОГЛАВЛЕНІЕ

ХV тома „Извѣстій“.

Статьи и изслѣдованія.

	Стран.
Быть калмыковъ Ставропольской губерніи до изданія закона 15 марта 1892 года. <i>Я. П. Дубровы.</i>	1—239.
Погребальные и поминальные обряды крещеныхъ татаръ Уфимской губерніи. <i>С. М. Матюсова.</i>	241—272.
Историческія пѣсни казанскихъ татаръ. <i>Н. Ф. Катанова.</i>	273—306.
Ө. И. Буслаевъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ и ученыхъ трудахъ. <i>А. С. Архангельскаго.</i>	361—435.

Матеріалы историческіе.

Городъ Ланшевъ въ XVI—XVII вв. <i>В. Л. Борисова.</i>	344—349.
Тяжба города Царевококшайска съ овольничимъ кн. В. Г. Ромодановскимъ изъ-за выгонной земли. <i>Его же.</i>	350—355.
Семейное письмо первой половины XVIII в. Доставлено <i>И. Н. Юркинымъ.</i>	356.

**ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА
АРХЕОЛОГИИ, ИСТОРИИ И ЭТНОГРАФИИ**

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XV, вып. 1—2.

**БЫТЬ КАЛМЫКОВЪ
СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ.**

Дѣйствительнаго члена

Я. П. Дубровы.

КАЗАНЬ.

ТИПО-ДИТОГРАФИЯ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

1899.

Δ
PSlav 384.40 (15, no. 1-2)

Матеріалы этнографическіе.

	Стран.
Изъ области киргизскихъ вѣрованій. Баксы, какъ лекарь и колдунъ. <i>А. А. Диваева</i>	307—341.
Дополненіе редакціи къ этой статьѣ.	341—344.

Хроника.

Протоколы Общихъ Собраній Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи за 1895—1897 г.	436—485.
---	----------

Библиографія.

Отзывъ о книгѣ <i>А. Н. Минха</i> „Историко-географическій словарь Саратовской губерніи. Томъ I. Вып. I.“ <i>С. К.</i>	357—360.
--	----------

Приложенія.

Отчетъ Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи за 1898 годъ и списокъ членовъ Общества. <i>Н. М. Петровскаго</i> (при 4-мъ выпускѣ)	1—24.
Очерки юридическаго быта якутовъ. <i>Д. А. Кочисса</i>	1—177.

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества Археологій, Исторіи и
Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.
Секретарь Общества *Н. Петровский*.

Быть калмыковъ Ставропольской губерніи

до изданія закона 15 марта 1892 года ¹⁾.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Часть обширѣйшаго въ Европейской Россіи степного пространства, имѣвшаго своими границами—съ юга устье р. Волги, побережье Каспійскаго моря и р. Куму, съ востока р. Волгу, съ сѣвера Землю Войска Донскаго и съ запада отроги Кавказскихъ горъ—съ 1630 года занята была кочевьями вышедшаго изъ Монголіи калмыцкаго народа и по имени этого народа называлась *калмыцкой степью*.

Вмѣстѣ съ калмыками на той же степи кочевали и покоренные ими народцы: *татары, ногайцы, эдишкулмы, эдисанцы, туркмены и джембулакцы*. Составляя господствующее племя, калмыки—сначала въ лицѣ своихъ *хановъ*, а затѣмъ *нойоновъ*—владѣльцевъ улусовъ,—по отношенію къ Россіи обязывались только *отрноподданствомъ* какъ за себя,

¹⁾ Сообщение, сдѣланное въ Общихъ Собраніяхъ Общества Археологій, Исторій и Этнографій при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 28 ноября и 20 декабря 1897 и 27 января 1898 годовъ.

такъ равно и за подпавшіе подъ ихъ власть народцы ¹⁾). При такомъ, чисто внѣшнемъ, обязательствѣ по отношенію къ нашему правительству калмыки долго сохраняли полную неприкосновенность строя своей жизни и гражданскихъ распорядковъ.

Оставляя, пока, въ сторонѣ разсказъ о постепенномъ подчиненіи калмыцкаго народа нашей администраціи и объ уничтоженіи многихъ, весьма существенныхъ, ихъ правовыхъ привилегій, съ потерей которыхъ калмыки сдѣлались вполне подвластными намъ и начали управляться не своими *ноионами* и *зайсанами*, а русской администраціей,—мы только скажемъ, что до 1860 года весь калмыцкій народъ, жившій въ предѣлахъ Европейской Россіи, въ дѣлахъ административнаго управленія имъ составлялъ одно цѣлое и входилъ въ составъ Астраханской губерніи. Съ этого же года, то есть 1860-го, незначительная часть калмыковъ, именно принадлежащая къ *Больше-Дербетскому улусу*, отчислена была отъ Астраханской губерніи и вошла въ черту Ставропольской, чѣмъ и округлились границы послѣдней.

Громадная полоса земли, считавшая въ своихъ границахъ до двухъ милліонизъ десятинъ,—сплошь степная, только мѣстами слегка холмистая, въ общемъ пустынная, но въ былую пору изобилующая травой и камышами,—служила весьма удобнымъ мѣстомъ для привольныхъ кочевокъ номадовъ, вошедшихъ въ составъ Ставропольской губерніи; своею же незаселенностью привлекала въ черту кочевій массу выходцевъ изъ нашихъ внутреннихъ губерній. Выходцы эти, какъ увидимъ ниже, постепенно, шагъ за шагомъ, безъ помощи администраціи, натискомъ, вопреки всякимъ писаннымъ законамъ, разнымъ циркулярамъ и „строжайшимъ предписаніямъ“, завоевывали подъ свои поселенія „стенные клочки“, все болѣе

¹⁾ Полн. Собр. Закон. Т. 1-й ст. 145, 316, 540; Т. 2-й ст. 672, 990; Т. IV-й ст. 2,207; Т. 22 ст. 16194.

И болѣе скучивали калмыковъ, притискивали ихъ къ безплоднымъ побережьямъ р. Маныча, изобилующимъ не только солончаками, но и довольно значительными по пространству соляными озерами (какъ напр. *Джалынское, Ямалынское, Царыкское* и многія другія). Съ этой стороны дѣла, т. е. не исторіи своего заселенія, калмыцкая степь весьма чревата довольно интересными и оригинальными событіями, ждущими своего изслѣдователя. Но и помимо этого, крайне важнаго и обильнаго этнографическаго матеріала, сами по себѣ калмыки во многихъ и многихъ отношеніяхъ представляютъ изъ себя большой и цѣнный историко-этнографическій интересъ. Къ сожалѣнію, вообще калмыцкая степь съ ея населеніемъ—калмыками—свободно, привольно, богато и въ очень недалекомъ прошломъ даже грозно (до семидесятыхъ годовъ) для сосѣдей (русскихъ) кочевавшими, вкѣмъ и вичѣмъ не стѣсняясь въ проявленіи своихъ разбойническихъ инстинктовъ,—до сихъ поръ является непочатымъ изслѣдователями уголкомъ Россіи. Историческихъ—въ самомъ широкоемъ смыслѣ этого слова—и этнографическихъ изслѣдованій упоминаемаго нами края и его обитателей въ нашей литературѣ почти нѣтъ. Земля же этого края обильно полита человѣческою кровью, борьба за обладаніе имъ ожесточенно велась и только недавно вступила на сравнительно мирный культурный путь (мы разумѣемъ ту борьбу, какую русское населеніе исподоволь, но упорно ведетъ съ калмыками за обладаніе правами на землю), упорно продолжается до сихъ поръ и, по видимому, долго еще будетъ продолжаться.

Оставляя въ сторонѣ прошлое этой борьбы, замѣтимъ, что въ настоящее время она изъ самовольной, чисто народной, сохранивъ ожесточенность, перешла уже въ бумажную. Поле дѣятельности ея ускользнуло изъ рукъ народа и перенесено въ разныя канцеляріи и ведется она не плугомъ и косой, какъ то было до семидесятыхъ, даже почти до восьмидесятыхъ годовъ, а стальными перьями, конецъ же борьбы, въ смыслѣ упорядоченія калмыцкихъ поселеній, едва ли скоро наступитъ.

Одно только ясно и несомненно, что беспорядочность или, вѣрнѣе, полная безтолковщина въ устройствѣ экономическаго быта калмыковъ, равно и претензіи крестьянскаго населенія на захватъ калмыцкихъ земель служатъ теперь нескончаемой и очень выгодной темой для писанія всевозможнаго рода и вида проектовъ „переустройства быта калмыцкаго народа“, концы съ неподражаемымъ рвениемъ и заняты мѣстные вершители судебъ кочевниковъ.

Будучи отчасти знакомымъ съ руководящей идеей многихъ *главныхъ проектовъ* и отдавая имъ должное, позволяю себѣ замѣтить, что практическіе результаты ихъ сомнительнаго, чтобы не сказать болѣе, свойства, говорятъ скорѣе о богатствѣ административныхъ соображеній, чѣмъ о знаніи пужды народа и его способностей къ воспріятію въ томъ или другомъ видѣ русскихъ бытовыхъ формъ и земледѣлческой культуры, что въ своемъ мѣстѣ и постараюсь уяснить. Здѣсь же ограничусь однимъ короткимъ замѣчаніемъ, что едва ли нужны доказательства для подтвержденія той общезвѣстной истины, что гдѣ основой сужденій и выводовъ, въ особенности съ цѣлью практическаго принесенія ихъ въ сферу народной жизни, служатъ не результаты научныхъ изслѣдованій, а традиціонное: „а посему—имѣя въ виду и принимая во вниманіе“....—полезы для народа не всегда много; вреда же и вреда съ нежелательными послѣдствіями въ будущемъ—не мало.

Разумѣется было бы съ полагора, если бы пронумерованные и скрѣпленные надлежащей подписью проекты о переустройствѣ народной жизни подвергались предварительной, болѣе или менѣе тщательной провѣркѣ. Но дѣло въ томъ, что въ большинствѣ эфемерныя по своей практической пригодности попытки „измышлять пути для блага“—упорно, какъ нѣчто и въ самомъ дѣлѣ будто бы пригодное, пасаждаются „въ видѣ опыта“ на совершенно чуждой почвѣ, чѣмъ и подрываются бытовые и экономическіе устои, ставится все вверхъ дномъ и создается крайне тяжелое социальное-экономическое

положеніе народа, попавшаго въ передѣлку творцовъ „проектныхъ положеній“. Нежелательныя послѣдствія еще болѣе увеличиваются отъ того, что у калмыковъ, какъ у народа долго стоявшаго вдали отъ общаго теченія нашей народной жизни, собственные социально-экономическіе и бытовые устои, въ силу неоднородности культуры, съ втиснувшимися въ его жизнь выходцами изъ внутреннихъ нашихъ губерній, что называется въ корень разшатаны. Къ тому же у кочевниковъ не было и нѣтъ въ наличности—ни умѣнья, ни силъ—не только для борьбы съ всепоглощающимъ влияніемъ на нихъ чуждаго имъ народа.—но даже и для самозащиты. При полномъ же отсутствіи у калмыковъ точекъ сближенія съ чуждой услугою жизни культурой нашего крестьянина, въ связи съ враждебнымъ отношеніемъ другъ къ другу и тѣмъ презрѣніемъ, какимъ вообще русскіе дарятъ инородцевъ, называя ихъ „*нозакной тварью*“,—ямъ, т. е. калмыкамъ, нѣтъ возможности мирно, безъ страха и сожалѣнія о потерѣ своихъ національныхъ особенностей, постепенно приспособляться къ условіямъ крестьянскаго быта и тѣмъ безъ потерь, кажущихся тяжкими, найти дорогу для привнесенія въ свой бытъ иныхъ жизненныхъ условій и приспособиться къ нимъ, приспособившись же—избавиться отъ положенія жалкаго парія, напоромъ иныхъ жизненныхъ условій и требованій выбитаго изъ колеи общаго своего существованія и поставленнаго въ безвыходную необходимость—не жить, а прозябать безъ просвѣта и надежды на лучшее будущее, съ тупой апатіей смотрѣть на экономическій ростъ захватывателей степи и сознавать, что близко уже то время, когда,—путемъ ли естественнаго вымирания, или же по инымъ, не менѣе сильнымъ, причинамъ—и самое имя „калмыкъ“ сохранится только на страницахъ книгъ. Последнее, разумѣется, не бѣда при условіи воспріятія нашими калмыками нашихъ социально-экономическихъ условій и нашей культуры. Тогда, если бы они и слились съ крестьянскимъ населеніемъ, то тѣмъ самымъ избѣжали бы тяготѣющаго уже надъ ними закона, по которому замкнутые въ своей крайне ветхой

и гнилой скорлупѣ, къ тому же и обвиняемые, калмыки должны будутъ вымереть—какъ вѣчто вполне не приспособленное для борьбы за сохраненіе обособленности своего существованія. Такое же положеніе калмыковъ, забытыхъ исследователями народной жизни и очутившихся на распутьи, настоятельно требуетъ, чтобы о нихъ вспомнили.

Со времени своего подчиненія Россіи, что случилось, какъ уже отмѣчено, въ 1630 году, калмыцкій народъ, пользуясь исключительной привилегированностью своего положенія, стоялъ совсѣмъ въ сторонѣ отъ общаго теченія нашей народной жизни, составляя какъ бы царство въ царствѣ. И мы бы его совсѣмъ, кажется, продремали, если бы народъ этотъ, отъ поры до времени, довольно таки назойливо, самъ не напоминалъ о себѣ.

Вотъ, между прочимъ, бѣглый ретроспективный взглядъ на прошлое нашихъ заботъ о калмыкахъ.

Начали калмыки при ханѣ *Хо-Урлюкѣ* правильно организованнымъ войскомъ громить наши окраины, разорили г. Астрахань; стали при *Аюк-ханѣ* подчинять себѣ подвластныхъ намъ кочевниковъ и грабить ихъ; вздумали при намѣстникѣ калмыцкаго ханства *Убаши* бѣжать въ предѣлы Китайской имперіи, — правительство наше встрепенулось, усмирило калмыковъ, лишило хановъ ихъ правъ самодержавной власти, раздѣлило *калмыцкую орду* на отдѣльныя владѣльческія княжества, поставило во главѣ ихъ полновластныхъ владѣльцевъ—*нойоновъ*, царившихъ до изданія закона 15 марта 1892 года, и... успокоилось.... Началась въ царствованіе Екатерины II-й грабежи, разбои и „прочія непотребства“ включительно до разгрома крѣпостей и городовъ вмѣстѣ съ пугачевцами, — опять вспомнили про калмыковъ: послали въ улусы русскихъ администраторовъ контролировать дѣйствія *нойоновъ* и власть своихъ агентовъ подкрѣпили волжскими командами. Затѣмъ въ концѣ уже восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія додумалось, что волжская команда служитъ плохимъ насадителемъ культуры среди калмыковъ и написали проектъ „о замѣнѣ

командъ отъ войскъ вольнонаемными стражниками, по съ тѣмъ, чтобы сіи послѣдніе были при воинскомъ оружіи"... Хлынуло въ началѣ текущаго столѣтія широкой, всезахватывающей волной русское населеніе въ свободныя калмыцкія степи, пришло кочевниковъ, оттиснуло ихъ въ глубь степи, построило (безъ разрѣшенія на то, самовольно) массу селъ и деревень, составляющихъ теперь два уѣзда—Медвѣженскій и Новогеоргіевскій— вновь мы пробудились. Въ видахъ удобствъ административнаго управленія выдѣлили часть калмыцкаго народа,— именно *Больше-Дербетскій улусъ*, изъ вѣдѣнія астраханской администраціи, привели въ извѣстность оставшееся отъ захвата количество земли, дали кочевникамъ душевой надѣлъ (тридцать десятинъ на душу), оставили частичку степи про запасъ, поставили болѣе или менѣе серьезную преграду поступательному движенію русскихъ переселенцевъ въ степь и... опять успокоились... Издали 23 апрѣля 1847 года не вѣющіе внутренней связи между собой жалкіе обрывки, именующіеся „*положеніемъ объ управленіи калмыцкимъ народомъ*“, дали этому „положенію“ силу закона и... почли... Натолкнулись на безобразнѣйшее изъ явленій народной жизни,—именно, что въ нашемъ отечествѣ, и даже не на окраинѣ, процвѣтаетъ еще крѣпостное право и существуютъ чуть ли не владѣтельные князья среди калмыковъ—встренулись и закономъ 15 марта 1892 г. уничтожили крѣпостничество среди калмыковъ, фактивно пристегнули ихъ „по правамъ къ свободному сельскому населенію“ и—только. Но тутъ уже не успокоились и какъ будто бы не шутя задумали поставить калмыковъ на ноги, изъ полуномадовъ сдѣлать осѣдлыхъ земледѣльцевъ, изъ традиціонныхъ конокрадовъ—полезныхъ „сельскихъ обывателей“.

Да и пельзя было успокоиться, ибо каждому соприкасающемуся съ жизнью калмыковъ до очевидности понятнымъ стало, что законъ 15 марта въ сущности почти ничего не измѣнилъ въ строѣ быта этого народа. И послѣ „закона“, какъ увидимъ ниже, калмыки по прежнему остались такимъ же безправнымъ народомъ, съ крайне неупорядоченнымъ

соціально-економічнимъ строемъ, съ тѣмъ же чуждымъ всякой системы и практической пригодности „положеніемъ“ 1847 г.,—словомъ въ состояніи, довольно правдивъ и характерно опредѣленномъ мѣстными жителями фразой: „ни съ силъ, ни съ тѣлъ“. „Свободные сельскіе обыватели“ не имѣютъ правъ на общественныя сходы безъ предварительнаго на то разрѣшенія, не имѣютъ права распоряжаться по своему усмотрѣнію отведенной въ ихъ пользованіе землей и доходностію съ нея, состоятъ подъ полной чиновничьей опекой и пользуются своими средствами и землей—не по праву и свободно, а съ *разрѣшенія*, получаютъ свои собственныя деньги—не тогда, когда нужно, а когда признается *благовременнымъ*, когда строго канцелярскимъ путемъ рѣшится вопросъ, что и калмыкъ за свои же деньги имѣетъ право покупать хлѣбъ и одежду. Благодаря же такой неупорядоченности правъ народа калмыкамъ сплошь и рядомъ приходится, по пословицѣ, спускаться ходить въ лѣсъ по малину. А такъ какъ малины зимой нѣтъ, деньги же у нихъ отобраны, то они вмѣстѣ со своимъ скотомъ и мрутъ съ голоду (*sic*), мрутъ, несмотря на то, что имѣютъ громаднѣйшій общественный капиталъ (до четырехъ сотъ тысячъ) и родовыя суммы. Выраженіе же: „свободные сельскіе обыватели“ остается, хотя и громкимъ, но мало содержательнымъ звукомъ. Свободно калмыки только нищенствуютъ, вымираютъ и лишаются послѣдней своей скотины—этой единственной безконтрольной статьи ихъ дохода. Общее число калмыковъ въ 1893 году было 11,812 душъ, въ томъ же году *родилось 254 д., а умерло 312;* въ зиму же 189³/₄ годовъ *отъ безкормизы погибло тысяча пятьсотъ пятьдесятъ одна штука разнаго скота.* Цифры эти не требуютъ комментаріевъ.

Отъ такой, слишкомъ рѣзко бьющей въ глаза, дѣйствительности почувствовалась неловкость, къ тому же и правды скрыть нельзя... Заговорили о „преобразованіяхъ управленія калмыцкимъ народомъ“, принялись за „проекты“ и „доклады“. Вмѣстѣ же съ этимъ, въ видѣ „экспериментальнаго опыта“,

начали практически примѣнять „способы улучшения экономического быта калмыковъ и выведенія ихъ на торную дорогу земледѣльческой культуры“, рѣшительно не прислушиваясь къ дѣйствительнымъ нуждамъ народа и не отыскивая въ немъ самомъ тѣхъ средствъ, направляя которыя дѣйствительно безъ вреда можно вывести калмыковъ на эту дорогу.—Положимъ приказъ, въ особенности мѣстный, „дѣло великос“, но все же и онъ не исключаетъ необходимости прислушиваться къ нуждамъ народа, изучать его потребности, правоспособность и пригодность къ воспріятію нововведеній....

Изъ этого, хотя и слишкомъ поверхностнаго, обзора нашихъ заботъ о калмыцкомъ народѣ, видно, что болѣе двухъ сотъ съ половиною лѣтъ мы, какъ бы съ просонокъ, обращали свое вниманіе на этотъ народъ, дѣйствовали спорадически, урывками, судорожно и оцупью, соблюдая почему то крайнюю осторожность. Этой то впоследствии и безсистемностию отчасти, если не главнымъ образомъ и объясняется тотъ несомнѣнный фактъ, что калмыки и до настоящаго времени остаются какимъ то отчужденнымъ отъ нашей жизни народомъ, со своими, нигде негодными „особенными правами и привилегіями“ и представляютъ изъ себя какую то на первый взглядъ мало понятную аномалію среди окружающаго ихъ степь осѣдлаго русскаго населенія. И только теперь, когда калмыки стали уже походить на разлагающійся трупъ, мы начали серьезно заботиться о ихъ будущей судьбѣ и, повидимому, задались цѣлью одухотворить этотъ трупъ, впрячь его въ бороу и плугъ и заставить его перейти изъ кибитки, въ которой онъ молча умираетъ, въ крестьянскую избу съ запустѣвшими огородами, а дабы вознаградить прежнюю забывчивость и небрежность отношеній къ калмыкамъ, лихорадочно суеتمدимся и дѣствуемъ, какъ кому Богъ на душу положитъ...

Въ виду только что сказаннаго позволяю себѣ поставить открытый вопросъ о крайней необходимости именно теперь пополнить пробѣлъ въ дѣлѣ изученія быта калмыковъ во всѣхъ его проявленіяхъ и тѣмъ такъ или иначе прійти на помощь

администраціи, занятой въ настоящее время вопросомъ о коренномъ переустройствѣ экономическаго и правового положенія этого народа. Особенно же это необходимо *теперь* потому, что многіе непосредственно соприкасающіеся съ калмыками дѣятеля, не въ обиду будь имъ сказано, не знакомые (какъ это ни кажется страннымъ) ни съ бытомъ народа, ни съ характеромъ его, ни съ прошлымъ, ни съ условіями, соблюдая которыя дѣйствительно можно улучшить экономическое положеніе полуномадовъ. — начали уже „экспериментировать“. Безпочвенность же экспериментовъ успѣла уже показать свои крайне нежелательные результаты, благодаря которымъ калмыки, не понимая, что съ ними дѣлаютъ и сдѣлаютъ, форсированнымъ маршемъ и притомъ по слишкомъ наклонной плоскости идутъ къ полному экономическому истощенію и деморализаціи. И это вполне естественно—ибо бывшіе жизненные устои расшатаны, подгнили и рушатся, въ замѣнъ же ихъ, пока, ничего положительнаго, практически пригоднаго и отвѣчающаго духу и потребностямъ калмыцкаго народа—не дано. Ломка же, безъ навыка къ дѣлу и нужной осмотрительности, производится.

Сказанное нами можетъ быть на первый взглядъ покажется и рѣзкимъ, и страннымъ—тѣмъ не менѣе все это неоспоримый фактъ, — и только близорукость и склонность благодушно относиться ко всему мѣшали и, вѣроятно, долго еще будутъ мѣшать вынырнуть многимъ фактамъ изъ прошлой жизни калмыковъ.

Не претендуя на всесторонность разсмотрѣнія вопроса о современномъ намъ социальномъ-экономическомъ положеніи калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса, постараюсь, по мѣрѣ умѣнья, съ возможной полнотой, опираясь на факты, изложить въ этомъ очеркѣ все то, что добыто было мной въ теченіи шести лѣтъ почти безвыѣздной жизни среди калмыковъ. Быть можетъ, мнѣ и удастся дать матеріалъ для болѣе серьезнаго изслѣдованія, а можетъ быть и заинтересовать кого либо изображеніемъ дѣйствительно непригляднаго, чтобы не сказать

болѣе, положенія калмыковъ и тѣмъ самымъ прийти на помощь кому либо дѣйствительно желающему добра калмыцкому народу. Вопросъ о переустройствѣ быта калмыковъ имѣетъ весьма важное значеніе, ибо рѣчь идетъ не о горсти людей, а о десяткахъ тысячъ,—не о десяткахъ и сотняхъ тысячъ десятинъ земли, а о миллионѣхъ, такъ какъ предполагаемое преобразование должно коснуться не однихъ калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса, но и ихъ сородичей, живущихъ въ предѣлахъ Астраханской губерніи; по официальнымъ же свѣдѣніямъ за 1860 годъ всей земли, находившейся въ пользованіи калмыковъ Астраханской и Ставропольской губерній, числилось 10,297,587 десятинъ... Есть чѣмъ распорядиться и есть что упорядочить!

Начнемъ съ прошлаго, хотя и недалекаго, калмыковъ собственно *Больше-Дербетскаго улуса*, уважемъ, по возможности, на ихъ социальное-экономическое положеніе до изданія закона 15 марта 1892 г. и послѣ него, познакоимся, хотя въ краткихъ и общихъ чертахъ, съ ихъ правами, обычаями, бытомъ... Попытаемся опреѣлѣть отношенія народа къ ноюну—владѣльцу улуса и къ русской администраціи и обратно. Коснемся юридическихъ правъ калмыковъ на занимаемую ими землю, способовъ пользованія ею и уважемъ на вліяніе русскаго народа на бытъ и экономическое положеніе номадовъ.

Что касается историческихъ свѣдѣній, то таковыя нами заимствованы частію изъ полнаго собранія нашихъ законовъ и частію изъ неизданныхъ рукописныхъ лѣтописей Бакши хуроловъ Больше-Дербетскаго улуса Саидже Яванова (главное духовное лицо въ улусѣ), умершаго въ 1894 г., уже послѣ моего выѣзда изъ улуса. Упоминаю о послѣднемъ обстоятельстве потому, что интересно было бы знать объ участіи весьма важныхъ историческихъ документовъ, бывшихъ у Бакши Яванова. Не мало помогъ мнѣ и уважаемый зайсангъ *Бадма Лапиновичъ Опонновъ*. И да проститъ мнѣ его скромность,

если я съ полнымъ убѣжденіемъ въ справедливости своихъ словъ скажу, что онъ лучшій человекъ въ улусѣ и весьма жаль, что его оттолкнули отъ управленія калмыками, хотя онъ и занималъ очень скромную должность—*выборнаго старшины Икитуктунова рода*.

I.

Несмотря на то, что калмыки живутъ не за тридевять земель и не въ тридцатомъ покоренномъ нами царствѣ, а тутъ же, въ Европейской Россіи, на берегу р. Волги, по которой массой движется всякій не интеллигентный и интеллигентный людъ, разносящій во все углы свѣдѣнія о видѣнномъ и слышанномъ,—намъ не разъ, даже и среди интеллигентовъ, приходилось сталкиваться съ полнымъ непониманіемъ значенія: „*калмыцкій улусъ*“. Поэтому, прежде чѣмъ говорить что либо о калмыкахъ, считаю далеко не лишнимъ выяснить, что называется *калмыцкимъ улусомъ*.

Калмыки—съ 1630 года, т. е. со времени прихода своего въ Россію и до 1771 года, когда значительная часть ихъ бѣжала обратно въ предѣлы Китайской имперіи—управлялись своими полновластными *ханами* и оффиціально носили названіе „*калмыцкой орды*“ безъ подраздѣленія ся на болѣе или менѣе дробныя административныя единицы съ особенными названіями таковыхъ. Точно также и мѣста, занятыя вочевьями этого народа, по имени послѣдняго носили одно общее названіе „*калмыцкой степи*“.

Загѣмъ съ 1771 года, когда ханство окончательно было уничтожено, весь калмыцкій народъ раздѣленъ былъ на семь отдѣльныхъ (впослѣдствіи образовано было восьмое) владѣній. Основаніемъ для такого раздѣленія калмыцкой орды послужило число старшихъ въ родѣ *нойоновъ*, кои происходили, какъ прамыя потомки, изъ ханскихъ родовъ и за коими нашимъ

правительствомъ признано было право владѣть калмыками—простолюдинами на правахъ полнаго подчиненія послѣднихъ первымъ—не только въ экономическомъ, но и въ судебно-административномъ отношеніи, даже съ правомъ, какъ увидимъ ниже, собирать въ свою непосредственную пользу „албанъ“, т. е. подать. Вотъ эти то отдѣльныя владѣнія ноюновъ, со своимъ обособленнымъ управленіемъ и зависимостью народа только отъ ноюновъ—владѣльцевъ и получили отъ нашего правительства оффиціальное названіе „улусовъ“. Слово улусъ монгольское, происходитъ отъ „олъсъ“ (тоже фулъсъ), что значитъ народъ вообще. Такимъ образомъ „калмыцкіи улусы“ представляетъ изъ себя отдѣльную, самостоятельную въ административномъ отношеніи единицу изъ общаго калмыцкаго народа, со своими отдѣльными правами на извѣстное пространство степи, даже съ точно обозначенными границами земельныхъ дачъ—какъ то есть въ *Больше-Дербетскомъ улусѣ*. Въ Астраханской же губерніи земельныя владѣнія улусовъ еще не разграничены между собой.

Посмотримъ теперь, какъ образовался *Больше-Дербетскій улусъ*.

Еще въ царствованіе Екатерины второй, въ семьѣ владѣльца громаднѣйшаго по пространству и многочисленнаго по населенію *Дербетскаго улуса*, послѣ смерти главы, произошли раздоры между родными братьями за право владѣнія калмыками. Раздоры эти, какъ говоритъ калмыцкое преданіе, сопровождалсь „междоусобной войной“, т. е. въ споръ братьевъ втянуты были и „простолюдины“. Нерѣшенный же междоусобицей споръ доведенъ былъ наконецъ до свѣдѣнія нашей высшей власти, гдѣ спорившіе о наслѣдіи братья и добились того, что, вопреки основному закону о правахъ наслѣдства ноюновъ, приказано было рѣшать споръ раздѣломъ улуса на двѣ части, калмыкамъ же простолюдинамъ, какъ участникамъ въ спорѣ, предоставлено было право свободно выбрать себѣ владѣльцемъ одного изъ двухъ братьевъ и остаться его под-

данными. Пользуясь такимъ правомъ, большая часть сторонниковъ *меньшаю* брата приняла зависимость отъ него и образовала *Мало-Дербетскій улусъ*, меньшая же часть отдала свою шею подъ ярмо *старшаю* брата и составила *Больше-Дербетскій улусъ*, границей же владѣній обонхъ братьевъ положено было считать р. *Маньча*.

Такой раздѣлъ калмыковъ на два улуса разрѣшенъ былъ—не только вопреки существовавшему на то прямому закону о наследствѣ, но и въ прямой ущербъ интересамъ нашей казны, да и самого народа. По точно и ясно выраженному смыслу Высочайшаго повелѣнія, наследствомъ и сопряженными съ нимъ правами на владѣніе калмыцкимъ народомъ могъ пользоваться исключительно только старшій сынъ по прямой линіи. Послѣ смерти его наследство и права умершаго могли переходить опять таки только къ старшему сыну его, но отнюдь не къ братьямъ перваго, даже и въ томъ случаѣ, если у умершаго владѣльца не было сына. Въ последнемъ случаѣ *улусъ безспорно дѣлился казеннымъ*, т. е. калмыки обращались въ государственныхъ крестьянъ и вносили „*албанъ*“ уже не наследникамъ умершаго нойона, а въ обще-государственную казну. Братья же умершаго владѣльца обращались во „*владѣльческихъ родственниковъ*“ и для „*кормленія*“ давался имъ только самая незначительная часть калмыковъ. Но эти „владѣльческіе родственники“ юридически не имѣли уже никакихъ административныхъ правъ надъ своими крѣпостными калмыками. Напротивъ сами они, какъ и ихъ крестьяне, во владѣльческихъ улусахъ подчинялись во всемъ *нойону—владѣльцу улуса*, — въ казенныхъ же улусахъ, — *управляющему улусомъ* по выбору калмыковъ, а также и представителямъ русской администраціи въ лицѣ „*попечителей улуса*“, обязанность коихъ сводилась къ контролю надъ дѣйствіями нойоновъ и управляющихъ улусами, равно и полицейскому надзору за населеніемъ ¹⁾. А такъ какъ у вла-

¹⁾ См. Зак. Т. IX. Ч. II-я ст. 1350.

дѣльца Дербетскаго улуса не было прямого, законнаго наследника, то, послѣ смерти его, правительство, не посягая на чьи права, свободно могло-бы причислить улусъ къ „казеннымъ“, чѣмъ соблюдена бы была и справедливость и общій съ народомъ интересъ казны. Случилось же не такъ и случилось, очевидно, потому, что въ силу соблюденія нашими властями личныхъ интересовъ сторонъ, претендующихъ на незаконное наследство, былъ поправъ законъ и вопреки прямому его требованію вмѣсто одной азвы—явилося двѣ, кои и уничтожены только закономъ 15 марта 1892 г.

Оба рта улуса, т. е. *Больше-Дербетскій* и *Мало-Дербетскій*, по дѣламъ своего административнаго управленія входили въ составъ Астраханской губерніи. Затѣмъ въ 1860 году, когда Ставропольская губернія вздумала округлиться въ своихъ владѣніяхъ, *Больше-Дербетскій* улусъ, какъ врѣзавшійся своей землей почти въ самую средину ея, изъятъ былъ изъ вѣдѣнія астраханской Палаты Государственныхъ Имуществъ, вошелъ въ составъ Ставропольской губерніи и образовалъ изъ себя отдѣльную административную единицу, со своимъ совершенно обособленнымъ отъ общаго положенія объ управленіи губерніи административнымъ строемъ и ждеть теперь реорганизациі.

Любопытно отмѣтить, что вопросъ о выдѣленіи *Больше-Дербетскаго* улуса тянулся нѣсколько лѣтъ и даже возведенъ былъ чуть ли не на степень государственной важности, причиною чему было то, что астраханская администрація, задабриваемая калмыцкими нойонами и зайсангами, выдѣвпими въ выдѣленіи улуса посягательство на свои національныя права и единство народа, несмотря на всю очевидность необходимости выдѣленія, упорно настаивала на неудобствахъ его, настаивая же—пускала въ ходъ всевозможнаго рода и вида натажки и подтасовки; такъ, между прочимъ, выставлялось на видъ правительству и то, что „отъ предполагаемаго раздѣла можетъ случиться—не только разореніе народа, но даже и бунтъ“. Последнее предположеніе рѣшился высказать

астраханскій губернаторъ, какъ самый вѣскій доводъ въ пользу невѣдѣнія улуса. Въ докладѣ г. министру онъ выразился, „что хотя управление Больше-дербетскимъ улусомъ, по отдѣльности его кочевій (триста верстъ отъ г. Астрахани) крайне затруднительно для астраханскаго начальства (еще бы не сознался въ этомъ), но передача калмыковъ въ другое вѣдомство можетъ нарушить единство калмыцкаго народа и произвести по всей вѣроятности непріятное впечатлѣніе съ гибельными послѣдствіями для народа“¹⁾. Между тѣмъ выдѣленіе улуса вызывалось дѣйствительной нуждой и являлось единственно-разумнымъ средствомъ прекратить обострившіеся споры и недоразумѣнія, постоянно возникавшіе между астраханскимъ и ставропольскимъ губернскимъ начальствомъ по дѣламъ завѣдованія калмыцкимъ народомъ. Недоразумѣнія же эти возникали въ силу неизбежной путаницы, происходившей отъ двойственности положенія калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса. Въ географическомъ отношеніи земля кочевій больше-дербетцевъ находилась, какъ мы уже знаемъ, въ предѣлахъ Ставропольской губерніи и числилась въ ея планѣ, въ административномъ же отношеніи владѣльцы ея подчинялись астраханскому начальству—это во первыхъ. Во вторыхъ же между калмыками Больше-Дербетскаго улуса и кочевавшимъ совмѣстно съ нимъ „магометанскимъ населеніемъ“—эдиш-кульцами, эдисанцами, джембулакцами и туркменами—земля не была раздѣлена и находилась въ ихъ общемъ совмѣстномъ пользованіи. Вслѣдствіе этого „магометане“ и имѣли юридическое право кочевать по слѣдамъ своихъ совладѣльцевъ—калмыковъ даже въ предѣлахъ Астраханской губерніи. Такимъ образомъ одни и тѣ же калмыки подчинены были двумъ одинаковымъ начальствамъ—въ земельномъ отношеніи ставро-

¹⁾ Цитата въ докладѣ Ставропольскаго губернатора, г. Брячанинова, въ Министерство Государственныхъ Имуществъ по вопросу о причисленіи Больше-Дербетскаго улуса къ Ставропольской губерніи.

польскому, а въ административномъ астраханскому,—магометане^а же наоборотъ.

Естественно, что отъ такой двойственной административной зависимости одного и того же народа должна была происходить масса недоразумѣній, особенно въ судебно-полицейскомъ отношеніи. Недоразумѣнія же неизбежно влекли за собой „ослабу узъ“. Совершая преступленія—грабежи и разбои, конны такъ богато прошлое калмыковъ—последніе рѣдко подвергались отвѣтственности, ибо астраханская администрація, въ лицѣ попечителей улусовъ и главнаго попечителя калмыцкаго народа, ревниво оберегала свои права судить и рѣдить калмыцкія дѣла и не допускала къ тому ставропольскую администрацію, защищавшую интересы своего русскаго населенія. Благодаря этому большинство преступленій оставалось нераскрытымъ, что хищникамъ и придавало особенную смѣлость и дерзость въ совершеніи разбоевъ и грабежей даже среди бѣла дня и не въ одиночку, а правильно организованными и значительными по числу шайками. Терпѣвшее же отъ разбоевъ и грабежей русское населеніе, не находя себѣ защиты, вынуждалось само, своимъ судомъ справляться съ хищниками.

Пронсходившій отъ всего этого вредъ ясно понималъ ставропольскій губернаторъ, г. Брянчаниновъ; понимая же, вполне основательно упрекалъ не безкорыстно отсталывавшихъ фиктивные интересы „единства калмыцкаго народа“ и убедительно доказывалъ необходимость причисленія Большо-Дербетскаго улуса къ составу Ставропольской губерніи, что, уничтоживъ „двойственность“ власти, дало бы возможность мѣстной администраціи принять болѣе или менѣе дѣйствительныя мѣры къ прекращенію „вопіющихъ злоупотребленій“—какъ со стороны астраханской администраціи, такъ равно и со стороны калмыковъ, съ успѣхомъ пользовавшихся выгодами двойственнаго своего положенія. А что калмыки понимали эти выгоды и умѣло пользовались ими—видно, между прочимъ, изъ того, что они, въ случаяхъ преслѣдованія ставропольской

администраціей, смѣло шли подъ испытанно-надежную защиту астраханской, гдѣ и находили полное покровительство. Случалось и наоборот.—Въ такихъ случаяхъ—не преступленія разслѣдовались, а со всей чиновничьей страстью разбирались принципиальный вопросъ: кто въ данномъ дѣлѣ имѣеть юридическія права „чинить судъ“ надъ калмыками и въ острогѣ какой губерніи ихъ пужно сажать. Покуда же рѣшалась эта сказка про бѣлаго бычка, калмыки привольно продолжали „чинить грабежи и разбой“. Только разумная настойчивость г. Бранчанинова, основанная на неоспоримыхъ и слишкомъ рѣзкихъ фактахъ, убѣдила, наконецъ, высшую администрацію положить предѣлъ весьма вреднымъ для народа чиновничьимъ препирательствамъ. Убѣжденный доводами г. Бранчанинова и не обращая вниманія на угрозы астраханскаго губернатора относительно „могущихъ быть народныхъ волненій“, министръ государственныхъ имуществъ, въ своемъ докладѣ на Высочайшее имя, рѣшительно высказался за необходимость „нарушенія единства калмыцкаго народа“. Онъ, между прочимъ, писалъ, что „отдѣленіе въ Ставропольской губерніи части калмыцкой степи... не можетъ—ни нарушить правъ калмыковъ, ни потрясти основъ ихъ быта, ибо вся земля, отведенная калмыкамъ для кочевья въ ихъ общее съ магометанами пользованіе, находится въ географическихъ границахъ Ставропольской губерніи. Передача земель калмыцкихъ въ вѣдѣніе на мѣстника кавказскаго не можетъ также измѣнить и экономическаго быта калмыковъ, ибо, переходя вмѣстѣ съ землями въ завѣдованіе иного начальства, калмыки остаются на тѣхъ же земляхъ, которыми они и пользовались и которыя постоянно были заняты чуждыми имъ кочевниками (эдишгульцами и др.)“¹⁾. Въ силу такого доклада министра государственныхъ имуществъ, наконецъ состоялось Высочайшее повелѣніе объ

¹⁾ Копія съ доклада г. министра государственныхъ имуществъ, равно и копія съ доклада г. Бранчанинова случайно были въ моихъ рукахъ.

отчисленіи Больше-Дербетскаго улуса въ вѣдѣніе ставропольской администраціи, что и исполнялось въ 1860 году.

Вслѣдъ за такимъ повелѣніемъ, вопреки увѣреніямъ астраханскаго губернатора, не послѣдовало никакихъ народныхъ волненій, равно никто изъ калмыковъ не потерпѣлъ и экономическаго разстройства. Да иначе и не могло случиться, такъ какъ пугливыя предположенія были чистѣйшей, ни на чемъ, кромѣ „корысти“, не основанной выдумкой астраханскихъ властей, тормозившихъ дѣло въ угоду нойонамъ-владѣльцамъ улусовъ, видѣвшимъ въ отдѣленіи части отъ цѣлаго а) косагательство на вѣковыя права народа и б) опасность причисленія калмыковъ къ крестьянскому сословію, слѣдовательно потерю прерогативъ своей власти.

Площадь, занятая кочевьями калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса, залегала на громаднѣйшемъ степномъ пространствѣ, начиная отъ р. Сѣверной Кугульты до р. Маныча и отъ р. Ягурлыка до рр. Кумы и Калауса ¹⁾ и исчислялась милліонами десятинъ земли; численность же кочевниковъ-калмыковъ не превышала четырехъ тысячъ душъ обоего пола. Такъ, по статистическимъ даннымъ, собраннымъ въ 1860 году, въ Больше-Дербетскомъ улусѣ значилось 812 кибитокъ, земли 2,100,000 десятинъ и 145,650 головъ рогатаго скота и лошадей. Свѣдѣнія эти, особенно относительно численности кибитокъ (отдѣльное жилое помѣщеніе), можно считать вполне вѣрными, потому что каждая отдѣльная кибитка, иначе „дымъ“, считалась тогда, какъ считается и по настоящее время, платной единицей по взносу *албана*—тогда въ пользу нойона, а теперь въ пользу обще-государственной казны; въ вѣрности же исчисленія кибитокъ былъ заинтересованъ самъ нойонъ, владѣлецъ улуса, такъ какъ съ каждой кибитки онъ получалъ до семи рублей въ годъ албана; слѣдовательно, при передачѣ калмыковъ въ вѣдѣніе ставрополь-

¹⁾ § 25 Положенія объ упр. калмыками 19 мая 1866 г.

ской администраціи, всякая не попавшая въ счетъ кибитка, оставаясь въ Астраханской губерніи, принесла бы его интересамъ явный и значительный ущербъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ можно вѣрить тогдашней официальной статистикѣ.

Если мы предположимъ, что каждая кибитка состояла изъ трехъ душъ мужского пола, то все населеніе калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса выразится въ цифрѣ 2436 душъ. Естественно, что такое крайне ограниченное число населенія кочевниковъ на пространствѣ двухъ слишкомъ миллионныхъ десятинъ земли являлось слишкомъ незначительнымъ, такъ что относительно населенія степь должна была представлять изъ себя почти пустынное мѣсто съ кое гдѣ едва примѣтно торчащими на ней калмыцкими кибитками; къ тому же кибитки, какъ походныя войлочныя палатки, не имѣли вокругъ себя ни загородей, ни другихъ какихъ либо хозяйственныхъ построекъ, въ которыхъ кочевникъ рѣшительно не нуждался. Впечатлѣніе пустынности степи особенно сильно увеличивалось еще и отъ того, что на всемъ обширномъ пространствѣ равнины, исключая транзитной дороги, идущей отъ г. Царицына и Астрахани на г. Ставрополь-Кавказскій, не было другихъ—не только дорогъ, но даже и проѣзжихъ тропинокъ, потому что обитатели степи—калмыки ѣздили исключительно верхомъ и безъ дорогъ, на глазъ, по прямому направленію и не по развѣченному слѣду, а „съ кургана на курганъ“. Даже и теперь, когда степь изрѣзана уже множествомъ проѣзжихъ колесныхъ дорогъ, калмыки не бросаютъ своей прежней привычки ѣздить не дорогой, а по прямому направленію.

Что же касается населенныхъ мѣстъ, то, при постоянномъ передвиженіи кочевниковъ, ихъ съ трудомъ можно было и примѣтить и отыскать, если случайно кто либо не наталкивался на ту или другую кучку кибитокъ. Словомъ раздолье и приволье было полное; дѣйственная степь, совершенно нетронутая рукой человѣка, изобиловала тучными пастбищами

и казалась богатѣйшей по своему плодородію. Даже и теперь, когда почва калмыцкой степи крайне уже истощена, благодаря хищническому способу распашки ея,—все таки весной и осенью, начиная съ сентября мѣсяца, она богато покрывается густой сочной травой,—только среди лѣта кажется точно выжженной. А такъ какъ бродячій людъ хорошо зналъ о привольѣ калмыцкихъ кочевій, то естественно, что онъ при первомъ же удобномъ случаѣ и хлынулъ въ нихъ массой, особенно послѣ того, какъ дѣло заселенія Таврической степи было окончательно урегулировано и прекратилась возможность произвольнаго захвата ея.

Дѣйствительно—по мѣрѣ успѣховъ нашихъ завсѣваній на сѣверномъ Кавказѣ, вслѣдъ за войсками изъ внутреннихъ губерній Россіи шла масса гулевого народа, почему либо не ужившагося на мѣстахъ своей родины и искавшаго свободныхъ и привольныхъ пристанищъ для осѣлости, поселившись на которыхъ можно было бы окончательно морвать счеты со всѣмъ своимъ прошлымъ, устроиться и жить такъ, какъ хочется, а не какъ велать.

Миновавъ Землю Войска Донского, выходя изъ Россіи прямо и сразу попадали въ безбрежныя калмыцкія степи, съ отсутствующимъ почти населеніемъ, если не считать за таковое кое гдѣ одиноко торчавшія кибитки кочевниковъ. Владѣльцы степи и кибитокъ—калмыки, при появленіи русскихъ, трусливо снимались со своихъ стойбищъ и уходили въ глубь степи—благо было куда уходить. По рассказамъ старожиловъ, номады никогда, особенно въ первое время захвата степи (конецъ прошлаго и особенно двадцатые годы текущаго столѣтія), активно не отстаивали своихъ правъ на землю. Такимъ, совершенно пассивнымъ отношеніемъ кочевниковъ къ отстаиванію своихъ интересовъ въ дѣлѣ захвата ихъ земли, не имѣвшей, положимъ, тогда въ ихъ глазахъ цѣнности, только и можно объяснить, какъ объясняютъ и сами калмыки, тотъ фактъ, что русскіе переселенцы, сами, безъ чьей бы то ни было посторонней помощи, только въ крайне рѣдкихъ случа-

яхъ вступаая въ борьбу съ номадами, выгнали послѣднихъ изъ ихъ кочевій, самовольно поселились въ степи, сначала хуторамъ, а затѣмъ и цѣлыми многолюдными, разстанувшимися на нѣсколько верстъ, селами и захватывали въ свое пользованіе столько земли, сколько хотѣлось, а не сколько нужно было.

Какъ уже отмѣчено, началомъ массоваго движенія въ калмыцкую степь и, такъ сказать, лихорадочно торопливаго заселенія ея слѣдуетъ признать двадцатые годы текущаго столѣтія. Всезахватывающему этому напору пришлыхъ людей сами калмыки въ первое время не хотѣли, а потомъ не смогли и не сумѣли положить преградъ, по необходимости тѣснились къ р. Манычу, гдѣ и находили сравнительный покой, потому что сплошные тамъ солончаки не представляли удобствъ для земледѣльческихъ поселеній. Лучшія же мѣста своихъ кочевій калмыки безъ активнаго протеста уступали чуждымъ ихъ жизни пришельцамъ. Задабриваемое начальство русскаго и калмыцкаго толка, игнорируя интересы калмыковъ, смотрѣло сквозь слишкомъ темныя очки на поступательное движеніе переселенцевъ и, послѣ совершившагося факта заселенія той или другой степной мѣстности, какъ бы вынужденное къ тому „экономическими соображеніями“, закрѣпляло земли за поселенцами, официально оправдываясь тѣмъ, что „нельзя же цѣлыя массы семействъ выгонять, разрушать постройки и тѣмъ приводить въ окончательное разореніе захватывателей калмыцкихъ степей“. Суть дѣла заключалась, разумѣется, не въ этихъ, отчасти справедливыхъ и, во всякомъ случаѣ, гуманныхъ соображеніяхъ, а въ „сотельныхъ“. Дѣло теперь прошлое, хотя и не особенно далекое по времени, крестьяне уже „крѣпко и нерушимо сидятъ“ на захваченныхъ ими мѣстахъ, почему, вспоминая старину, и не стѣсняются рассказывать со всѣми подробностями дѣла—кому и въ какихъ палатахъ и канцеляріяхъ и сколько было „отвалено сотельныхъ“ (стурублевныхъ) дабы „зажать рты твари“ т. е. заставить калмыковъ молчать и безпрепятственно селиться на ихъ земляхъ. „Сотельныя“

были такимъ могучимъ орудіемъ въ рукахъ переселенцевъ, что даже Высочайшія повелѣнія оставлялись „втуне“ и не имѣли желательнаго воздѣйствія на лакомыхъ къ „сотельнымъ“ ставропольскимъ и астраханскимъ заправилъ калмыками и ихъ кочевьями. Распоряженія же, ограждающія земельные интересы калмыковъ, были весьма опредѣленны и, повидному, очень строги.

Въ виду того, что заселеніе калмыцкой степи еще не окончено, прежнія же распоряженія по этому поводу не отменены и имѣютъ силу закона, мы остановимся на нихъ и рассмотримъ ихъ нѣсколько подробнѣе.

Статьями 228 и 229 Высочайше утвержденнаго 23 апрѣля 1847 года „Положенія объ управленіи калмыцкимъ народомъ“, между прочимъ, категорически требуется, чтобы улусныя управленія имѣли попеченіе, дабы предоставленныя въ пользованіе калмыцкому народу казенныя земли и угодья не подвергались неправильному пользованію постороннихъ лицъ. Неприкосновенность владѣнія калмыками земель должна быть провѣряема осмотрами границъ ежегодно въ началѣ весны и при наступленіи осени чрезъ записанговъ и старшинъ, о чемъ улусныя управленія и обязаны дѣлать донесенія палатѣ для включенія въ отчетъ Министра Государственныхъ Имуществъ. Въ свою очередь палата наблюдаетъ, чтобы люди посторонняго вѣдомства не селились самовольно на калмыцкихъ земляхъ, не пасли бы на нихъ своего скота и не оставляли купленнаго у калмыковъ на прокормленіи у нихъ же, кромѣ времени, нужнаго для прогона чрезъ улусы, для чего и полагается не болѣе двухъ мѣсяцевъ.

Мало этого—строгость охраны и заботливость о неприкосновенности калмыцкихъ земель простиралась, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, до того, что 81-й статьей того же „положенія“ требовалось, чтобы лица посторонняго вѣдомства, желающія ѣхать въ улусы, обязывались взять для себя изъ палаты государственныхъ имуществъ (въ г. Астрахани) билетъ, безъ чего воспрещалось имъ даже кратковременное пребываніе въ

улусахъ. Статьей же 11-й, какъ бы въ подтвержденіе 229 ст., воспрещается „людямъ посторонняго вѣдомства *безъ дозволенія правительства* селиться на отведенныхъ калмыкамъ земляхъ, впускать для пастбы свой скотъ и оставлять оный для прокормленія у калмыковъ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, *отобранія заведенныхъ строеній и скота и продажи оныхъ въ пользу калмыкаго общественнаго капитала*“.

Ранѣе же изданія упомянутого выше „положенія“—именнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ 28 мая 1839 года, объявленнымъ предсѣдателю государственнаго совѣта чрезъ военнаго министра—, строжайше воспрещалось поселеніе на калмыцкихъ земляхъ казеннымъ крестьянамъ и вообще выходцамъ изъ внутреннихъ губерній, какому бы вѣдомству они не принадлежали¹⁾. Но повелѣніе это, равно какъ и ранѣе отмѣченныя нами статьи „положенія“, какъ показали послѣдствія, только *примивались добросовѣстно къ дѣлу*, рѣшительно не исполнялись и практически *примѣнялись*—не тогда, когда нужно было и слѣдовало ихъ примѣнять, а напротивъ—когда выгодно было и *нужно* для цѣлей „нажима“ пригрозить ими туго раскошеливавшимся переселенцамъ; затѣмъ, получивъ чрезъ посредство „строжайшихъ“ должную мзду, ихъ опять прятали до новаго случая. Захватъ же земель продолжался даже въ большемъ размѣрѣ и съ большей беззаастѣнчивостію, чѣмъ до „повелѣнія“ и изданія „положенія“. Торопились и крестьяне-выходцы, пока есть возможность, захватить и „*систѣ на волимыхъ земляхъ*“, торопилась и ставропольская и астраханская администрація воспользоваться случаемъ безнаказаннаго собиранія весьма и весьма обильной дани за безмолвную, хотя и вполнѣ беззаконную, уступку чужой земли. Обѣимъ сторонамъ было выгодно и обѣ стороны со всѣми усиліями взаимно поддерживали другъ друга и не выносили соръ изъ избы, напротивъ—старались и преуспѣвали въ этомъ—облечь

¹⁾ Пол. Собр. Зак. изд. 1839. Томъ XIV, № 13384.

все въ благовидную и, путемъ подтасовокъ фактовъ, законную форму. Интересы же калмыковъ ни въ грошъ не ставлялись. Напротивъ, послѣднихъ всячески жали и вынуждали „тренидно молчать“.

И вѣтъ, разумѣется, ничего удивительнаго, что дѣатели по отчужденію калмыцкихъ земель въ пользу переселенцевъ не только наживали „солидные состоянія“, но даже прославились среди крестьянскаго населенія, и не только въ ставропольской губерніи, но и далеко за предѣлами ея. Ихъ знали и въ Курской, и въ Орловской, и въ Тамбовской, и во всѣхъ южныхъ губерніяхъ. Съ ними велась „откровенная“ переписка, чрезъ посредство которой составлялись „сдѣлки“, къ нимъ посылали ходяковъ и затѣмъ, сторговавшись, переселенцы уже „навѣрняка“ такъ или иначе снимались съ насиженныхъ мѣстъ и шли „въ калмыцкину“.

Между многими другими дѣателями на этомъ поприщѣ особенно широкую извѣстность своей „тороватостью“ имѣлъ Б. Впослѣдствіи этотъ „историческій“ дѣатель, положимъ, попалъ таки подъ судъ. Но надъ такимъ своимъ положеніемъ „устроитель земельныхъ дѣлъ края“ благодушно подсмѣивался, ибо капиталы свои и „благопріобрѣтенное“ онъ такъ умѣло „обставилъ“, что никакой судъ и ни въ какомъ случаѣ не могъ „подкопаться“ подъ него.

Но, кромѣ пассивнаго участія калмыковъ въ дѣлѣ захвата ихъ земель и алчности лицъ, „коиъ о семъ вѣдать надлежало“, по справедливому и очень характерному признанію одного изъ официальныхъ документовъ, составленныхъ губернаторомъ Бранчаниновымъ, быстрота, съ какою заселялась калмыцкая степь, объясняется, между прочимъ, еще и тѣмъ, что кочевья калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса долго служили яблокомъ раздора между астраханскимъ и ставропольскимъ начальствомъ, какъ о томъ мы уже упоминали. Касаясь объясненія причинъ этой стороны дѣла, г. Бранчаниновъ писалъ: „что пользуясь неопредѣленностію правъ калмыцкаго начальства, казенные крестьяне разныхъ внутреннихъ губер-

вій и люди вовсе безъ письменнаго вида, привлеченные слухомъ о свободномъ заселеніи калмыцкой степи, водворялись на ней безъ всякаго начальническаго на то разрѣшенія, захвативъ распашками значительныя пространства земель. Калмыцкое начальство, сосредоточенное въ г. Астрахани, не успѣвъ склонять этихъ самовольныхъ поселенцевъ къ удаленію, обращалось къ здѣшнему (ставропольскому) начальству съ требованіемъ заставить ихъ рѣшительными мѣрами возвратиться въ свои мѣста жительства или же перейти на другое мѣсто (куда?). Но ставропольское начальство, имѣя въ виду, что поселенія образуются на земляхъ, принадлежащихъ неподвѣдомственному ему населенію, считало себя не въ правѣ входить въ какія либо распоряженія въ предѣлахъ калмыцкаго управленія, имѣющаго по улусамъ свою полицію. Такимъ образомъ время проходило въ безплодной перепискѣ, а своеволие разрасталось все болѣе и болѣе. Поселенцы оставались несведенными и число ихъ увеличивалось неудержимо¹⁾.

Въ такомъ, крайне беспорядочномъ, видѣ шло весьма важное для края дѣло заселенія калмыцкой степи Больше-Дербетскаго улуса до начала шестидесятыхъ годовъ, т. е. до времени, когда—не въ силу закона и разныхъ распоряженій, а по неволѣ—пришлось сузить кругъ произвола и обратить, наконецъ, серьезное вниманіе на то, что калмыкамъ, въ случаѣ продолженія захвата ихъ степи, вскорѣ пришлось бы остаться совсѣмъ безъ земли. Итакъ—не предписанія и распоряженія, а сама жизнь заставила оглянуться, положить предѣлъ „самовольному“ переселенію въ калмыцкія степи, принудила фактически взяться за охрану послѣдней и такъ или иначе, но уже не только на бумагѣ урегулировать вопросъ объ отводѣ площадей подъ новыя поселенія выходцевъ. Тѣмъ болѣе нужно было, хотя бы и помимо желанія, упорядочить

¹⁾ Неопубликованная записка г. Брячанинова отъ 17 дек. 1857 г. о необходимости размежеванія Астраханской и Ставропольской губ.

этотъ вопросъ, что на ряду съ значительной убылью свободной калмыцкой земли, поступательное движеніе переселенцевъ не только не прекращалось, но даже увеличивалось. Шло оно съ двухъ сторонъ: первоначально съ сѣверозапада, чрезъ Воронежскую и Екатеринославскую губерніи и Землю Войска Донского, а затѣмъ, въ позднѣйшее время, чрезъ г. Царицынъ прямой линіей на г. Ставрополь-Кавказскій, когда открыто было правильное и безопасное торговое сношеніе Приволжья съ Кавказомъ. Съ этихъ двухъ сторонъ постепенно и возникали на калмыцкой степи громадныя и многочисленныя по населенію „русскія села“ выходцевъ по преимуществу изъ Полтавской, Черняговской, Киевской, Курской, Орловской, Тамбовской, Рязанской и др. губерній. Впослѣдствіи села эти, объединившись, образовали изъ себя два богатѣйшихъ въ Ставропольской губерніи уѣзда, а именно: Медвѣженскій и Новогеоргіевскій.

Въ настоящее время въ Медвѣженскомъ и Новогеоргіевскомъ уѣздахъ сплошь и рядомъ встрѣчаются такія многочисленныя и богатныя села, о какихъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ, если не считать фабричныхъ, и поятія не имѣютъ. Напримѣръ с. *Блная Глина*, болѣе чѣмъ съ десятитысячнымъ населеніемъ, по богатству своихъ построекъ выглядит лучше многихъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Въ этомъ селѣ есть даже „клубъ“. Таково не одно это село: мало чѣмъ уступаютъ ему и прочія села, въ особенности Медвѣженскаго уѣзда; перечислять ихъ и долго, и нѣтъ нужды.

Русскія села, захвативъ „чужую“ землю ¹⁾, не только плотно прижались къ калмыцкимъ кочевьямъ, но сумѣли врѣзаться, что называется, въ самое сердце ихъ. Къ числу этихъ послѣднихъ относятся: с. Яшалта, Хагинка и Эстонка,

¹⁾ Въ настоящемъ очеркѣ я не касаюсь вопроса о полезности или вредѣ захвата калмыцкихъ степей. Это особая статья. Не высказываю же своего взгляда въ надеждѣ коснуться въ особой статьѣ исторіи заселенія Ставропольской губерніи.

населенныя сплошь вѣдями, Разсипянскіе и Николаевскіе хутора. Такимъ образомъ въ настоящее время калмыцкая степь осталась открытой только съ двухъ сторонъ — именно со стороны р. Маныча и прилегающихъ къ ней соляныхъ озеръ (потому что сплошные солончаки рѣшительно непригодны для земледѣлія, къ тому же въ этой части степи очень трудно, а въ иныхъ мѣстахъ и невозможно, добыть прѣсную воду — слѣдовательно побережья р. Маныча не представляли и не представляютъ изъ себя ничего заманчиваго), затѣмъ со стороны Ставропольскаго уѣзда, собственно той части его, съ которой къ улусу примыкаютъ земли частныхъ владѣльцевъ, когда то щедрою рукою розданныя разнымъ, выражаясь мѣстнымъ жаргономъ, „бритымъ и небритымъ“ кавказскимъ дѣятелямъ, т. е. военнымъ и статскимъ.

Пользуясь случаемъ, тутъ же замѣтимъ, что получившіе въ даръ земельные участки, въ большинствѣ, давно уже успѣли промотать ихъ, благодаря чему около ста тысячъ десятинъ этой дарственной земли перешло въ собственность „тавричанъ“ - овцеводовъ, т. е. выходцевъ изъ Таврической губерніи. Тавричане, смѣнивъ прежнихъ владѣльцевъ, живутъ теперь настоящими помѣщиками, создали образцовыя во всѣхъ отношеніяхъ хозяйства и отлично обстроили свои усадьбы. Нечего, разумѣется, и говорить о томъ, что тавричане, купивъ землю въ собственность (отъ шести до пятнадцати руб. за десятину), утичтожили всѣ слѣды пребыванія на нихъ прежнихъ ихъ владѣльцевъ. Между прочимъ въ „жалованномъ“ имѣніи „статскаго генерала“ И. была собрана богатѣйшая бібліотека, доставшаяся тавричанину Б. послѣ покупки имъ имѣнія И. Отъ бібліотеки этой въ настоящее время остались одни лишь жалкіе клочки разрозненныхъ томовъ романовъ и повѣстей. Все же лучшее, серьезное, какъ незамательное, въ особенности книги на иностранныхъ языкахъ, — уничтожено и пошло „на подклейки и обертки“, частію же расхищено писарями и другими деревенскими интеллигентами. Книги же съ картинками, какъ и самый портретъ г. И.,

обращены въ игрушки для дѣтей. Мнѣ лично приходилось видѣть, какъ довольно художественно написанный масляными красками портретъ г. И. таскала дѣти по полу и забавлялись имъ, точно какой нибудь игрушкой... Достойная участь портрета лица, игравшаго когда то въ свою очередь судьбой края.

Какъ быстро размножались русскія поселенія на калмыцкой степи, можно судить, между прочимъ, по слѣдующимъ официальнымъ даннымъ.

Въ 1846 году, 30 декабря, изданъ былъ Высочайшій указъ, кончъ, въ видахъ обезпеченія пути сообщения съ Приволжьемъ и г. Астраханью и оживленія—скажемъ въ скобках: несуществовавшей и несуществующей среди калмыковъ,—промышленной дѣятельности среди кочевниковъ, разрѣшалось, по тракту, идущему изъ г. Астрахани на г. Ставрополь, устроить русскія *станицы* изъ государственныхъ крестьянъ. Такихъ станицъ на калмыцкой степи въ чертѣ Ставропольской губерніи въ 1849 г. устроено было восемь: 1) *Дивная* съ 93 семействами; 2) *Дербетовка* (Сладкія Бопани тожъ) 33 сем.; 3) *Винодѣльное* (Чемрекъ тожъ) 16 сем.; 4) *Предтеченская* (Кубурла) 70 сем.; 5) *Величаяя* 65 сем.; 6) *Урожайная* 94 сем.; 7) *Рогули* 78 сем. и 8) *Пробитый Колодець* 21 сем. Въ этихъ станицахъ, впоследствии (въ шестидесятихъ годахъ) переименованныхъ въ села, вскорѣ двory начали считаться сотнями. Затѣмъ, съ первыхъ же годовъ своего существованія, онѣ успѣли обратиться въ многолюднѣйшія и богатѣйшія поселенія, считавшія свои двory уже не сотнями, а тысячами. Ко всему этому если добавить, что, какъ утверждаютъ ставропольскіе старожилы, на разрѣшенныхъ для поселенія мѣстахъ выходцы селились не съ такою лихорадочною поспѣшностію и не такъ охотно, какъ на самовольно захваченныхъ дачахъ ¹⁾, то намъ вполне понятно будетъ, что если

¹⁾ Причина «не охоты» селиться на отведенныхъ мѣстахъ объясняется тѣмъ, что «на вольныхъ мѣстахъ» никто не спрашивалъ «документовъ», а это имѣло громадное значеніе для переселенцевъ.

бы не подоспѣла фактически энергичная забота о калмыцкихъ земляхъ, то отъ кочевій калмыковъ не осталось бы и слѣда и сами калмыки остались бы совсѣмъ безъ земли, какъ то и случилось съ ихъ родичами, попавшими въ Терскую область и не позаботившимися о приобрѣтеніи правъ на землю.

Началомъ настойчиво проводимыхъ въ жизнь мѣръ послужилъ Высочайше утвержденный въ 1862 году докладъ министра государственныхъ имуществъ объ отводѣ земли уже не переселенцамъ, а калмыкамъ подъ осёдлое ихъ поселеніе. Съ этого времени приступлено было къ генеральному измѣренію и обмежеванію собственно оставшейся въ пользованіи калмыковъ земли, которое и окончилось въ 1873 году.

Слишкомъ длинная и скорбная исторія — рассказъ о томъ, какъ производилось это размежеваніе. Достаточно будетъ воспроизвести одинъ изъ самыхъ мелкихъ фактовъ, чтобы общее было понятно. Вотъ этотъ фактъ.

Землемѣръ К. (давно уже умершій), обмеживая прірѣзку земли жителямъ сс. Разсыпанскаго и Николаевского, остановился съ плугомъ у начала питательной балки, единственной (въ той мѣстности) обладающей прѣсной водой. Причина остановки не была понята представителями Николаевского общества, рассыпанцы же попали „фортель“, переговоры съ землемѣромъ, переговоры надлежаще закрѣпили и плугъ, къ удивленію николаевцевъ, пошелъ не прямо, какъ бы то слѣдовало по условіямъ мѣстности, а зигзагами — въ обходъ балки... Въ результатѣ николаевцы, совершенно неожиданно для себя, получили сухой безводный бугоръ... Повторяемъ, что это одинъ изъ *блдиньшихъ* фактовъ размежевочной эпохи...

Не нужно забывать, что во время размежеванія земель, хотя и „втихомолку“, и не въ большомъ, сравнительно съ прежнимъ, количествѣ, но всетаки продолжался захватъ калмыцкихъ дачъ. И только въ 1873 году, когда уже окончена была разверстка участковъ земли между калмыками, переселенцы безвозвратно лишились возможности массами самовольно

селиться на калмыцкой степи безъ взноса за то арендной платы. Случай же захвата земли въ собственность, исключая одного, совершенно прекратился.

Въ свою очередь и сами калмыки, вслѣдъ за разверсткой между ними дачъ, потеряли возможность и право перекочевывать по своему произволу по степи, должны были „обосѣдлиться“ на отведенныхъ каждому *роду* ¹⁾ отдѣльныхъ участкахъ и забыть о прежнемъ привольѣ своей кочевой жизни. Имъ, по разверсткѣ степи, нарѣзано было на каждую наличную душу мужского пола по тридцати десятинъ „въ пользованіе“, да кромѣ того оставлено по шести десятинъ въ запасъ на случай увеличенія народонаселенія. Слагаемое этихъ шести десятинъ и образовало такъ называемую свободно калмыцкую степь, вполне изъятую изъ вѣдѣнія народа; слается она въ аренду улуснымъ управленіемъ и вся получаемая арендная плата причисляется къ калмыцкому общественному капиталу. Но объ этомъ послѣ.

Такимъ образомъ изъ *двухъ милліоновъ ста тысячъ десятинъ калмыцкой степи*, бывшей въ пользованіи калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса къ 1873 году, по точному землемѣрскому измѣренію, *осталось только около пятисотъ тысячъ десятинъ земли*; остальные же полтора милліона расхищены. Мало этого—и оставшіяся пятьсотъ тысячъ десятинъ далеко не всѣ поступили въ *пользованіе собственно калмыковъ простолюдиновъ*. Львиная доля удѣлилась крестьянскимъ обществамъ въ видѣ *прирѣзокъ* къ раньше захваченнымъ участкамъ, а также и *привилегированному калмыцкому сословію* т. е. зайсангамъ, владѣльческимъ родственникамъ, духовенству и нойону-владѣльцу улуса.

Вотъ статистическій перечень этихъ *прирѣзокъ* и *надѣловъ*:

¹⁾ Калмыки, какъ извѣстно, и до сихъ поръ не пережили родового бита и каждый ихъ *родъ* обособленъ отъ другого.

1) Нойову—владѣльцу улуса г. Гахаеву 1775 десятинъ. По „положенію“ ему слѣдовало только 1400 д.; 350 же десятинъ прибавлено въ видѣ неудобной земли, будто бы находящейся въ его участіѣ.

2) Сестрѣ владѣльца улуса 1000 десятинъ.

3) Женѣ полковника Эсаулова, урожденной Хапчуковой, въ пожизненное владѣніе 1521 десятина.

4) Калмыцкому ламайскому духовенству 3765 д.

5) Зайсангамъ и владѣльческимъ родственникамъ 11,000 десятинъ.

6) Крестьянскимъ обществамъ разныхъ селеній Медвѣженскаго и Новогеоргіевскаго уѣздовъ 174,087 д.

7) Подъ соляныя озера 8196 д.

8) Въ запасъ 83,878 д.

9) На предметъ Высочайшаго пожалованія 2521 д.

Въ пользованіе же калмыковъ просторюдиноеъ 212,058 десятинъ.

Цифры эти сами за себя говорятъ. Иллюстрировать ихъ здѣсь не у мѣста. Вопросъ же о томъ, что вызвало варѣзку земли привилегированному калмыцкому сословію и насколько она вызывалась дѣйствительною потребностію и справедливостію, рассмотримъ, когда коснемся вопроса о способахъ пользованія калмыками землей. Здѣсь же упомянемъ только о 8196 десятинахъ, прирѣзанныхъ къ солянымъ озерамъ, кои изъяты изъ пользованія калмыками.

Какъ извѣстно, въ Больше-Дербетскомъ улусѣ, близъ р. Мавыча, есть соляныя озера: Джалгинское (самое большое), Яшалтинское, Красное, Царыкъ, Шитинуръ и другія—незначительныя. До уничтоженія акциза на соль озера эти эксплуатировались непосредственно казною, затѣмъ онѣ сдавались въ аренду частнымъ лицамъ. Такъ вотъ прирѣзка къ нимъ земли и мотивировалась тѣмъ, что *при озерахъ будто бы необходимо имѣть свободное мѣсто для вытаса быковъ и лошадей, принадлежащихъ лицамъ, приѣзжающимъ за солью...* Это восемь то тысячъ десятинъ для погаса быковъ и лошадей приѣз-

жающих за солью! Суть дѣла, разумеется, не въ чужихъ быкахъ и лошадяхъ, а вотъ въ чемъ. Арендныя деньги платились въ казну только за озера, земля же шла даромъ въ придачу къ нимъ и ничуть не увеличивала стоимости аренды. Между тѣмъ она то и была главной статьей дохода. И только въ 1893 году додумались до сути дѣла, отдѣлили выпасную землю отъ озеръ и начали сдавать въ аренду озера особо, а землю особо, чѣмъ сразу чуть ли не удесатерили доходность съ нея.

Итакъ, по окончаніи „раздѣла“ калмыцкой степи, почти легендарныя сказанія о ея привольѣ начали мало по малу переходить въ область преданій. Массовый наплывъ желающихъ поселиться на ней постепенно прекратился и перешелъ въ единичные случаи, единичныхъ лицъ, рѣшавшихся, хотя временно, селиться хуторомъ на той или другой калмыцкой дачѣ, да и то всегда съ разрѣшенія калмыковъ.

Стѣсненный въ свободѣ выбора мѣста для жительства въ калмыцкой степи, весь пришлый людъ, поневолѣ, началъ ютиться въ русскихъ селахъ и оттуда уже дѣлать вылазки въ „калмычнину“. Въ настоящее время этотъ пришлый безземельный людъ успѣлъ образовать изъ себя довольно многочисленный такъ называемый „иностраннiй элементъ“. Есть села, въ которыхъ „иностраннiе“ составляютъ чуть ли не половину населенія. Въ Ставропольской губерніи, равно и въ Кубанской области съ ними ведется уже ожесточенная борьба, ихъ выжидаютъ всяческими мѣрами, но пока безуспѣшно, потому что иностраннiе успѣли обзавестись и усадьбами, и очень не бѣднымъ хозяйствомъ, къ тому же упорно отстаиваютъ свое право „жить по билету идъ согласно“ въ чемъ юридически и неуязвимы ¹⁾.

¹⁾ Недавно правительство издало распоряженіе, по которому мѣстнымъ жителямъ предоставлено право облагать въ свою пользу налогомъ иностраннiихъ

Последними мотивами въ дѣлѣ самовольнаго захвата калмыцкой земли, уже послѣ окончательной разверстки ея, были крестьяне изъ Таганрогскаго округа. Крестьяне эти, въ числѣ около пятидесяти семействъ, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ пріѣхали въ калмычнину со всѣмъ своимъ хозяйствомъ, даже съ лѣснымъ матеріаломъ для построекъ, стали таборомъ близъ р. Джалги, не далеко отъ впаденія ея въ р. Манычъ, въ одну ночь вырыли себѣ землянки и такъ прочно, точно въ траншеяхъ, засѣли въ нихъ, что полицейское оружіе не могло выбить ихъ оттуда. Пошедшія на „хлопоты“ (выраженіе Яшалтанъ) *три тысячи рублей* сдѣлали то, что крестьяне эти—*ослушники улусной полиціи*—не только остались на захваченномъ ими мѣстѣ и образовали поселокъ, называющійся теперь официально *Яшалтой* и неофициально—*Дурноселовкой*, но, совершенно уже на законномъ основаніи, получили въ надѣлъ изъ свободной калмыцкой земли двѣ с лишкомъ тысячи десятинъ и не въ далекомъ будущемъ ожидаютъ получить еще около шести тысячъ десятинъ, о чемъ усиленно и ходатайствуютъ.

Въ настоящее время Яшалтане уже обстроились, имѣютъ свое сельское управленіе, церковь, школу, два кабака и двѣ лавки; населеніе же возросло до ста двадцати дворовъ.

Но и послѣ потери возможности такъ или иначе селиться на калмыцкой степи крестьянское населеніе, особенно иногородніе, и до сихъ поръ еще не успокоилось и глубоко вѣрить, что, рано или поздно, а непременно должно наступить время, когда земля все таки будетъ отобрана отъ „*тварей*“, т. е. калмыковъ, и распределится между безземельными русскими. Такая рѣшительно ни на чемъ, пока, не основанная увѣренность

за усадьбы, скотъ и пр. Право это слишкомъ вредно отразилось на экономическомъ благосостояніи иногороднихъ и дало могучее орудіе для прижима ихъ. Газета «Сѣверный Кавказъ» переполнена корреспонденціями изъ разныхъ мѣстъ о неурядицахъ между иногородними и мѣстными жителями. Вообще населеніе Ставропольской губ. и до сихъ поръ еще не уурядочилось и представляетъ обильный матеріалъ для исследователя.

заставляет русских чутко прислушиваться ко всему, что дѣлается въ улусѣ, съ завистью смотрѣть на калмыцкія дачи и съ ненавистью относиться къ самимъ калмыкамъ, видя въ лицѣ ихъ виновниковъ „оттажки“ времени раздѣла степи. Въ свою очередь и калмыки боятся крестьянъ и вѣрять, что они отнимутъ у нихъ землю.

Въ продолженіе пяти слишкомъ лѣтъ моего пребыванія въ калмыцкой степи мнѣ сплошь и рядомъ приходилось сталкиваться не только съ „иногородними“, проживающими въ предѣлахъ Ставропольской губерніи и постоянно „ширящими“ по степи съ цѣлью развѣдки, нѣтъ ли гдѣ нибудь какой либо возможности поселиться на ней, но даже и съ крестьянами, нарочито для той же цѣли пришедшими изъ отдаленнѣйшихъ отъ Кавказа губерній, крестьянами, „обивавшими пороги“ всѣхъ властей и мущихъ съ докучливой по своей недовѣрчивости просьбой указать, какъ и „какимъ способомъ можно приписаться на калмыччинѣ“, т. е. получить усадьбу и землю. При этомъ ищущіе земли всегда до того глубоко увѣрены въ своемъ „правѣ на землю“, равно и въ томъ, что отъ нихъ *скрываютъ правду*, что не обинуясь высказываютъ свое недовѣріе въ справедливости разувѣреній и разъясненій относительно отсутствія въ калмыцкой степи свободныхъ для ихъ поселеній дачъ. Когда же въ 189¹/₂ году нарядово было по Высочайшему повелѣнію семь тысячъ семьсотъ семьдесятъ двѣ десятины для образованія поселка изъ крещеныхъ калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса, то, по поводу права селиться на этой землѣ и *крестьянамъ*, между послѣдними началось настоящее волненіе.

Фактъ этотъ весьма важенъ и въ жизни калмыковъ, и для характеристики отношеній крестьянъ къ инородческой землѣ, почему мы и воспроизведемъ его съ возможной подробностію.

По точному смыслу Высочайшаго повелѣнія, на отведенной подъ поселеніе крещеныхъ калмыковъ землѣ могутъ селиться исключительно только выкрестившіеся калмыки Большо-

Дербетскаго улуса. Этимъ правомъ не пользуются даже выкрестившіеся изъ сородичи другихъ улусовъ—по той простой причинѣ, что земля вырѣзана изъ дачъ душевого надѣла больше-дербетцевъ, а не изъ запаса. Если же таково ограниченіе для калмыковъ, то тѣмъ болѣе крестьяне ни подъ какимъ предлогомъ не могли и не могутъ рассчитывать на возможность „примоститься къ крещенымъ калмыкамъ“. Относительно обхода этого вопроса не оставлено никакой лазейки въ точно и ясно выраженномъ правительственномъ распоряженіи объ образованіи „поселка крещенныхъ калмыковъ“, названнаго „*Князе-Михайловскимъ*“. Не смотря на это „слухъ“ объ образованіи Князе-Михайловскаго поселка и о поселеніи въ немъ крестьянъ съ быстротой телеграфныхъ сообщеній разнесся—не только въ предѣлахъ Ставропольской губерніи и Донской области—гдѣ также много „уногороднихъ“,—но даже и по отдаленнымъ губерніямъ. Такой „слухъ“, какъ и всякій чисто народный слухъ о возможности получить землю, будучи далекимъ отъ истины, варіировался на разные лады и правда въ немъ всказалась до невѣроятныхъ, но въ то же время воплѣтъ отвѣчающихъ надеждамъ народа, предположеній, которыя поэтому и получили силу увѣренности въ справедливости „извѣстій“ и двинули въ *Калмычнину* массу беззекельнаго люда, торопившагося захватить „*участочки*“.

Жалѣю, что здѣсь не у мѣста говорить о подробностяхъ этого движенія. Мнѣ же оно многими интимными своими сторонами извѣстно потому, что мнѣ пришлось близко стоять къ дѣлу устройства Князе-Михайловскаго поселка. Скажу только, что гораздо раньше фактическаго осуществленія распоряженія о нарѣзкѣ земли для предполагаемаго поселка—народъ ежедневно, чуть не сотнями, „валилъ“ въ Икичунусовъ родъ, изъ дачъ котораго рѣшено было выдѣлить участокъ земли для поселенія будущихъ князе-михайловцевъ. Въ теченіе же весны 1891 года тамъ перемывали тысячи ищущихъ „осады“, т. е. возможности поселиться; приходили даже и изъ такихъ отдаленныхъ мѣстъ, какъ Курская, Орловская и др. губерніи.

наставляют русских чуть прислушиваться ко всему, что делается въ улусѣ, съ завистью смотрѣть на казницкія дачи и съ ненавистью относиться къ самимъ казницкамъ, видя въ нихъ какъ виновниковъ „оттеки“ времени раздѣла степи. Въ снѣгъ очерель и казницы бѣгутъ крестьянъ и вѣрять, что они отвоюютъ у нихъ земли.

Въ продолженіе пяти слѣдующихъ лѣтъ моего пребыванія въ казницкой степи мнѣ случилось и рядомъ приходилось сталкиваться не только съ „изгородниками“, проживающими въ предѣлахъ Отагороваго губерніи и постоянно „пширящие“ по степи съ цѣлью раздѣла, нѣтъ ли гдѣ нибудь какой либо возможности поселиться на вѣй, но даже и съ крестьянами, нарочито для той же цѣли пришедшими изъ отдаленнѣйшихъ отъ Кавказа губерній, крестьянами, „обивавшими пороги“ всѣхъ властей и ушавшихъ съ докучливой по своей недовѣрчивости просьбой уезжать, какъ и „какимъ способомъ можно прикинуться на казницкіи“, т. е. получить усадьбу и землю. При этомъ ищущіе земли всегда до того глубоко увѣрены въ своемъ „право на землю“, равно и въ томъ, что отъ нихъ скрываютъ правду, что не обнуаясь высказываютъ свое недовѣріе въ справедливости разувѣреній и разъясненій относительно отсутствія въ казницкой степи свободныхъ для ихъ поселеній дачъ. Когда же въ 189^{1/2} году наръзано было по Высочайшему повелѣнію семь тысячъ семьсотъ семьдесятъ двѣ десятины для образованія поселка изъ крещеныхъ казницковъ Больше-Дербетскаго улуса, то, по поводу права селиться на этой землѣ и крестьянамъ, между послѣдними началось настоящее волненіе.

Фактъ этотъ весьма важенъ и въ жизни казницковъ для характеристики отношеній крещеныхъ казницковъ къ землѣ, почему мы и воспроизведемъ подробности.

По точному смыслу Высочайшаго повелѣнія, въ этой землѣ подъ поселеніе крещеныхъ казницковъ допускаются исключительно только выкрас-

Дербетского улуса. Этих крестьян и помещиков не
 выкрестившихся ихъ сородичи дружно выжили — а не по
 той причинѣ, что земля принадлежала имъ по старому
 больше-дербетству, а не по новому. Если бы не было
 выделение для каминовъ, то гдѣ бы были крестьяне и не
 какимъ предлогомъ не могли бы не выжить. И не
 возможность „привоститься къ крестьянамъ“ —
 сительно обхода этого вопроса не удалось. И не
 въ точно и ясно неправдымъ предположеніемъ
 жеваніи объ образованіи „классъ крестьянъ“ и
 званнаго „Классъ Милосердія“. И не по той
 объ образованіи Классъ Милосердія не
 въ немъ крестьянъ съ (какимъ) —
 разнесся — не только въ (какомъ) —
 и Донской области — гдѣ (какимъ) —
 даже и по отдаленности (какимъ) —
 ослѣдствіи чисто народной (какимъ) —
 будучи далекіи отъ (какимъ) —
 правда въ немъ (какимъ) —
 времена волею (какимъ) —
 пій, (какимъ) —
 сп (какимъ) —

за-
по-
на
день
дѣта.
посе-
крыть

Класснымъ слу-
 ячи версть
 не держать
 мѣ, обиднымъ
 доброжелатель-
 уже прозрач-
 ланіе „сорвать“ ва
 бѣднякахъ, скажемъ
 безконечно сожалѣть
 прошлымъ каминовъ
 лась правда и не легальное

Все торопилось прибыть въ Калмычнину пораньше, первымъ, и тѣмъ не упустить случая „захватить“ свободное мѣсто. Всѣ твердили, что гдѣ то тутъ, въ Калмычнинѣ, отведена земля „для поселенія православныхъ за то, что они будутъ обучать нехристь“, — „мы же православные; дайте намъ пожалованную землю“!.. „Пора православнымъ смѣнить негодную тварь и образовать ее на крестьянскій манеръ“. Для образованія же „твари“ и „велико православнымъ селиться на ея землѣ“. „Что ужъ тутъ! Дѣло видное! Нечего морочить и скрывать правду!“... „Мы эвона гдѣ, говорятъ другіе, прослышали“. „Небойсь—какъ-бы не такъ—не было-бы слуху межъ православными. Ну скажи—отводятъ землю крещенымъ.“ „Отведутъ“... „Значить, нечего и толковать.. Самъ говоришь, что отведутъ, да, видно, не договариваешь.“ „Мы тоже, поди, крещенные—что ужъ тутъ кривить душой!“... И прочее въ этомъ родѣ твердили съ ожесточеніемъ видимо озлобленные словами разочарованія бѣдняки, забывшіеся въ калмыцкую степь не только за сотни, но даже и за тысячу версть—въ чаиніа „заполучить землю“, отведенную „православнымъ“. И пѣтъ ничего удивительнаго, что ожесточеніе и озлобленность болѣзненно вызывалась наружу несогласными съ ихъ упованіями и надеждами, но совершенно искренними и справедливыми, разъясненіями—несовѣтливости вѣры „въ слухи“, заставившіе бѣдняковъ напрасно забиваться въ такую даль, какъ калмыцкая степь. Надежды же и упованія были настолько сильны, увѣренность въ правѣ и возможности получить землю—такъ непоколебима, что не только слова и разъясненія, идущія въ разрѣзъ съ упованіями, не принимались въ резонъ и считались лукаво-корыстными, но даже показываніе „бумаги за надлежащими подписями“, разъясняющей суть дѣла, рѣшительно не имѣло никакого вліянія въ смыслѣ разувѣренія „православныхъ“ въ сбѣточности ихъ надеждъ, а напротивъ въ „бумагѣ“ даже и хорошо грамотные изъ ходоковъ относились особенно проницательно—недовѣрчиво.

„Что ты намъ суешь бумагу“, слышалось всегда, „она,

вишь, бумага!.. Знаемъ мы это сами. Поди не сегодня родилась. Ну скажи намъ—можешь ты самъ ее написать?.. Можешь другому дать написать?.. Можешь!.. Ну.. то-то... Такъ ты и не суй еѣ намъ... А коли по душамъ говорить... Гмъ... Можетъ ты при народѣ стѣсняешься?... Такъ пойдѣмъ въ сторонку... Мы ежели что... во какъ убудотворимъ... только скажи правду... а бумагу то брось... Что ужъ дурачишь?"...

Правдивое и въ этомъ случаѣ, къ тому же совершенно доброжелательное, отклоненіе „переговоровъ на сторонкѣ“ только еще болѣе раздражало глубоко увѣренныхъ въ своемъ правѣ крестьянъ.

„Такъ вы тутъ, значить, всѣ за одно. Небось съ другихъ заплучили, а отъ насъ хотите скрыть правду!... Гляди... и на васъ найдемъ управу!“

И съ нескрываемою злобой противъ разрушающихъ завѣтныхъ мечтъ, съ увѣренностію въ корысти людской, съ ронотомъ противъ исказителей правды,—одна толпа уходила сегодня; на смѣну ея завтра же шла другая, на другой день опять новая... и такъ въ продолженіе почти всего лѣта. Нѣкоторые вновь раза по два и по три навѣдывались въ поселокъ съ самыми соблазнительными предложеніями *открыть имъ правду... одну только правду...*

Глядя на этихъ людей, соблазненныхъ искаженнымъ слухомъ о калмычнинѣ, гонимыхъ нуждою за тысячи верстъ искать „осадьбы“ и земли, гдѣ можно было бы не держать „дурей на привязи“; сталкиваясь съ ихъ тупымъ, обиднымъ подчасъ недоувѣріемъ къ словамъ искренняго доброжелательства,—стыдно было сердиться на слишкомъ уже прозрачные намеки на лукавство, подвохи и желаніе „сорвать“ за *открытіе правды*. Напротивъ, объ этихъ бѣднякахъ, скажемъ безъ жеманства, приходилось только безконечно сожалѣть и въ то же время задумываться надъ прошлымъ калмыцкой степи и о той цѣнѣ, какой покупалась правда и не легальное

право селиться на ней, ... да еще о тѣхъ чувствахъ враждебности и послѣдствіяхъ ея, какія испытывали калмыки при видѣ налетѣвшихъ на нихъ землю хищниковъ (съ точки зрѣнія калмыковъ)... Оставляя же поселокъ, движимая надеждою поселиться въ немъ толпа шла въ г. Ставрополь-Кавказскій и тамъ сотнями подавала прошенія о причисленіи въ „крещеный поселокъ“. Просьбы подавались не только губернатору и приставу кочующихъ народовъ, но даже архіерею и ректору духовной семинаріи. И все это въ надеждѣ: „авось, молъ, если не тамъ, такъ здѣсь выплыветъ наружу страстно желаемая правда объ „осадеббахъ на калмыччинѣ“. Лично мнѣ совершенно неожиданно и отъ совершенно невѣдомыхъ мнѣ крестьянъ приходилось получать письма изъ Курской и Воронежской губерній со „слезной просьбой“ и „припаданіемъ къ стопамъ ногъ“ „не оставитъ несчастныя семьи“ и увѣдомить, куда и къ кому слѣдуетъ обращаться съ просьбой о припискѣ къ „крещеному поселку“...

Увѣренность въ полной возможности приписаться къ крещеному поселку еще болѣе увеличивалась отъ того, что въ поселкѣ была уже выстроена церковь. Видѣ ея безконечно смущалъ преисполненныя надеждъ сердца и умы крестьянъ...

„Чтой-то!“ слышалось отъ всѣхъ, „неужели это для твари? Гляди—вѣдь она, тварь, и ходитъ то въ церковь въ своей поганой одѣжѣ... Бабы въ шапкахъ... въ штанахъ... съ трубками... Одна скверность... Нѣтъ—тутъ безъ хрестьянъ дѣло не обойдется...! Что же, что крещеные! Видимость одна, больше ничего! Помѣшать ихъ нужно съ православными... Тогда, може, и выйдетъ толкъ... Такъ оно и будетъ... И караулитъ ее, матушку, некому...“

Съ надеждою на „мъманнму“, т. е. на поселеніе „ископи православныхъ“ съ „выкрестами“,—вновь, и съ новой силой и упорствомъ первые принимались хлопотать и, разумѣется, все напрасно!... Иные изъ пришлецовъ просили принять ихъ за обязательство всю жизнь служить даромъ сторожами при церкви; другіе—церковными старостами; тѣ—безвозмездно обу-

чать калмыковъ огородничеству, земледѣлію, мастерствамъ .. были и такіе, что соглашались даромъ кормить вдовъ, сиротъ; хотѣли жениться на калмычкахъ или же отдавать своихъ дочерей за выкрестовъ... Словомъ, готовы были на всевозможныя жертвы, лишь бы „получить осадьбу и осѣсть“... И пусть извинитъ меня миссіонеръ Князе-Михайловскаго поселка іеромонахъ Меодій за невольный съ моей стороны упрекъ по его адресу за то, что онъ, не имѣя на то ни малѣйшаго права и основанія, рѣшился смутить нѣкоторыхъ крестьянъ, подавъ имъ надежду, даже увѣренность, въ осуществленіи несбыточной мечты о причисленіи ихъ къ Князе-Михайловскому поселку. Упоминаю объ этомъ потому, что случилось это въ 1893 году, когда страсти уже улеглись было, отецъ же іеромонахъ вновь пробудилъ къ жизни задремавшія мечты о правахъ на поселеніе среди новокрещенныхъ... Но не онъ одинъ льстилъ завѣтнымъ желаніямъ крестьянъ... Бывшій волостной старшина с. Большой-Джалги (Ставр. губ.) сумѣлъ воспользоваться слѣпой вѣрой ищущихъ земли и безъ стѣсненія эксплуатировалъ ихъ. Онъ успѣлъ и сумѣлъ увѣрить простецовъ въ своемъ знаніи, какъ направить ихъ на путь, которымъ можно добыть землю на калмыччинѣ, за написаніе же безграмотныхъ прошеній бралъ „по рублю съ семы“... Вообще очень жаль, что наплывъ „крестьянства“ въ крещеный поселокъ не получилъ въ свое время должной огласки... Имъ многое можно было бы освѣтить изъ прошлаго захвата калмыцкихъ земель и отчасти уяснить причины существующей ненависти и презрѣнія крестьянъ къ калмыкамъ и наоборотъ...

Такъ по 1894 годъ окончилось дѣло разверстки калмыцкой земли и заселенія ея и таково, въ общихъ чертахъ, неприглядное прошлое судьбы „ордынской степи“. Изъ всего прошлаго одно только хорошо, что калмыки такъ или иначе, но имѣютъ уже свои опредѣленныя дачи и ограждены, пока, отъ возможности захвата ихъ. Но прежде, чѣмъ говорить о

томъ, какъ калмыки пользовались и пользуются землей и на чемъ основаны ихъ юридическія права на нее, предварительно скажемъ, что за народъ калмыки, познавонимся въ общихъ чертахъ съ его исторіей, бытомъ и нравами.

II.

Изъ изслѣдованій генералъ-маіора Завалишина, произведенныхъ имъ въ началѣ текущаго столѣтія и вошедшихъ въ составъ „Полнаго Собранія Законовъ“ въ видѣ приложенія къ указу 1806 г., помѣщенному въ XXIX томѣ, видно, что „калмыцкая орда“, подъ предводительствомъ своего хана *Хо-Юрлюкз*, въ 1630 году пришла въ предѣлы Европейской Россіи изъ Великой Татаріи, т. е. Монголіи, захватила приволжскія степи и сразу же подчинила своей власти кочевавшихъ по обонимъ берегамъ рѣки Волга и южнымъ притокамъ ея—татаръ, туркменъ, ногайцевъ, кара-ногайцевъ, эдигульцевъ, эдисанцевъ и др. Покоривъ эти народцы, *Хо-Урлюкз*, предводительствуя воинственными калмыками, задумалъ возстановить угасшую Золотую Орду и сосредоточить управленіе народомъ въ г. Астрахани. Съ этою смѣлою цѣлю онъ, вскорѣ по прибытіи и закрѣпленіи за собой приволжскихъ степей, рѣшился сдѣлать нападеніе на г. Астрахань. *Хо-Урлюку* удалось разгромить предмѣстья города, разграбить имущество жителей и выжечь всѣ постройки, находившіяся въ крѣпости. Самой же крѣпости, за смертію хана, калмыкамъ не удалось взять и они отступили въ глубь своихъ степей.

Преемникъ *Хо-Урлюка*, его сынъ, ханъ *Шурхур-Дайчимз*, не будучи такимъ воинственнымъ и смѣлымъ, какъ *Хо-Урлюкз*, но отличаясь чисто азіатскою хитростію и лукавствомъ, отказался наружно не только отъ желанія возстановить Золотую Орду, но и вообще отъ поповзновеній образо-

вать самостоятельное ханство изъ своего калмыцкаго народа. Дабы увѣрить въ этомъ наше правительство, Шункуръ-Дайчинъ отправилъ своихъ пословъ въ Москву къ царю Алексѣю Михайловичу съ изъявленіемъ желанія „быть у Московскаго царя съ смолью и полною послушаніи“, въ чемъ и была принята отъ пословъ присяга. Но „вѣчное и полное послушаніе“ на дѣлѣ не исполнялось. Мало этого—Шункуръ-Дайчинъ, помимо желанія и даже вѣдѣнія московскаго царя, возведенъ былъ Тибетскимъ Далай—Ламой въ титулъ хана и получилъ отъ него всѣ знаки этого сана (тамагу и пр.). Положимъ, для видимости, дабы усыпить подозрительность московскаго правительства, хитрый калмыцкій ханъ какъ бы отклонилъ принятіе отъ Далай—Ламы льстившаго его самолюбію титула, но въ дѣйствительности поступалъ какъ повластный ханъ, необязанный никому подданствомъ, ни во что не ставилъ распоряженій и требованій нашего правительства, продолжалъ дѣлать нападенія и грабежи въ поселеніяхъ русскихъ подданныхъ и уводилъ ихъ въ полонъ. Грабежи и нападенія до того были дерзки, смѣлы и постоянны, что наше правительство, бессильное смирить калмыковъ своимъ оружіемъ, сочло необходимымъ путемъ ласки вновь склонить „ордынцевъ“ къ присягѣ въ томъ, что они оставятъ разоры московскихъ людей и сами будутъ вѣрными подданными царя, милостиво давшаго имъ степи подъ кочевья.

Такая присяга и дана была, но уже не Шункуръ-Дайчиномъ, а его сыномъ *Пунцукомъ* въ 1661 году. Въ свою очередь эта присяга, какъ и первая и послѣдующія за нею, оставались только бумажнымъ актомъ, въ существѣ дѣла мало и даже вовсе не сдерживающимъ проявленія разбойническихъ инстинктовъ дикой и своевольной калмыцкой орды. Требованія же исполненія присягъ не поддерживались съ нашей стороны штыками. Калмыки хорошо понимали слабость московскаго правительства и, не сдерживаемые силой его оружія, являлись истиннымъ бичемъ для своихъ сосѣдей. Они нападали даже на воннственннхъ кавказскихъ горцевъ, разорали ихъ аулы

и особенно старались увести оттуда какъ можно больше женщинъ, съ которыми и вступали потомъ въ бракъ. Присяга „въ вѣчномъ послушаніи“ въ особенности оставалась мертвой буквой во время управленія калмыцкимъ народомъ знаменитаго хана *Аюка*. Аюкъ-ханъ самовластно правилъ калмыцкой ордой около пятидесяти лѣтъ, отличался умомъ, хитростію, пронырливостію, умѣніемъ пользоваться всѣми обстоятельствами и нетерпимостію ко вмѣшательству въ свои дѣла. Онъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ калмыцкимъ народомъ хановъ; память о немъ и до сихъ поръ еще не умерла и народъ прославляетъ его въ своихъ сказаніяхъ и пѣсняхъ, какъ героя, славу и гордость свою. Дѣйствительно—со смертію Аюкъ-хана умерла и слава калмыковъ и, разумѣется, не воскреснетъ.

Властолюбивый Аюкъ-ханъ—не такъ, какъ лукавый и трусливый Шункуръ-Дайчинъ,—не стѣснялся открыто принять отъ Далай—Ламы ханское достоинство со всѣми присвоенными этому сану регалиями. Считая же себя полновластнымъ ханомъ, онъ не обращалъ ровно никакого вниманія на требованія и угрозы московскаго правительства, что хотѣлъ, то и дѣлалъ, гдѣ хотѣлъ, тамъ и грабилъ и разбойничалъ и уводилъ въ плѣнъ не только „магометанъ“, но и русскихъ. Все Поволжье—до Самары и Симбирска, а также и жители Моздокской степи трепетали калмыцкой ордой...

Аюкъ-ханъ входилъ даже въ сношенія съ крымскими ханами, принималъ отъ нихъ и посылалъ къ нимъ своихъ пословъ; ходилъ со своимъ войскомъ къ берегамъ Чернаго моря—словомъ, онъ только фактивно признавалъ свою зависимость отъ „Московскаго царства“.

Послѣдующіе за Аюкомъ калмыцкіе ханы: *Церенз-Дундукъ*, *Дундукъ-Омбо*, *Дундукъ-Даши* и *Убаши*, такъ же, какъ и Аюкъ, но съ меньшимъ самовластіемъ, продолжали управлять калмыцкой ордой и, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, также безнаказанно производили грабежи и разбой, не только въ селахъ, но даже и въ городахъ, и уводили въ плѣнъ по преимуществу женщинъ. На требованія же правительства

„прекратить неустойства орды“ и выдать виновных, ханы обычно отвѣчали, что „таковыхъ нѣтъ“. А такъ какъ требованія наши не подкрѣплялись воинскими командами, то, поневолѣ, и приходилось успокаиваться такими лживыми отвѣтами и до поры до времени терпѣть дикое своеволие ордынцевъ.

Только съ 1771 года—когда русское правительство смогло наконецъ съ пушками и штыками обратить свое вниманіе на своеволія калмыцкой орды, размѣстало въ ея вочевьяхъ постоянныя воинскія команды, строго ограничило самодержавіе хановъ и заставило ихъ подчиниться контролю мѣстной русской администраціи,—нападенія на села и города не шайками, а правильно организованными отрядами, наконецъ мало по малу прекратились. Мелкіе же разбои хотя и продолжались, какъ продолжаютъ и теперь, но уже чѣмъ дальше, тѣмъ все съ меньшей и меньшей силой и смѣлостію, не такъ открыто и не въ такомъ количествѣ случались.

Въ томъ же 1771 году калмыки, недовольные ограниченіемъ своихъ вольностей и активнымъ вмѣшательствомъ русскихъ властей въ ихъ дѣла, подъ предводительствомъ хана *Убани*, огромной частію своей орды покинули предѣлы Россіи и бѣжали на свою родину, т. е. въ Монголію,—гдѣ и живутъ до настоящаго времени подъ именемъ *Олютовъ*¹⁾.

Побѣгъ калмыковъ въ Монголію, но еще въ большей степени разгромъ пугачевского бунта, въ которомъ калмыки принимали самое дѣятельное участіе, за что жестоко и поплатившись, окончательно смирилъ калмыцкую орду и далъ возможность нашимъ властямъ уже *по настоящему* взять ее въ руки и, какъ увидимъ ниже, закрѣпостить и обратить сводо-

¹⁾ Въ бытность мою въ Монголіи въ 1883 году нѣкоторое время пришлось прожить среди Олютовъ. Интересными ихъ воспоминаніями о времени пребыванія въ Россіи и о томъ, что они испытали во время бѣгства (войны съ киргизами и пр.) я думаю вскорѣ подѣлиться. Кстати замѣчу, что Олюты и до сихъ поръ не потеряли еще сношеній съ нашими калмыками.

долюбивыхъ, не знавшихъ рабства обитателей степей въ полныхъ рабовъ. Положимъ—къ послѣднему московское правительство стремилось съ первыхъ же годовъ прихода орды въ Приволжье и въ этомъ видѣло единственное средство смирить калмыцкій народъ, но, будучи бессильнымъ, смогло осуществить свое желаніе только въ концѣ прошлаго столѣтія.

Такимъ образомъ начало семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія слѣдуетъ считать концомъ болѣе или менѣе самостоятельной, хотя и вредной для сосѣдей, исторической жизни калмыцкаго народа. Съ этого же времени для калмыковъ, въ свою очередь, начинается скорбный мѣртворологъ всѣхъ притѣсненій „простомудимовъ“ отчасти „по закону“, какъ должно возмездіе за „безчестія“, но въ несравненно большемъ числѣ случаевъ по произволу и алчности разныхъ властей и мущихъ лицъ; такая система водворенія порядка среди калмыковъ не могла, само собой понятнo, искоренять хищническихъ инстинктовъ этого народа, напротивъ—разжигала ихъ страсти и въ концѣ концовъ довела калмыковъ до современнаго намъ нищенскаго ихъ состоянія.

Прошлое калмыковъ, въ особенности съ начала настоящаго столѣтія, сплошь характеризуется хищеніемъ ихъ богатствъ, стремленіемъ къ обезличенію, приниженію до крайнихъ предѣловъ рабства этихъ своевольныхъ, не знавшихъ гнета нищеты и позора рабства дичихъ сыновъ первобытныхъ степей, ушедшихъ изъ Монголіи—именно потому, что китайцы сдѣлали попытку дисциплинировать ихъ...

Общими усліями „воздѣйствователей на культуру калмыковъ“ достигнута въ концѣ концовъ то, что калмыки не только ни на шагъ не двинулись впередъ въ дѣлѣ социально-экономическаго своего развитія, но напротивъ—пригнетены разными войнами, попечителями, опекунами, приставами и др., обобранные ими и разными пришлецами—обнищали, нравственно извратились, потеряли вѣру въ справедливость и человечность официальныхъ и неофициальныхъ „воздѣйствователей“, стали въ непріязненные отношенія къ „культуртре-

терамъ", замкнулись въ своей гнилой скорлупѣ и сдѣлали крутой поворотъ назадъ, до болѣзненности ревниво охраняя свои бытовныя особенности и устраняя все то, что могло бы сблизить ихъ съ сосѣднимъ русскимъ населеніемъ. И только со средины восьмидесятыхъ годовъ, когда въ силу многихъ причинъ отъ прежняго богатства скотомъ у калмыковъ остались одни лишь воспоминанія, другихъ же, кромѣ скота, источниковъ для добыванія средствъ къ жизни въ наличности не оказалось—народу волею неволею пришлось задуматься надъ своимъ положеніемъ и въ потемкахъ исковерканной во всѣхъ отношеніяхъ жизни искать просвѣта и средствъ поддерживать свое жалкое существованіе и выхода изъ гнетущей со всѣхъ сторонъ нищеты.

Оставляя въ сторонѣ описаніе типическихъ особенностей калмыковъ, какъ давно уже общезвѣстныхъ, скажемъ только, что со времени своего прихода въ Россію и до начала восьмидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія всѣ калмыки Больше-Дербетскаго улуса, какъ и ихъ сородичи—астраханцы, оставались такими же номадами скотоводовъ, какими были и на своей родинѣ—въ Монголіи и жили въ такихъ же кибиткахъ (войлочныхъ шалашахъ) какъ и ихъ прародители; не оставили кибитокъ они и теперь, за исключеніемъ богачей, обзаведшихся, какъ увидимъ ниже, избами и даже домами. Сила привычки жить чуть не подъ открытымъ небомъ и до сихъ поръ еще такова, что калмыки, вполне уже ознакомившись съ русскими избами и повявъ преимущества послѣднихъ предъ кибитками, зимой все таки не могутъ жить въ „хатѣ“, не платившись за то головной болью. Въ этомъ отношеніи зимой 1891 года можно было наблюдать довольно любопытное явленіе, казавшееся необъяснимымъ для незнакомыхъ съ калмыцкимъ бытомъ. Расскажемъ,—ибо оно характерно.

Для крещенныхъ калмыковъ Князе-Михайловскаго поселка въ 1891 году выстроили около пятнадцати крестьянскихъ избъ и уничтожили кибитки, дабы тѣмъ заставить калмыковъ забыть про патриархальныя ихъ жилища. Каза-

лось бы—чего лучше? Не только дырявая, (а таковых громадное большинство), но даже и новая кибитка служить, повидному, весьма плохой защитой отъ зимнихъ вьюгъ и холодовъ, лѣтомъ же отъ пыли, дождей, бурь,—единственно защищая только отъ лѣтняго зноя¹⁾),—крестьянская же изба не только лѣтомъ, но въ особенности зимой, даже мало или же вовсе нетопленая, въ непогодъ, несравненно лучше кибитки; съ точки зрѣнія осѣдлаго человѣка между ними даже и сраженія быть не можетъ. Но это по нашему мнѣнію такъ,— по калмыцки же наоборотъ. Сносную кибитку онъ не промѣняетъ на хорошую избу, что фактически и доказали князь-михайловцы. Вынужденные жить въ избахъ—они, когда пришла зима и на дворѣ нельзя уже было приготовить пищу, по неволѣ начали топить печи. Но, дабы не мучиться въ *теплѣ и духотѣ неснѣжаго воздуха*, „выкресты“ не затворяли дверей, а даже въ самые трескучіе морозы оставляли ихъ открытыми не только въ сѣняхъ, но и у входа въ теплое помещеніе. Очевидно, сила привычки—быть всегда на свѣжемъ воздухѣ, хотя подъ часъ и растворенномъ ѣдкимъ дымомъ, у калмыковъ на столько велика, что *удобство жить въ теплѣ и полномъ затѣньи отъ непогодъ и зимнихъ вьюгъ*,—удобства столь необходимы для нашего крестьянина,—кочевниками улуса, жившими съ вѣковѣчныхъ временъ въ кибиткахъ—не только ставятся ни во что, но даже и не кажутся таковыми. Мало этого—опытъ поспѣшнаго водворенія „выкрестовъ“ въ избы, пренебрегшій соображеніемъ о силѣ при-

¹⁾ Въ 1889 году мнѣ пришлось прожить лѣто и осень до декабря мѣсяца въ кибиткѣ. Но это было мученіе, а не жизнь. Лѣтомъ не было спасенія отъ пыли—пища, одежда, гѣло—все сплошь покрывалось съ во время почти безперывныхъ восточныхъ вѣтровъ, осенью же холодъ не позволялъ освободиться отъ шубы. Раскладывать огонь въ кибиткѣ—не было возможности, потому что ѣдкій дымъ отъ *арала* (скотскій пометъ) «выгдалъ» глаза и нечѣмъ было дышать, такъ что холодъ казался лучше пріобрѣтеннаго съ такою потерей существенныхъ удобствъ жилища.

вычеѣ ихъ къ иному образу жизни и жилищу имѣлъ и губельныя послѣдствія.

Положимъ, у многихъ калмыковъ, въ особенности Бюдурмисова, Кюбетова, Бага-Бурулова, Абганера—Гаханкинова и Икатукунова родовъ—крестьянскія избы были заведены гораздо ранѣе, чѣмъ у князе-михайловцевъ; но хозяева избы, имѣя ихъ, никогда не бросали кибитокъ. Въ избы зимой скорѣе можно встрѣтить отелившуюся корову, овцу, всегда телятъ и ягнятъ, но не калмыковъ. Только бѣдняки, у коихъ кибитка дѣлалась къ зимѣ ни куда не годной, во время сильной вьюги и метелей, по необходимости рѣшались временно селиться въ избахъ съ тѣмъ, чтобы весной во всякомъ случаѣ покинуть ихъ.

Въ *Кердамы* наприимѣръ (Бюдурмисовъ родъ), у калмыка *Дордже-Джембинова* есть даже прекрасный домъ въ нѣсколько комнатъ, съ крашеными окнами, дѣрвами, полами, подъ желѣзной крышей, съ крытой стеклянной галлереей; но Джембиновъ живетъ не въ немъ, а въ кибиткѣ, которая и ставится зимой тутъ же во дворѣ предъ домомъ, а лѣтомъ въ степи. На вопросъ же: зачѣмъ построилъ домъ, если не живетъ въ немъ—Джембиновъ отвѣчаетъ, что—*„для дѣтей“*. Предусмотрительность далеко не лишняя,—такъ какъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что дѣти современныхъ намъ калмыковъ покинутъ кибитки и будутъ жить уже въ избахъ.

Въ былую пору, когда у больше-дербетцевъ была масса собственныхъ овецъ, кибитка стояла не особенно дорого—не болѣе двадцати-тридцати рублей, да и то больше платилось за дорогое въ степи дерево, нужное для рѣшетчатого остова ея. Теперь же, когда овцеводство сдѣлалось единичнымъ достояніемъ богачей, у массы же народа нѣтъ и „хвоста овечьяго“, цѣнность кибитки настолько значительно увеличилась, что по дороговизнѣ своей для значительнаго большинства сдѣлалась очень мало доступной. Бѣдняки цѣлыми годами упорнаго труда по селамъ въ качествѣ пастуховъ и чернорабочихъ кое какъ „сколачиваютъ“ средства на приобрѣтеніе и притомъ

не всегда новой кибитки. Нѣкоторые же и вовсе уже не имѣютъ таковыхъ и вынуждаются строить землянки, въ конхъ постепенно и вымирають.

Что же касается крестьянской избы, то таковая, въ степной части ставропольской губерніи, довольно сносная, съ сѣнами и тепловымъ помѣщеніемъ, стоитъ гораздо дешевле кибитки. Плохая кибитка, съ крестьянской работы полстями, т. е. тонкими и набитыми для плотности мѣломъ и отрубями—стоитъ не менѣе восьмидесяти рублей и затѣмъ чрезъ три года, не болѣе, обращается въ кучу лохмотьевъ, особенно съ подвѣтренной стороны; лучшая же кибитка съ болѣе плотными и чистыми полстями калмыцкой работы цѣнится отъ ста до двухъ сотъ рублей и держится въ пригодномъ для неприхотливыхъ калмыковъ видѣ не болѣе пяти-шести лѣтъ, причемъ послѣднее возможно только при ежегодномъ ремонтѣ ея. Но такіа кибитка, въ настоящее время, могутъ имѣть только богатые калмыки, у конхъ есть свои овцы, или же коя усиленно занимаются земледѣліемъ; тѣхъ же и другихъ, т. е. земледѣльцевъ и скотоводовъ, не болѣе одного на сто душъ общаго числа населенія Больше-Дербетскаго улуса. Стоимость же крестьянской избы, экономически построенной, обходится калмыку никакъ не дороже семидесяти рублей и послѣдняя можетъ служить десятки лѣтъ при затратѣ на ремонтъ ея только личнаго труда да глины для обмазки. Послѣднее необходимо потому, что въ степной части Ставропольской губерніи всѣ избы строятся главнымъ образомъ изъ „самана“, т. е. сырцоваго кирпича ¹⁾, который съ выдѣлкой и кладкой въ стѣны цѣнится отъ восьми до десяти рублей за тысячу,—идеть же его на избу—десяти аршинъ длины и шести ширины—никакъ не болѣе двухъ тысячъ. Самымъ дорогимъ

¹⁾ Въ упомянутомъ нами выше с. Яшалтѣ церковь выстроена изъ саманнаго кирпича.

материаломъ при постройкѣ избы служить лѣсъ, доставляемый въ степь—либо изъ г. Ростова на Дону, либо Царицына и низовыхъ волжскихъ пристаней, т. е. за триста верстъ отъ Больше-Дербетскаго улуса. Нельзя сказать, чтобы калмыки не понимали преимуществъ избы предъ кибиткой, сравнительную дешевизну первой и ея несомнѣнную прочность; обнищавъ, кочевники начали уже усиленно заботиться, впрочемъ не во всѣхъ родахъ, о постройкѣ хатъ, но сами все таки не рѣшаются жить въ нихъ. Нерѣшимость эта, несмотря на очевидную нужду обмѣнять кибитки на избы, кромѣ врожденной непривычки жить въ тепловыхъ помѣщеніяхъ, объясняется главнымъ образомъ боязнію того, что если народъ броситъ кибитки и перейдетъ въ избы, то вслѣдъ за этимъ сразу, „безъ разговоровъ“, вслѣдъ выкрестятъ, отнимутъ землю, припишутъ къ крестьянскимъ обществамъ и запретятъ называться калмыками. Глубокая въ этомъ увѣренность не только сильно способствуетъ упорному отстаиванію традиционныхъ привычекъ и взглядовъ на образъ жизни, но и въ высшей степени тормозитъ дѣло сближенія съ крестьянскимъ населеніемъ и зснятіе земледѣліемъ.

Если бы не боязнь потери своихъ національныхъ особенностей, а съ ними „правъ и правилей“, калмыки давно уже бросили бы кибитки и жили бы въ избахъ, не дожидаясь, пока ихъ, какъ крещеныхъ князе-михайловцевъ, поселятъ въ нихъ. Говорю это не голословно, а на основаніи знанія пятимной, такъ сказать, стороны жизни больше-дербетцевъ, съ которыми я жилъ въ самыхъ непосредственныхъ сношеніяхъ, почти ихъ жизнью.

Въ ревнивомъ обереганіи своихъ вышшихъ особенностей калмыки, со своей точки зрѣнія, пожалуй и правы. Въ сущности, разумѣется, изба, какъ изба, ни при чемъ; но дѣло въ томъ, что съ ней, или, вѣрнѣе, съ рѣшимостію жить въ ней тѣсно связанъ весьма важный шагъ къ перемѣнѣ всего экономического строя жизни калмыковъ. Перейдя въ избу, имъ пришлось бы окончательно осѣсть, а осѣвши—иначе распределить

пользованіе земель, чѣмъ теперь, при передвиженіяхъ съ кибитками съ мѣста на мѣсто. Ибо нельзя было бы тутъ же, возлѣ пзбы, и выпасывать скоть, и косить сѣно. Не развивая этой мысли, скажемъ только, что *остыми*, калмыки твердо ступили бы на первый путь земледѣльческой культуры... Не-волью приходится высказать сожалѣніе, что въ жизни калмыковъ и до сихъ поръ всѣ и все способствуетъ не къ тому, чтобы убѣдить ихъ въ бесполезности и вредѣ упорнаго поддер-жанія прежняго образа жизни, потерявшаго всякій практической смыслъ и даже невозможнаго въ силу радикально измѣнившихся экономическихъ условій,—но къ тому, чтобы еще болѣе запугать ихъ разными строгостями и ненужнымъ вмешательствомъ въ мелочи ихъ жизни.

Запуганные разными официальными и неофициальными просвѣтителями, не слыша на русскомъ языкѣ живого ласковаго слова, слова, которое не сопровождалось бы внушительными начальническими интонаціями, разными „подскакиваніями“¹⁾, угрозами и закрѣпленіемъ правдивости таковыхъ „казаками“—калмыки, естественно, относятся ко *осяму* и *осямъ не своимъ*—крайне недоувѣрчиво, подозрительно, плотнѣе смыкаются и упорнѣе силятся сохранить свою обособленность, хотя и ясно понимаютъ весь вредъ отъ такого упрямства и сознаютъ, что *конецъ* ихъ уже близокъ и что изъ нищеты имъ иначе не выбиться, какъ страхнувши съ себя всю свою старину.—Но этого то они и не хотятъ дѣлать. Потерявъ все, нищенствуя до послѣдней степени, сбившись съ толку,—икалмыки все таки продолжаютъ цѣлко держаться своихъ традиционныхъ обычаевъ; цѣлко потому, что надъ этими обычаями, составляющими *душу народа*, ругаются, смѣются, безжалостно смѣшиваются съ грязью самыя святыя его чувства, насилуютъ

¹⁾ Такъ выражались калмыки, высказывая свои впечатлѣнія о орѣчкахъ къ нимъ одного изъ начальствъ, минувшаго, что онъ понимаетъ народъ, а народъ его, почему и любившаго мучить народъ безполезными разглагольствованіями.

природу и отказываются понимать, что такими „способами еліямія на народъ“ прямымъ путемъ достигается то, что для калмыковъ дѣлается ненавистнымъ даже все то, что во очію говоритъ имъ о своей полезности, что практически пригодно для нихъ и легко осуществимо въ ихъ быту. Калмыки почти беззащитны; у нихъ нѣтъ орудія, съ помощью котораго имъ разумно можно было бы отражать непрошенное вмѣшательство въ ихъ жизнь. Любому охочему человѣку нѣтъ никакой трудности навязывать имъ свои просвѣтительныя задачи. Разъ же въ основу этихъ задачъ положено презрѣніе къ народу и надругательство надъ его національными особенностями, то естественно, что выполнение такихъ задачъ приноситъ только вредъ болѣзненно относящимся въ своей судьбѣ калмыкамъ, чутко прислушивающимся ко всему, что клонится къ измѣненію ихъ жизненныхъ устоевъ, и отталкивающимъ всѣ непрошенныя вмѣшательства во внутренній ихъ міръ... И мрутъ бѣдняки, сотнями мрутъ отъ разныхъ болѣзней и невзгодъ,—мрутъ потому, что дырявая, плохая кибитка и вѣчно полуголодное существованіе не даетъ возможности и силъ бороться съ болѣзнями,—на помощь же имъ, именно въ нужную пору, безъ официальныхъ никто не приходитъ. Умирая же—открыто не ропщутъ, а только съ болью въ сердцѣ повѣряютъ другъ другу свои скорби *о потерѣ права въ нужный моментъ безъ проволочки пользоваться доходностію со своей земли* ¹⁾ Представьте себѣ (говорю о дѣйствительномъ фактѣ) суровую зиму, бугры снѣга вокругъ дырявыхъ кибитокъ и въ послѣднихъ—больныхъ оспой и брюшнымъ тифомъ... Въ семьѣ нѣтъ ни одного здороваго... Некому дать помощи, подать напиться воды, прикрыть обнажившееся тѣло... Холодъ и вѣтеръ свободно гуляетъ по кибиткѣ... Жажда и голодъ мучить... Есть буквально нечего... Неправда ли—поразительная, много говорящая картина?... Къ тому же не выдуманная, а существовавшая въ 1893 году (о ней рѣчь будетъ впереди)... Знаютъ

¹⁾ Какъ это случилось и въ чемъ суть—ни скоро объяснимъ.

калмыки, что имъ лучше было бы въ хатѣ, понимаютъ, что живи они „оросъ замаръ“, т. е. по русски—не терпѣли бы тѣхъ невзгодъ, какія терпятъ теперь... Но что же дѣлать, когда этотъ „оросъ замаръ“ имъ насильно навязываютъ и смятся регламентировать каждый ихъ шагъ, подавляя всякое проявленіе личной инициативы и стремясь водить уже взрослыхъ людей на административной веревочкѣ безъ права распоряжаться даже своимъ карманомъ, причемъ послѣднее дѣлается подъ предлогомъ якобы „заботы о благосостояніи народа“.

Чтобы судить объ экономическомъ благосостояніи калмыковъ, достаточно разъ проѣхать черезъ Больше-Дербетскій улусъ, не спрашивать никого и ни о чемъ, а только смотреть на калмыцкія кибитки. Въ нихъ мѣстахъ онѣ представляютъ изъ себя сплошную кучу черного и сѣро-грязнаго тряпья, кое какъ держащагося на деревянномъ остовѣ кибиточной рѣшетки, и только изрѣдка мелькаютъ цѣлмы, не ободранныя кибитки. За недостаткомъ войлока, дыры заштопываются чѣмъ попало: и кусками старой рубахи, и половой бешмета, и обрывками мѣшка. Только осенью, съ наступленіемъ ненастной погоды и холодовъ, калмыки, жертвуя иногда послѣднимъ теленкомъ, покупаютъ кусокъ полсти, чтобы „залатать“ ту сторону кибитки, у которой спитъ семья. Видъ такихъ жалкихъ жилищъ нѣмо, но вполне доказательно свидѣтельствуетъ о нищетѣ народа, *имѣющаго около четырехъ сотъ тысячъ общественнаго капитала, родовыхъ суммъ и тридцать десятинъ душевого надѣла.*

Живя въ такой жалкой, лишенной не только удобствъ, но и возможности защиты отъ непогодъ, кибиткѣ, калмыки отличаются также крайней неприхотливостію и ограниченностію до минимума въ своихъ потребностяхъ. Нельзя сказать, чтобы даже плохая кибитка устраивала возможность поддерживать въ ней порядокъ и чистоту, но привычки къ этому нѣтъ въ натурѣ калмыка.

По внѣшнему своему виду онъ грязенъ до невозможности, грязно и все то, что есть у него въ домашнемъ обиходѣ. По-

суда никогда не моется и не вычищается, если невыпнуть ее собаки,—почему всегда и покрыта толстым слоем грязи, образующейся из молочных и других осадков. Молоко—эта единственная повседневная пища—съ навозомъ и волосамъ; одежда всегда перепачкана, засалена и въ дырахъ, исправляется рѣдко; лицо, въ особенности же голова, шея, уши и руки, покрыты грязью; вши вездѣ въ невѣроятномъ количествѣ... Все пропитано неприятнымъ запахомъ вонюти, который присущъ каждому калмыку, какъ нѣчто специфическое. Гдѣ бы онъ ни появился, не видя его, по одному только запаху можно узнать о присутствіи „твари“ (т. е. калмыка). Если случится калмыку раздобыть себѣ гдѣ либо кусокъ мяса, то, не обращая вниманія на то, что оно „вывалино“ во всякой нечисти, онъ преспокойно, не мывши, варить его. Въсто воды—пьеть всегда какую то муть изъ невообразимо грязной посуды, сдѣланной (нерѣдко) изъ кожи. Нечистота воды еще болѣе увеличивается отъ того, что въ той же посудѣ, которой черпается вода изъ бопаней, держится и молоко и наваръ съ мяса козъ. Въ кибиткѣ все въ беспорядкѣ навалено, все скомкано и измято.... Словомъ—беспорядокъ, неряшество грязь, полное отсутствіе понятія о чистоплотности—можно назвать родной стихіей нашего калмыка. Единственно чѣмъ онъ дорожитъ и что старается держать, по возможности, въ чистотѣ и порядкѣ—это сѣдло, ташмакъ (плетъ) поая и сапоги.

Сѣдла у калмыковъ обыкновеннаго казачьяго образа, плетъ же дѣлается толстой и весьма искусно плетется. Сила удара ташмакомъ такова, что калмыкъ совершенно свободно можетъ убить имъ человѣка, изломать ребро и спину лошади и быку. Въ видахъ такого опаснаго свойства ташмака существуетъ распоряженіе, запрещающее калмыкамъ имѣть у себя ташмаки, комъ и отбираются не только властью имущими, но всякимъ частнымъ человѣкомъ, буде къ тому онъ имѣеть охоту. Но калмыкъ до того любитъ имѣть при себѣ ташмакъ, что не только верхомъ на лошади, а даже и пѣшкомъ нигуда

не выходить безъ плети и, если боится брать свою толстую, то замѣняетъ ее тонкой нагайкой, держать которую ему не возбраняется.

Пояса калмыки носятъ ременные, украшенные чеканнымъ узорчатымъ серебромъ, нерѣдко вызолоченные чешуйчатые; такіе пояса цѣнятся очень дорого, отъ ста до двухъ сотъ и болѣе рублей.

Что же касается сапогъ, то калмыки любятъ, чтобы они были непременно съ длинными голенищами на высокихъ съ подковками каблукахъ. Страсть имѣть хорошіе сапоги многихъ изъ нихъ заставляетъ отказывать себѣ въ самомъ необходимомъ, лишь бы раздобыть деньги на покупку шегольской обуви. Въ особенности къ тому склонна, какъ водится, молодежь. Женщины и старики носятъ сапоги изъ красной сафьяновой кожи.

О шапкахъ національнаго калмыцкаго покроя стоитъ упомянуть уже потому, что образецъ ихъ позаимствованъ нами для нашихъ почтовыхъ ямщиковъ и кучеровъ и сдѣлался обязательной форменной принадлежностью послѣднихъ. Женщины же и дѣвушки носятъ обыкновенно низенькія, желтыя съ чернымъ околышемъ шапочки, въ торжественныхъ же случаяхъ молодыя украшаютъ „макалз“ (шапки) густой красной бахромой, — а старухи надѣваютъ шапки одинаковаго покроя съ мужиками.

Не будучи разборчивымъ въ пищу, калмыкъ ѣстъ все и во всякомъ видѣ, не исключая даже и падали. Только собаки и кошки нейдутъ ему въ пищу. Всему же, какъ гастрономическое блюдо, предпочитается козье и баранье мясо. Послѣднее считается даже лекарственнымъ—именно крѣпкій съ него наваръ—называемый „шулюмомъ,“ калмыки употребляютъ, какъ лекарство. Нужно замѣтить, что калмыки вообще при заболѣваніяхъ, до наступленія кризиса или же выясненія характера болѣзни, пьютъ одну только холодную воду и ни за что, ни подъ какимъ видомъ, не употребляютъ другой пищи и только при началѣ выздоравливанія пьютъ изъ чашекъ бараній шулюмъ. Хлѣбъ всѣ очень любятъ, но печь адмыкз (хлѣбъ)

не умѣютъ. Ихъ „мышки“ неудобосъдобны. Приготавливаются онѣ такъ. Въ водѣ безъ соли круто замѣшивается тѣсто изъ ржаной или пшеничной муки; затѣмъ дѣлаются нетолстые калачики или лепешки, которыя и пекутся въ горячей золѣ. Еще горячими ихъ кое какъ, разумеется, не обращая вниманія на прилипшую къ нимъ золу,—можно ѣсть; но когда онѣ засохнуть, то нужно имѣть калмыцкіе зубы, чтобы возможно было разгрызть такіа „мышки.“

Кромѣ пышекъ, изъ муки же готовится „буданъ;“ это—молоко, смѣшанное съ мукой и прокипяченное въ котлѣ. Бѣдняки же готовятъ буданъ просто на одной водѣ.

Богатые лакомятся также „бормонциксами,“ т. е. шариками изъ пшеничнаго тѣста, жареными на бараньемъ салѣ. Всѣ вообще калмыки любятъ капусту, лукъ, картофель, огурцы, дыни и арбузы. Капусту и лукъ ѣдятъ въ сыромъ видѣ, послѣдній даже безъ хлѣба; на свѣжесть арбузовъ и дынь также не обращаютъ вниманія. Но, несмотря на любовь къ огороднымъ овощамъ, никто изъ калмыковъ, за весьма рѣдкими, единичными изъ всей массы населенія исключеніями, не занимается огородничествомъ.

Самой же обычной, постоянной и незамѣнимой пищей служитъ „Калмыцкій чай“. Для приготовления его покупаются большія плиты прессованнаго чайнаго сора, въ которомъ попадаются прутья, мыши и даже, хотя и рѣдко, змѣи. Нужная для варки часть плиты мелко крошится ножомъ и затѣмъ толчется въ порошокъ и бросается въ кипящую въ котлѣ воду. Послѣ достаточнаго кипѣнія, къ чайному навару прибавляютъ соль, муку, бараний жиръ или же масло, и чай готовъ. Пьютъ его изъ деревянныхъ маленькихъ чашечекъ съ хлѣбомъ и пышками, если таковыя есть. Когда же выпьется вся жидкость изъ котла, то „шару“ (твердые части чая) собираютъ въ особую вмѣющуюся для того холщевую мѣшочекъ, выжимаютъ влагу и сушатъ, дабы потомъ опять изъ шары варить чай, и это повторяютъ до тѣхъ поръ, пока шара совершенно перестаетъ окрашивать воду и сообщать ей особый вкусъ. Богатые слаб-

риваютъ запахъ „чай“ порошокъ изъ мускатнаго орѣха, но это уже роскошь, допускаемая бѣдняками только въ дни годовыхъ праздниковъ, да и то не всѣми.

Всѣ вообще калмыки очень любятъ чай и онъ для нихъ обратился въ органическую потребность, безъ него они, „скупаютъ“ и при наймахъ въ работники ставятъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы поили ихъ чаемъ—иначе, какъ они говорятъ, „животъ болятъ и работать нема.“ Дома, въ своихъ кибиткахъ, они постоянно пьютъ чай не только днемъ, но даже и ночью и въ невѣроятномъ количествѣ. Мой хорошій знакомый, встать сказать, рѣдкій по уму и сердцу калмыкъ, зайсангъ *Бадамъ Лапиновичъ Опоиновъ* выпиваетъ по полуведру за разъ и пьетъ его два раза въ день—и такихъ любителей немало въ калмыцкой степи.

Чай калмыцкій, въ сущестѣ дѣла, есть не напитокъ, а пища, къ тому же довольно сытная и своеобразно вкусная, если хорошо приготовлена. Къ употребленію его привыкли не только наши крестьяне, но и деревенская „интеллигенція“, сирѣчь купцы, писаря и духовенство. Не нужно забывать, что калмыцкій чай, какъ пища, сравнительно очень дешевъ. Плитка его, по мѣстному „кирпичъ“, стоитъ отъ рубля восьмидесяти копѣекъ до двухъ рублей тридцати копѣекъ; вѣситъ два съ половиною фунта и болѣе, такого же кирпича на самую большую семью достаточно на цѣлый мѣсяцъ; бѣдная же семья, при экономіи, довольствуется—и безъ лишеній—половиной плитки въ тотъ же срокъ.

Въ былую пору, когда калмыцкая изобиловала большими табунами лошадей, гуртами скота и массою овецъ, каждый калмыкъ ѣлъ мясо вдоволь и не зналъ, что значить нужда въ молокѣ. Теперь же молока у него не всегда достаточно, а у многихъ и совсѣмъ его нѣтъ; мясомъ же калмыкъ рѣдко лакомится, да и то добываетъ его большею частію воровскимъ путемъ. Въ общемъ же—почти всѣ калмыки живутъ впроголодь, томимые вѣчной жаждой раздобыть гдѣ либо семьѣ и себѣ кусокъ хлѣба и „махану“ (мяса), для чего постоянно и

шляются по русскимъ селамъ и хуторамъ, выпрашивая и покупая подъ покровы и посѣвъ муку и собирая объѣдки. После заговѣнья всегда можно встрѣтить въ селлахъ десятки ободранныхъ, жалкихъ, изможденныхъ бѣдняковъ, мужчинъ и женщинъ, шныряющихъ изъ избы въ избу съ цѣлью выпросить „*могана кусокъ*“, т. е. остатки скоромной пищи, въ какомъ бы видѣ она ни была. „Хурсакъ голодна“ (желудокъ пустой) „кушай нема“ (ѣсть нечего)—вотъ обычная тема калмыковъ при встрѣчѣ съ постороннимъ человекомъ, разъ послѣдній заведетъ рѣчь о его жетѣ-бытьѣ.... И это до такой степени нищенства дошелъ когда то гордый, дѣкій, властный народъ, считавшій свой скотъ тысячами табуновъ, овецъ десятками тысячъ стадъ, не знавшій, что такое нужда, дѣлавшій хищническіе набѣги ради удали, а не куска хлѣба, какъ то есть теперь... „Наша байгушъ стала“, говорятъ калмыки, т. е. „мы стали бѣдняками“.... Но что довело народъ до такого состоянія? Вопросъ этотъ мы постараемся рѣшить въ своемъ мѣстѣ,—теперь же продолжимъ начатое, т. е. расскажем о бытѣ больше-дербетцевъ.

Имѣя возможность и состороны религіи и обычнаго права быть полигамистомъ, калмыки почти всѣ безъ исключенія строго придерживаются моногаміи и въ домашней своей жизни, равно и въ стношеніяхъ къ женѣ, далеко не деспотичны и въ дѣла женъ не любятъ вмѣшиваться. Если и бываютъ драки между мужемъ и женой, то случается это только лишь въ состояніи опьянѣнія мужа или жены, а нерѣдко и обоихъ вмѣстѣ. Напротивъ, по своимъ наблюденіямъ, калмыки всячески избѣгаютъ ссоръ съ женами и „заводить“ ихъ съ женщиной, хотя бы и женой, считаютъ ниже своего достоинства. Къ тому же мужчины (не говорю уже о женщинахъ) совершенно чужды сквернословія: всякую ругань считаютъ „кислымъ словомъ“ и презираютъ любителей „словесной кислоты“. Даже русская классическая ругань—не какъ у другихъ народовъ, пользуется презрѣніемъ. Въ отношеніяхъ между собой старики пользуются большимъ почетомъ и уваженіемъ—молодежь

безгласна предъ ними. „Старъ человекъ“ —лицо, застрахованное отъ оскорбленій.

Положимъ—по обычаю всѣхъ восточно-азиатскихъ народовъ—калмыки также всю заботу о крайне несложномъ своемъ хозяйствѣ свалили на женщинъ. Жены и дочери ихъ доятъ коровъ, чинятъ кожи, шьютъ одежду и обувь, готовятъ полсти, собираютъ аргаль (скотскій пометъ) для топлива, чинятъ и ставятъ на мѣсто кибитки, носятъ воду, варятъ пещу и заботятся о скрытіи слѣдовъ отъ уворованнаго скота, если онъ убивается въ хотовѣ, т. е. въ стойбищѣ. При такой заботливости женщинъ о своемъ хозяйствѣ калмыки прежде изъ занятія скотоводствомъ могли извлекать чрезъ посредство своихъ жонъ все, что нужно было въ ихъ простомъ быту, даже водку ¹⁾. Теперь же приходится измѣнять вѣвшеюся въ плоть и кровь привычкѣ все возлагать на женщину и поневолѣ пріучаться такъ или иначе промышлять *демен* для поддержанія своего жалкаго существованія. Скота нѣтъ, личное хозяйство есть у весьма и весьма немногихъ, женскій же трудъ внѣ кибитки не находитъ себѣ примѣненія.

Къ качествамъ калмычекъ, какъ хозяекъ, необходимо добавить, что онѣ вообще отличаются, рѣдкимъ у другихъ

¹⁾ Изъ сильно проквашеннаго молока калмыки готовятъ спиртной напитокъ, извѣстный подъ названіемъ араки. Способъ приготовленія араки очень простъ. Сильно проквашенное молоко вливаютъ въ чугунный котелъ; послѣдній прикрываютъ возможно плотно деревяннымъ колпакомъ и всѣ щели плотно обмазываютъ глиной. Въ верхнее небольшое отверстіе деревяннаго колпака вставляютъ конецъ деревянной, изогнутой по срединѣ, трубы, противоположный же конецъ ея опускаютъ въ кувшинъ, поставленный въ калочку съ холодной водой. Кувшинъ этотъ служитъ и пріемникомъ пара и холодильникомъ его. Паръ же обрывается при кипѣніи молока въ котлѣ, а дабы онъ не выходилъ изъ кувшина, края послѣдняго плотно обматываются мокрой тряпичей. Полученная такимъ способомъ арака достигаетъ двадцати и болѣе градусовъ крѣпости; но можно послѣднюю довести и до 50° путемъ выливанія добытой уже араки обратно въ некипяченое еще молоко и новаго перегоня ея. На вкусъ араки нѣсколько кислвата, пріятна и быстроохмѣляетъ, хотя хмель и скоро проходитъ. Между прочимъ, арака замѣчательна какъ сильное мочегонное средство.

нашихъ инородцевъ, цѣломудріемъ. Но есть странный обычай, когда онѣ, такъ сказать легально, нарушаютъ супружескую вѣрность, не нарушая въ то же время требованій ни личной, ни общественной совѣсти. Суть въ слѣдующемъ. Если женщина, добываясь не платонической любви отъ замужней женщины, ухитрится, безъ наслія послѣдней, разорвать поясъ ея брюкъ, то имѣетъ право въ тотъ же моментъ фактически воспользоваться ея „любовью“ и тогда это не считается измѣной мужу.... Къ чести калмычекъ нужно сказать, что онѣ очень ревниво и искренне отстаиваютъ цѣлость пояса своихъ брюкъ.... Доказательствомъ цѣломудрія калмычекъ можетъ служить между прочимъ и то, что опороченной дѣвушкѣ изъ среды ихъ почти невозможно найти себѣ мужа,—затѣмъ „ублюдковъ“, свидѣтельствующихъ о „похѣсѣ съ русскими“, почти нѣтъ. Единичные экземпляры таковыхъ очень рѣдко выдѣляются своимъ уклоненіемъ отъ обще-калмыцкаго типа цвѣтомъ волосъ и структурой лица, а это въ сильной степени удерживаетъ калмычекъ отъ соблазна половыхъ сношеній съ русскими. Въ свою очередь и калмыки также отличаются нравственностію и если допускаютъ распутство, то только съ русскими женщинами, до которыхъ, къ слову сказать, они большіе охотники....

О дѣвическомъ цѣломудріи и стыдливости нечего и говорить. Оно, если можно такъ выразиться, образцово. За все время моего пребыванія въ Больше-Дербетскомъ улусѣ я не зналъ ни одного случая рожденія дѣтяти дѣвушкой до замужества. Сами же калмыки утверждаютъ, и имъ вполне можно вѣрить, что въ ихъ быту не бываетъ случаевъ разврата дочерей-дѣвушекъ. Въ этомъ отношеніи наши калмыки не похожи на своихъ единоплеменниковъ, одного языка и вѣри съ ними, сибирскихъ бурятъ и китайскихъ монголовъ, между которыми развратъ царитъ во всей своей неприглядной мерзости ¹⁾.

¹⁾ См. мой очеркъ «Женщина у монголо-бурятъ». Прилож. къ газетѣ «Сибирь» за 1885 годъ.

Только въ привилегированномъ калмыцкомъ сословіи въ этомъ случаѣ замѣчается „прогрессъ“ и калмыки съ сердечнымъ сокрушеніемъ рассказываютъ „быль“ о нарушеніи супружеской вѣрности женами ихъ койболовъ. Спѣшу оговориться, что упоминая объ этомъ, я отнюдь не имѣю въ виду кого либо изъ нынѣ живущихъ членовъ привилегированнаго сословія.

Женятся калмыки въ очень раннемъ возрастѣ, при первой же возможности къ тому въ матеріальномъ и физиологическомъ отношеніи. Въ первомъ случаѣ возможность вступленія въ бракъ обуславливается имѣніемъ необходимыхъ средствъ у жениха и его родителей для покупки жены; стоитъ же она не дешево—отъ ста и болѣе рублей. Расходи требуются главнымъ образомъ на покупку:—водки при сватовствѣ, одежды и подарковъ для невесты; вступаютъ же въ фактической бракъ—мужчины съ шестнадцати лѣтъ, а дѣвушки съ четырнадцати. Свадьба совершается только послѣ того, какъ женихъ уплатитъ роднѣ невесты все, что слѣдуетъ по обычаю и договору, и когда достаточно средствъ на покупку водки и овецъ для брачнаго пира. При совершеніи браковъ духовенство участвуетъ только въ богатыхъ калмыцкихъ семьяхъ; у бѣдаковъ же бракъ есть чисто гражданскій актъ, основанный на словесномъ договорѣ между родителями брачующихся, по общему праву всегда сопровождающійся гомерическимъ пьянствомъ, въ которомъ и заключается вся суть формальнаго брачнаго обряда.

Несмотря на легкость—со стороны формальныхъ требованій—вступленія въ бракъ, разводы случаются чрезвычайно рѣдко, какъ исключительное, а не заурядное явленіе семейной жизни; и поводомъ къ разводу служитъ только неспособность къ дѣтороженію и физическое отвращеніе къ женщинѣ. Въ такихъ случаяхъ, что опять таки очень рѣдко бываетъ, калмыкъ обязывается возвратить родственникамъ жены своей полученное отъ нихъ за нею приданое и затѣмъ обѣ стороны считаются свободными отъ брачныхъ узъ. Положимъ, обычнымъ правомъ и религіей, какъ уже упоминалось, калмыкамъ дозво-

ляется и многоженство, но оно не въ обычаѣ народа и имъ, какъ роскошью, да и то въ единичныхъ случаяхъ пользуются только богатые люди, когда, по причинѣ бесплодности жены, не отпускаютъ ея отъ себя и берутъ другую. Въ такихъ случаяхъ мужъ, любя свою жену, прощаетъ ей ея неплодность и съ ея же согласія и совѣта женится на другой. Первая жена, затѣмъ, остается *старшей въ семьѣ* и покровительственно относится ко второй, причеиъ послѣдняя подчиняется первой. Необходимо отмѣтить, что калмыки, несмотря на то, что за вдовъ не требуется уплаты калыма, въ рѣдкихъ случаяхъ вступаютъ съ ними въ бракъ, да и то по преимуществу бѣдняки чисто изъ-за денежныхъ расчетовъ. Поэтому положеніе вдовы, въ особености молодой, нельзя назвать завиднымъ.

Относительно наслѣдства обычное право охраняетъ интересы только мужчинъ и то по прямой линіи. Имущество же бездѣтныхъ полностью поступаетъ въ пользу буддійскихъ *хураловъ* (монастырей). Любопытная сторона имущественныхъ правъ каждаго члена семьи выражается, между прочимъ, въ томъ, что все имущество данной семьи, при жизни главы ея, дѣлится на столько частей, сколько есть въ ней мужчинъ— какъ родныхъ сыновей, такъ равно и пріемышей, безъ различія возраста и степеней родства; жена же и дочери не имѣютъ части въ дѣлѣжъ имущества и имѣютъ права собственности только на то, что имъ *подарено* главой семьи или же ея имущественно правоспособными членами, т. е. сыновьями. Послѣ же смерти того или другого члена семьи, собственно принадлежащее ему имущество, если онъ бездѣтепъ, не поступаетъ въ раздѣлъ между оставшимися въ живыхъ родственниками, а отдается въ монастырь на поминъ души умершаго. Монастыря же полученное такимъ путемъ имущество продаютъ съ аукціоннаго торга.

Къ дѣтямъ калмыки относятся съ особенною любовью и заботливостію, особенно къ сыновьямъ, какъ къ будущимъ продолжателямъ своего рода.

Говоря о бракахъ между калмыками, я забылъ оти́тить довольно интересный фактъ, а именно—жизненность древняго обычая умыканія невѣстъ. Положимъ, современному намъ калмыку умыкать невѣсту въ буквальномъ понятіи этого слова не приходится. Но тѣмъ не менѣе, если берется невѣста съ согласіемъ ея родителей, то все таки жениху, въ концѣ концовъ, приходится *силою* увозить ее изъ родительской кибитки. Всѣ родственники невѣсты и сосѣди, собравшись толпой, къ тому же нерѣдко и пьяной, плетью и *умниками* (длинными палки, поддерживающія крышу кибитки), что есть мочи и по чѣмъ попало, бьютъ жениха и его поѣзжанъ, стараются не допустить ихъ до невѣсты и не дать свободно увести ее. Происходитъ настоящій бой, до сворачиванія скулъ и ломанія реберъ включительно. Если перевѣсъ силъ не на сторонѣ жениха, то ему нѣтъ возможности взять невѣсту. При брачномъ пьянствѣ происходитъ стрѣльба; молодежь родственники жениха, до самаго окончанія брачнаго пира, въ видѣ сторожевой охраны, ѣздятъ верхомъ вокругъ кибитки, глазъ бы наблюдая за тѣмъ, нѣтъ ли погони за невѣстой или же попытокъ хитростью увезти ее отъ жениха.

Въ случаѣ смерти калмыка, въ похоронахъ участвуетъ и духовенство. Умершаго не зарываютъ въ землю, а, завернувъ въ старыи войлокъ и обвязавъ веревкой, бросаютъ трупъ обыкновенно въ старую, заброшенную копань (колодець), а то и просто въ первую попавшуюся скольконибудь глубокую яму; зимою же и просто въ сугробъ снѣга—не всегда вдали отъ своихъ стойбищъ. Только трупы *Бакисей* (старшихъ духовныхъ лицъ) сжигаются по индійскому обычаю.

Похоронивъ своихъ мертвецовъ такимъ простымъ способомъ, калмыки рѣшительно не заботятся объ участи трупа и не обращаютъ вниманія на то, что собаки, отыскавъ трупъ, таскаютъ части его по степи.

Обычай такъ хоронить мертвецовъ несомнѣнно вреденъ и особенно пагубенъ во время господства эпидемій. Мнѣ не одинъ разъ приходилось видѣть, какъ весной, во время поло-

водя р. Джалги, по ней плыли трупы калмыковъ, умершихъ отъ оспы и тифа, что мнѣ извѣстно было отъ самихъ же калмыковъ. Нечего и говорить о томъ, что „гѣла“ эти—не только отравляли воду, но и, зарывая воздухъ, разносили отраву по кочевьямъ калмыковъ. Факты эти общезвѣстны и можно съ удивленіемъ поставить вопросъ—почему до сихъ поръ никто изъ начальствующихъ не вздумалъ озаботиться устройствомъ калмыцкихъ кладбищъ?

Относительно долголѣтности калмыковъ можно сказать, что они нерѣдко доживаютъ до глубокой старости, иногда даже до 90 лѣтъ, но чаще всего умираютъ между сорока и шестидесятью годами, причѣмъ женщины долголѣтнѣе мужчинъ. Что же касается дѣтей, то ихъ мретъ масса, особенно до десятилѣтняго возраста. Вообще же заболѣваній въ утробѣ всегда множество. Господствующими болѣзнями нужно признать глазныя (причина—постоянный дымъ въ кибиткѣ) и послѣдствія худосочія, изъ эпидемическихъ же—оспу и брюшной тифъ.

Однимъ изъ интересныхъ обычаевъ при болѣзни, служить „замокъ думи въ тѣло больного.“ Съ этой цѣлью собственно для больного ставится гдѣ либо вдали отъ стойбищъ отдѣльная кибитка и кто либо изъ родственниковъ или же галюнъ (священникъ), стоя внѣ кибитки, машетъ флагомъ по направленію предполагаемаго ухода души больного, выкрикиваетъ слова призыва и тѣмъ какъ бы приглашаетъ блудливую душу вновь возвратиться въ брошенное ею тѣло.

При повальныхъ заболѣваніяхъ оспой и брюшнымъ тифомъ, въ особенности оспой, заразительность которой калмыки отлочно понимаютъ,—все здоровое населеніе данной мѣстности бросаетъ больныхъ на произволъ сѣльбы, быстро снимаетъ свои кибитки и въ паническомъ страхѣ удаляется возможно дальше отъ зараженнаго мѣста. Ухаживать за больными никто не рѣшается даже изъ тѣхъ, кто раньше болѣлъ оспой и знаетъ, что вновь не подвергнется опасности. Послѣдніе отказываются помогать больнымъ потому, что ихъ, какъ

прокаженныхъ, въ теченіи сорока дней послѣ оставленія оспенной кибитки никто и ни за что не рѣшается впустить въ свое жилище и вообще войти съ нимъ въ какое либо сношеніе. Тяжесть такого положенія убиваетъ чувство человѣколюбія у калмыковъ даже и по отношенію къ самимъ близкимъ и любимымъ своимъ роднымъ. Вслѣдствіе такого отношенія калмыковъ къ заболѣвающимъ оспой своимъ собратамъ, равно и къ лицамъ, ухаживающимъ за больными, необходимость заставляетъ нанимать *русскихъ* для присмотра за больными, пораженными оспой, если на то есть средства. Русские же, зная безвыходность положенія „твари“ и не считая таковую за людей, деруть съ нея (т. е. съ калмыковъ) елико возможно больше—за какихъ нибудь десять-пятнадцать дней ухода за трудно больными берутъ корову, а не то и двѣ.—Мнѣ самому приходилось платить *по два рубля въ день* за присмотръ за страдавшими оспой. Бѣдники же въ большинствѣ случаевъ остаются безъ призора и почти поголовно мрутъ, если не отъ оспы, отъ которой чудомъ иногда выздоравливаютъ, то отъ голода или же осложненій болѣзни.—Я знаю калмычку, болѣвшую оспой, перенесшую ее и затѣмъ, въ силу отсутствія ухода, *буквально съдѣнную червями*. Еще при жизни страдальцы черви обглодали мясо на кистяхъ рукъ и ступняхъ ногъ... Знаю дѣтей, брошенныхъ на степи, точно ненужныхъ щенятъ, и подобранныхъ „чужими людьми.“ Что жъ тутъ удивительнаго, что заболѣвшіе оспой калмыки почти поголовно вымираютъ и эпидемія прекращается только тогда, когда въ данной мѣстности ея господства не остается уже жертвъ... Мѣры же изоляціи и карантинныя, если гдѣ, то именно у калмыковъ наиболѣе дѣйствительны, *но единственно потому, что самъ народъ, понимая ихъ важность, соблюдаетъ всю предосторожность отъ заразы, даже до излишней строгости и педантичности*. Не говоря уже о полной изоляціи больныхъ отъ здоровыхъ, даже выздоровѣвшіе только по истеченіи сорока дней со времени выздоровленія вновь принимаются въ среду здоровыхъ.

Страшный бичъ калмыцкаго населенія—*оспу* калмыки воплощаютъ въ злого духа „*Чичика*“ и трепещутъ даже при одномъ произношеніи его имени; бывають случаи, и нерѣдко, что внезапно перепуганный чичикомъ калмыкъ умираетъ отъ испуга. Случается это такъ: кто либо изъ русскихъ „*шутки ради*“, или же изъ мести за что либо, внезапно и насколько возможно громко крикнетъ на ухо своей жертвѣ—калмыку: „*Чичикъ*“ и этого довольно для того, чтобы бѣдняга моментально растерялся до состоянія столбняка, лишился воли и сознанія.... Не только калмыки, но даже и сами русскіе рассказываютъ, что крестьяне сосѣднихъ съ калмыцкими кочевьями селъ отравляютъ ядомъ натуральной оспы воду въ копаняхъ калмыковъ, принимиваютъ оспенный ядъ къ хлѣбу, который даютъ *твари* къ водѣ, *которой пріятельски и угощаютъ*. Звѣрство это дѣлается изъ мести за конокрадство, какъ то объясняютъ крестьяне. Но факты „отравленія“, отвратительные по своей жестокости, разумѣется, не могутъ быть извиняемы никакими враждебными чувствами крестьянъ къ калмыкамъ и никакой причиною, создавшей ненормальныя отношенія между тѣми и другими....

Считая же, что заболѣваніе оспой происходитъ не отъ естественныхъ причинъ, конкретно объясняемыхъ, а отъ воли злого духа—*Чичика*, калмыки съ большимъ недоувѣріемъ относятся къ оспопрививанію, полезность его, несмотря на очевидность факта, положительно отрицають и только подъ давленіемъ полицейской власти позволяютъ фельдшеру производить прививку оспенной лимфы. Вслѣдствіе же того, что въ восьмидесятыхъ годахъ не *прошла*, а *настоящая столѣтія* улусный фельдшеръ В. по ошибкѣ привилъ калмыкамъ *натуральную оспу*, они особенно враждебно начали относиться къ оспопрививанію и только въ послѣднее время понемногу смирились и, скрѣпя сердце, подставляютъ свои руки подъ ланцетъ.

Что же касается собственно докторской помощи больнымъ вообще, то объ этомъ какъ то неловко даже и упомянуть.

На все кочевое население Ставропольской губернии, т. е. не только для калмыковъ, но и для магомтанъ—татаръ, туркменовъ, погайцевъ, эдисанцевъ, эдишкульцевъ, джембулацевъ и ачикулакцевъ, стойбища коихъ разбросаны на сотни верстъ вдоль и поперекъ—*существуетъ только одинъ врачъ,— да и тотъ живетъ—не идя либо въ центральномъ мѣстѣ инородческихъ стойбищъ, а въ г. Ставрополѣ*, аккуратно получаетъ присвоенное ему жалованье (около полутора тысячи въ годъ, если не болѣе), сопровождаетъ главнаго пристава въ его поѣздкахъ по кочевьямъ—и только. Ему нѣтъ ни малѣйшей физической возможности быть сколько нибудь полезнымъ тому населенію, врачомъ коего онъ числится. Даже при господствѣ эпидемій, разъ онѣ одновременно появляются въ разныхъ концахъ обширѣйшихъ инородческихъ владѣній въ Ставропольской губерніи—врачъ совершенно безсиленъ оказать не только существенную, но даже и какую бы то ни было пользу населенію. Мы отнюдь не преувеличимъ, если скажемъ, что обязанность „врача при управленіи кочевыми народами“ (таковъ оффіціальный титулъ его) есть только синекура, бесполезная для населенія во всѣхъ отношеніяхъ и полезная только для самого врача, главнаго пристава и инородческой администраціи, которую онъ даромъ и лѣчитъ. Такимъ образомъ вопросъ о врачебной помощи упоминаемому нами инородческому населенію, вопросъ весьма важный въ виду губельныхъ послѣдствій почти непрекращающагося господства между инородцами оспенной эпидеміи, требуетъ немедленнаго рѣшенія и во всякомъ случаѣ немедленнаго выселенія изъ г. Ставрополя существующаго уже врача въ болѣе, скажемъ скромно, *центральное мѣсто круга его обязанностей*.

Считаю нужнымъ на всякій случай оговориться, что упомянувъ о полезности врача для инородческой администраціи, я вовсе не вхожу въ интимную сторону ея отношеній къ врачу и не считаю себя въ правѣ касаться вопроса, *даромъ или за деньги онъ ее лечитъ*.

По религиознымъ своимъ вѣрованіямъ всѣ калмыки—*буддисты*. Въ основу своихъ вѣрованій они ставятъ десять заповѣдей а) *добрыхъ дѣлъ* (арбанъ саганъ) и б) *десять черныхъ* (злыхъ) *дѣлъ* (арбанъ хара).

Черныя дѣла суть: 1) Лишеніе жизни живыхъ существъ, 2) грабежъ, 3) прелюбодѣяніе, 4) ложь, 5) угрозы, 6) грубыя слова, 7) празднословіе, 8) зависть, 9) злоба въ сердцахъ.

Добрыя: 1) Миловать отъ смерти, 2) дѣлать подаянія, 3) соблюдать нравственную чистоту, 4) говорить привѣтливо, 5) говорить всегда правду, 6) быть миротворцемъ, 7) поступать по ученію священныхъ книгъ, 8) быть довольнымъ своимъ состояніемъ, 9) помогать ближнему, 10) вѣрить въ предопредѣленіе. Вообще же относительно пониманія духа своей религіи и привнесенія требованій ея въ свою жизнь они стоятъ на низкой степени развитія, крайне суевѣрны и ученія Будды не понимаютъ, не только простолюдины, но даже и ихъ *Гэланы*, т. е. духовенство.

Къ духовному мѣстному главѣ своей религіи, „*Бакми*“ (въ переводѣ учитель), всѣ калмыки относятся съ глубокимъ уваженіемъ—не только наружно, но и въ душѣ. Наружные знаки уваженія простираются даже до того, что цѣлуютъ слѣдъ его и пьютъ воду, которой онъ моетъ руки и лицо во время служенія. Последнее дѣлается съ увѣренностью въ святости и цѣлебности такой воды.

Къ гэланамъ же и гоцуламъ (священникамъ и діаконамъ) благодаря ихъ невоздержной жизни, въ особенности пьянству, строго запрещаемому буддизмомъ, народъ потерялъ уваженіе и подчасъ иронически относится къ нимъ. Сами же гэланы, будучи невѣжественными въ дѣлѣ пониманія религіи, и по умственному своему развитію равнаясь съ простонародьемъ, не могутъ поддерживать своего достоинства, въ нравственномъ отношеніи изъ года въ годъ опускаются все ниже и ниже, почему, естественно, и не имѣютъ никакого нравственнаго вліянія на калмыковъ. Безвредны они также и въ дѣлѣ обирая на-

рода, въ чемъ неосновательно упрекаютъ ихъ наши офиціозы.

Но пьянство среди калмыковъ есть общій порокъ не однихъ только гэлюновъ. Половина населенія Больше-Дербетскаго улуса мнѣ извѣстна даже по имени и изъ всей этой массы пришлось встрѣтить только одного калмыка, никогда не пившаго и не пьющаго ни водки, ни араки.—Такой замѣчательный въ своемъ родѣ человекъ достоинъ, по моему, чести быть названнымъ по имени—это калмыкъ Икичунусова рода *Башамма Дюруповъ*. Страстный любитель спиртныхъ напитковъ, калмыкъ пьетъ водку не рюмками, а чайными стаканами и чашками, при „выпивкѣ“ не ѣстъ ничего, почему и хмѣлѣетъ быстро.

Бывая въ русскихъ селахъ, калмыкъ ни за что не пройдетъ мимо кабака и если у него не на что купить водки, и его никто не угоститъ, то онъ все таки будетъ сидѣть у кабака, вдыхать въ себя вонь его и „глазѣть“, какъ пьютъ другіе; въ такомъ времяпрепровожденіи онъ испытываетъ, какъ это ни странно, большое удовольствіе.

Водку пьютъ не только мужчины, но въ такой же степени и женщины; пьютъ даже дѣвушки и дѣти.

Другой крайне вредной страстью служатъ карты, въ которыя калмыки проигрываютъ иногда все, что у нихъ есть.

Изъ сравнительно невинныхъ страстей слѣдуетъ отмѣтить сильно развитую привычку табако-курения, которому предаются положительно всѣ калмыки отъ мала и до велика. Если нѣтъ табаку, то сосутъ чубукъ. Женщины курятъ гораздо болѣе мужчинъ и въ случаяхъ недовольства на мужа первой и самой главной причиной выставляютъ, что онъ, варваръ, не даетъ табаку.

Какъ на лучшую черту калмыковъ необходимо указать на то, что они отличаются полнымъ безкорыстіемъ, строгой честностію въ исполненіи обязательства другъ къ другу и сердечностію во взаимныхъ отношеніяхъ между собой.

По характеру своему, въ особенностяхъ въ сношеніяхъ съ русскими, калмыкъ хитеръ, скрытенъ, недовѣрчивъ, крайне мстительнъ, настойчивъ и самолюбивъ, но трусливъ; къ власти и мущинамъ работливъ до отвращенія; съ равными же себѣ русскими, да и то если послѣдніе бывають въ кочевьяхъ его — дерзокъ, грубъ и нахаленъ; въ селѣ же, среди не своихъ, унижаетъ себя до подлости, завскиваетъ, льститъ и рабски покорно переноситъ оскорбленія, — словомъ — крайне не искрененъ и плутовать въ сношеніяхъ съ посторонними.

Всѣ эти и другія отрицательныя стороны въ характерѣ калмыковъ имѣють вѣрное и правдивое объясненіе въ прошломъ, явившися результатомъ отношеній къ нимъ нашихъ крестьянъ и другихъ мундирныхъ особей и, мнѣ кажется, не составляютъ національной ихъ особенности. Послѣднее ясно изъ того, что тѣ же самые калмыки въ сношеніяхъ другъ съ другомъ выглядятъ совсѣмъ другими людьми. Между своими они откровенны, доброжелательны, щедры въ высшей степени, всегда готовы оказать сородичу своему услугу, милостивы и ни за что не быцадутъ, безъ особенной, исключительной нужды къ тому, своего собрата, напротивъ всячески стараются вывести его изъ бѣды даже съ прямымъ ущербомъ для личныхъ своихъ интересовъ. Истинныя общественной солидарности вообще у калмыковъ крайне развиты. Но за то всѣ калмыки слишкомъ апатично относятся къ своему положенію, лѣнны, безпечны и въ затруднительныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ до глупости не находчивы, что въ сильной степени и мѣшаетъ имъ выйти изъ нищенскаго, современнаго намъ, своего положенія. Отсутствие инициативы, апатичное равнодушіе къ своей судьбѣ, явившееся результатомъ исполненія десятой заповѣди „добрыхъ дѣл.“, внушающей, что „*се дѣлается исключительно по волѣ Божіей*“ наряду съ другими весьма сложными причинами, долго еще задержитъ возможность и силу воли у калмыковъ страхнуть съ себя ветхаго человѣка, и пращѣ въ извѣстной пѣсни

„Станемъ-ка, Еремушка,
Иное заводятъ“

калмыки не скоро еще дружно затянуть.....

Отмѣченная нами двойственность въ характерѣ калмыковъ, повторяемъ, почти всецѣло есть результатъ прошлыхъ отношеній къ нимъ властей и вообще русскаго, окрестнаго населенія... Объяснимся.

Лишенные возможности защищаться легальными, общечеловѣческими средствами отъ притѣсненій и презрѣнія, калмыки, поневолѣ, должны были прибѣгнуть къ хитрости, лукавству, раболѣпству—какъ единственнымъ средствамъ для самозащиты, годнымъ такъ или иначе усилить или же ослабить силу враждебнаго и презрительнаго къ нимъ отношенія. Прошлое калмыка несомнѣнно таково, что онъ поневолѣ долженъ былъ замкнуться въ тѣсномъ кругу своихъ сородичей, выработать неприглядныя стороны своего характера, какъ средства для борьбы, и въ свою очередь вкоренить въ себѣ чувства глубокой ненависти и презрѣнія къ *не своимъ*, всѣми силами стараться изолировать себя отъ посторонняго вліянія и пользоваться всякимъ удобнымъ и безопаснымъ случаемъ высказать свои истинныя чувства къ *этимъ не своимъ*, и высказать по возможности не на словахъ, а на дѣлѣ, не стѣсняясь въ выборѣ къ тому средствъ.

Если вообще пѣніе и музыка дѣйствительно служатъ въ извѣстной степени выразителемъ характера даннаго народа въ нихъ сказываются историческія судьбы его, то по отношенію къ калмыкамъ это положительно вѣрно. Въ ихъ пѣніи и музыкѣ рельефно выливаются слѣды того гнета, той рабской приниженности, подавленности чувствъ, робости, обезличенья, до коихъ они доведены были дружнымъ напоромъ почти сплошь неблагоприятныхъ для нормальнаго, хотя бы относительно, развитія вѣшнихъ и внутреннихъ „воздѣйствій“ на ихъ бытъ, сознательно и бессознательно сличащихся заглушить въ калмыкѣ всякое проявленіе самостоятельности и самоуваженія.

Подробно о содержаніи калмыцкихъ народныхъ пѣсенъ говорить не будемъ; равно не будемъ приводить для образца в самыхъ пѣсенъ—это значительно расширило бы рамки настоящего очерка. Ограничимся только упоминаніемъ, что народное калмыцкое творчество, еще жившее въ первое время послѣ прихода калмыковъ въ наши приволжскія степи, давно уже угасло и бардовъ среди нихъ нѣтъ, равно какъ нѣтъ (имѣется въ виду Больше-Дербетскій улусъ) и мастерски знающихъ свое дѣло сказывателей былины не только въ стихотворной, но даже и въ простой сказочной формѣ. Всѣ, болѣе или менѣе содержательныя, калмыцкія пѣсни относятся къ сравнительно отдаленному прошлому народа и въ позднѣйшихъ изъ нихъ не особенно ласковымъ словомъ поминается „оросъ“ (русскій). Обычно же преобладающимъ содержаніемъ пѣсенъ служитъ изображеніе безбрежности и раздолья степи, „кургава“, на немъ красующагося „калмыка“ или „дѣвушки съ красными щеками“, „боня скакуна“ и тому подобныхъ незатѣйливыхъ предметовъ.

Но что за мотивъ пѣсенъ? То слышится робкій, пугливый полутонъ съ переливами речитатива, въ несмѣлыхъ полутонахъ же пѣвецъ какъ бы бонется, что кто нибудь подслушаетъ и властно прикрикнетъ на него „цыцъ молчи!“—точно страхъ окрика удерживаетъ рѣшимость начать пѣніе полной грудью или же, по крайней мѣрѣ, свободнымъ, ничѣмъ не сдерживаемымъ голосомъ, то полутоны той же пѣсни и не постесненно, а какъ то сразу, переходятъ въ дикое, что есть силы громкое, завываніе, словно пѣвецъ, начавъ пѣніе, завидѣлъ вдаль опасность и торопится, какъ можно скорѣй, до прихода врага, излить въ пѣснѣ неукротимо нахлынувшія чувства, не подвергнувъ ихъ поруганію, и затѣмъ вновь замкнуться въ себѣ самомъ, какъ улитка въ раковинѣ. Но вотъ врагъ какъ бы приближается, звуки пѣсни, достигнувъ крайняго напряженія, могутъ быть услышаны, съ чувствомъ же и потребностію излить его нѣтъ возможности сразу справиться и пѣвецъ, будто въ страхѣ, сразу же, почти безъ переходовъ обрываетъ

голосъ и невзвучнымъ рокотомъ тянетъ тихіе воющіе тоны; тоскливо, уныло, жалобно вибрируетъ его голосъ, точно споря и стелая о томъ, что помѣшали неудержимо бьющему наружу чувству вылиться свободно. какъ того хотѣла душа. Затѣмъ, опасность будто миновала, пѣвецъ продолжаетъ речитативъ, усиливаетъ голосъ и вновь сразу же переходитъ на самыя высокія ноты. Видно, что чувство ищетъ простора, хочетъ охватить все существо пѣвца, но онъ, приближенный судьбой, не смѣетъ предаться всецѣло чувству и вслѣдствіе сдерживаетъ его порывы. Словомъ, въ пѣніи калмыка высказывается вся его забитая, придавленная, приниженная душа. Въ немъ слышится и грусть, и тихій, не протестующій рыдъ, и быстрое, ничѣмъ на моментъ неудержимое, проявленіе дикой необузданной страсти, вслѣдъ за которымъ ноюще звучитъ неувѣренность въ своихъ силахъ и страхъ ответственности за обнаруженные чувства. Такъ и кажется, что калмыкъ всю жизнь оправдывалъ на себѣ справедливость поговорки: „в недоступи бьютъ и переступи бьютъ“; идти же полной, свободной поступью ему не позволяли.

Ни беззаветной, незнающей удержу, охватывающей все существо человѣка веселости, ни преобладающей прелестиваго удали, ни смѣлаго протеста, ни открытой грусти и ропота на „горе-злосчастье“, ни другихъ болѣе или менѣе определенныхъ высказанныхъ чувствъ, такъ ярко выливающихъ въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ и ихъ мотивахъ—у калмыковъ нѣтъ. Полная неупорядоченность тоновъ, много недосказаннаго, все нецѣльное, однообразное, мало гармоничное; но все пропитано гнетущей, раздражающей душу, воющей тоской; все уныло и жалобно до боли въ сердцѣ для посторонняго слушателя...

Но еще поразительнѣе хоровое пѣніе калмыковъ. Сравнительно вѣрное представленіе о немъ можетъ имѣть тотъ, кто когда либо слышалъ завываніе волчьей стаи.

Сказанное о пѣніи—можетъ относиться и къ музыкѣ;

даже плясовая (на *домборн*—родъ нашей балабайки) и та переиетена съ грустными, однообразными тонами.

Въ танцахъ также нѣтъ удали. Топтаніе на одномъ мѣстѣ и какъ бы нервное подергиваніе всѣмъ корпусомъ не красиво и именно потому, что въ такомъ танцѣ замѣчается много сдержанности и сосредоточенности, если можно такъ выразиться, въ выдѣлываніи фигуръ плавности, непринужденности и удали совсѣмъ нѣтъ...

Не весело должно быть было прошлое калмыцкаго народа, если оно смогло властно наложить такую страшную печать гнета на творчество его духа!...

Таковъ въ общихъ чертахъ бытъ и характеръ калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса, предварительное знакомство съ которымъ необходимо въ цѣляхъ дальнѣйшаго выясненія соціально-экономическихъ сторонъ жизни этого народа.

III.

Изъ предъидущаго мы знаемъ, что калмыки всю свою заботу о хозяйствѣ возлагаютъ на женскую половину, сами же, кромѣ дозора за скотомъ и лѣтомъ косьбы травы и хлѣба рѣшительно ничѣмъ, за весьма рѣдкими исключеніями, не занимаются. Ъсть, пить, спать, пьянствовать составляетъ жизненный идеалъ калмыковъ. Этими „занятіями“ досужихъ людей вполне исчерпывались бы проявленія ихъ энергій къ дѣятельности, такъ присущей человѣку, если бы у нихъ не было особаго рода „*промисла*“, для занятій которымъ необходима въ извѣстной степени удаля, пренебреженіе опасностями и отсутствіе чувства страха. Этотъ особаго рода промиселъ, обратившійся въ страсть, состоитъ не только въ вонюкрадствѣ, но и вообще въ похищеніи и грабежѣ скота и овецъ.

На этой характерной чертѣ быта калмыковъ мы остано-
вимся и рассмотримъ ее съ необходимой для дѣла подроб-
ностію.

Въ былую пору своего экономического благосостоянія,
когда патыскъ пришельцевъ не пригибалъ еще калмыковъ къ
землѣ, они не занимались такимъ мелочничествомъ, какъ кража
кони изъ подъ замка конюшни, съ база (базомъ называется
загородъ, устроенная изъ соломы, навоза или же растенія
„курай“) или двора, а также и угономъ какой либо клячи
почью со степи; не занимались потому, что обеспеченные ма-
териально, имѣя даже избытокъ собственнаго скота, не видѣли
въ воровствѣ средствъ къ поддержанію своего существованія,
въ кражѣ же лошаденки не было проявленія удачи. Если же
кто въ одиночку и залѣзалъ въ базъ, либо конюшню, то на
такого, какъ на мелкаго ворышку, смотрѣли съ пренебреже-
ніемъ, такъ какъ запятіе просто воровствомъ, не сопряженнымъ
съ опасностями и проявленіемъ удачи, предоставлялось пар-
тіямъ.

Большинство же калмыковъ цѣлыми партіями, на пспы-
таннхъ, лхихъ коняхъ, днемъ, открыто падала на табуны
лошадей, гурты скота и стада овецъ, выпасывающіеся въ
Донской Области или же въ степяхъ, прилегающихъ къ со-
сѣднимъ русскимъ селямъ. Въ случаяхъ сопротивленія со-
стороны табунышниковъ, пастуховъ и чабановъ, калмыки, со-
вершенно пренебрегая опасностію жизни, вступали съ послѣд-
ними въ бой и угоняли въ свои стойбища, либо въ глубь
кочевій, столько скота, лошадей и овецъ, сколько могли за-
хватить и отбить. Если погоны не подоспѣвала во время и
хищники успѣвали перегнать отбитое за черту своихъ кочевій,
то успѣхъ грабежа почти всегда былъ гарантированъ отъ
дальнѣйшаго преслѣдованія грабителей. Всѣ знали, что кал-
мыки дружно защищаютъ *своихъ*, въ силу чего рѣдко кто
изъ потерпѣвшихъ рѣшался преслѣдовать хищниковъ въ ихъ
кочевьяхъ, новидямому терпѣливо спосилъ потери и только
зорко слѣдилъ и выжидалъ время, чтобы, въ свою очередь,

воспользоваться оплошностію калмыковъ, напасть на нихъ табуны и „урвать“ что либо изъ нихъ. Если же потерпѣвшіе врывались, надѣясь на свою силу въ калмыцкія кочевья, находили похищенное и калмыки фактически убѣждались, что имъ невозможно ни силою прогнать преслѣдователей, ни скрыть похищенное, то въ такихъ, между прочимъ очень рѣдкихъ, случаяхъ хищники смиряться и входили въ мирные переговоры съ преслѣдователями, возвращали отбитый скотъ и лошадей, причѣмъ въ силу *адата* (обычнаго права) недостающее число изъ похищеннаго совершенно добровольно пополняли изъ собственныхъ своихъ табуновъ и гуртовъ скота въ двойномъ, тройномъ и даже большемъ количествѣ противъ недостающаго, смотря по пастойчивости преслѣдователей, имѣющихъ за собой превосходство физической силы. Затѣмъ, въ знакъ мира и дружбы устраивалась попойка, послѣ которой всѣ и расходились „друзьями“ до новой стычки на полѣ грабежа.

Случалось же перѣдко и такъ, что калмыки и русскіе, по предварительному между собой условію, сходились въ какомъ нибудь нейтральномъ мѣстѣ, вдали отъ жилищъ, по преимуществу на берегу р. Маныча, вели мирные, чисто дипломатическіе переговоры объ условіяхъ выдачи отбитаго другъ у друга скота и лошадей и, договорившись, либо *обмѣнивались краденымъ „голова за голову“*, либо *уплачивали стоимость „головъ“ по обоюдной оцѣнкѣ*, т. е. калмыки соглашались выдать русскимъ „натурою“ столько же скота, сколько крестьяне возвратятъ имъ изъ общаго числа уворованнаго у нихъ (калмыковъ) въ извѣстный періодъ времени тоже скота и лошадей. Такіе договоры съ обѣихъ сторонъ всегда исполнялись „свято и нерушимо“. Скотъ и лошади аккуратно въ условленномъ мѣстѣ и количествѣ приговаясь для обмѣна и, по обычаю, обмѣнъ сопровождался обильнымъ пьянствомъ, безъ котораго, нужно замѣтить, съ калмыками вообще нѣтъ возможности приступить къ какимъ либо переговорамъ и слѣдкамъ.

Въ русскихъ селахъ, расположенныхъ близъ Больше-Дербетскаго улуса, равно и среди калмыковъ, существуетъ масса вполне правдивыхъ и крайне интересныхъ рассказовъ о бывшихъ непрерывныхъ стычкахъ, происходившихъ между нашими крестьянами и калмыками изъ-за угона лошадей, скота и овецъ.

Последняя довольно серьезная стычка была въ восьмидесятихъ годахъ настоящаго столѣтiя съ крестьянами села *Кисты* Новогеоргиевскаго уѣзда, пограничнаго съ кочевьями калмыковъ.

Выведенные изъ терпѣнiя постоянными грабежами скота и лошадей, крестьяне села *Кисты* въ одно время рѣшились собраться огромной толпой, вооружились ружьями, винтовками, револьверами, желѣзными вилами и просто дубинами и пошли войной на калмыковъ *Икичунусова рода* (въ переводѣ— „родъ большого волка“). Неприготовленные къ нападенiю калмыки, завидѣвъ „ополченiе“, позорно струсили и не смогли отразить грянувшей на нихъ бѣды. Кистивцы же, несмотря на легкость доставшейся имъ побѣды, вошли въ азартъ, избили икичунусцевъ, переверотили ихъ кибитки и угнали не только свой скотъ, но и весь калмыцкiй, какой попадался имъ на пути во время побѣдоноснаго ихъ шествiя обратно въ с. *Кисту*.

Избитые и ограбленные калмыки жаловались на кистивцевъ, но ихъ жалоба свелась какъ то къ нулю. Скотъ, лошади и овцы, какъ трофей побѣды, такъ и остались въ пользованiи кистивцевъ, самое же дѣло безрезультатно для калмыковъ кануло въ вѣчность.

Съ начала девяностыхъ годовъ такихъ стычекъ уже не происходитъ; за то случаи мелкой кражи и грабежа скота повторяются непрерывно. Не проходитъ и одного дня безъ того, чтобы калмыки не похитили то тамъ, то здѣсь вѣсколькихъ лошадей, быковъ или овецъ. Особенно они любятъ дѣлать хищническiе набѣги на табуны лошадей коннозаводчиковъ *Донской*.

Область, а также и на стада овецъ арендаторовъ своихъ степей.

Нужно сказать, что во время своихъ хищническихъ набѣговъ и воровства калмыки въ видахъ самозащиты хотя и вооружаются винтовками и револьверами, но рѣдко и только въ крайне безвыходномъ положеніи пользуются оружіемъ и убиваютъ кого либо, главнымъ же образомъ оружіе при хищничествѣ нужно для того, чтобы выстрѣлами произвести переполохъ, перепугать и разбить отару овецъ, ошеломить пастуховъ и, стрѣляя въ разныхъ направлевіяхъ, отвлечь ихъ вниманіе отъ товарищей, производящихъ грабежъ. Но, избѣгая случаевъ убійства, калмыки далеко не прочь пстязать свои жертвы и безжалостно бьютъ ихъ *ташмаками* (плетями) иногда до полусмерти. Пишущему эти строки извѣстенъ случай, когда калмыки, отпавъ у діакона, ѣхавшаго изъ с. Дербетовки (Сладкія Копани) въ Городачи (Дивное), лошадь, сняли съ него сапоги, раздѣли и, глумясь надъ нимъ, гнали бѣднягу около пяти верстъ пѣшкомъ, подгоняя пагайкой.

Только въ послѣднее время началъ мало по малу „прорываться“ случаи убійствъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ отбросамъ изъ крестьянской среды, ютящимся въ калмыцкихъ кочевьяхъ. Съ ихъ легкой руки звѣрство прививается и къ буддистамъ, вѣрующіе которыхъ, какъ извѣстно, строго караетъ не только убійство человека, но и вообще лишеніе жизни даже послѣдней, малозначущей мошки, если на то нѣтъ достаточно основательныхъ причинъ къ оправданію, какъ то неосторожность, нечаянность и т. п. Зарѣзать въ пищу животное и то считается грѣхомъ, который по уставленному обряду отмазывается калмыками. Поглумиться же надъ русскимъ и пстязать его—дѣло другое и дѣло, доставляющее калмыкамъ истинное наслажденіе.

Помню случай, когда четыре калмыка поймали въ базѣ русскаго крестьянина, старавшагося воровски угнать корову. Дѣло было ночью. Пойманнаго вора привели въ кабитку и, поколотивъ его порядкомъ, велѣли ему спать. Крестьянинъ

легъ, спать разумѣется не могъ, но, боясь дальнѣйшихъ изстязаній, притворился спящимъ.

„А! ты спишь! Какъ ты смѣешь спать, когда мы еще сидимъ?“ крикнули калмыки, заслышавъ храпъ притворившагося спящимъ, и начали будить его ташмаками.

„Ну спи опять! Да засыпай поскорѣй!“

Вновь закрывалъ глаза крестьянинъ, вновь старался усленно храпѣть и вновь „будили“ его ташмаками.... Такъ всю ночь и промучили свою жертву и только утромъ отпустили вора.

Такіе же случаи такъ сказать исключительнаго звѣрства, какъ убійство крестьянина съ цѣлью вынуть изъ него желчь для лекарства, безпримѣрны. И изъ рассказовъ калмыковъ, и изъ личныхъ разспросовъ мнѣ извѣстенъ только одинъ такой случай; виновниками его были крещеные калмыки, Лука Тадаевъ и Михаилъ Кюткуровъ, оплатившіеся за преступленіе каторгой. Въ виду исключительности преступленія кратко расскажемъ его.

Въ 1891 году лѣтомъ въ августѣ мѣсяцѣ крестьянинъ пришелъ въ Князе-Михайловскій поселокъ къ калмыку Михаилу Кюткурову съ цѣлью дешево купить у него ворованную лошадь. День былъ праздничный и всѣ калмыки пьянствовали. Въ пьянствѣ принялъ участіе и крестьянинъ. Въ разгаръ пьянства Кюткуровъ и Тадаевъ отозвали крестьянина въ сторону, тутъ же, почти на глазахъ другихъ калмыковъ, повалили свою жертву на землю, распоролъ животъ и отрѣзали голову, затѣмъ оттащили тѣло шаговъ за сто отъ поселка и бросили въ балкѣ, голову же зарыли отдѣльно, но въ такомъ потаенномъ мѣстѣ, что она, несмотря на самые тщательные поиски, не была найдена. Вѣроятно преступники, въ своихъ цѣляхъ, слишкомъ уже обезобразили голову, что можно заключать изъ того, что полость живота была вырѣзана до груди и заворочена на шею... Не забудьте, что все это происходило днемъ во время праздничнаго пиршества и не гдѣ либо въ укромномъ уголкѣ безлюдной степи, а близъ жилищъ...

Бываютъ и такіе случаи, что воровствомъ калмыки мстятъ русскимъ за ихъ скупость, надувательство, побои и многія другія мелкія и крупныя обиды. Такъ однажды въ 1891 году скупщикъ овецъ, ростовскій купецъ Поповъ, гналъ черезъ Больше-Дербетскій улусъ около двадцати тысячъ овецъ „шлевки“ (испанской породы); кромѣ условленной платы за прогонъ овецъ черезъ степь, калмыки просили приказчиковъ Попова дать имъ пять барановъ. Приказчики имѣли неосторожность поспуститься и отклонили просьбу. Тогда калмыки ночью, уловивъ удобный моментъ, ухитрились выкрасть изъ десяти отаръ (стадо овецъ) сорокъ штукъ барановъ, отогнали ихъ въ укромную балку и въ ту же ночь всѣхъ перерѣзали. Случилось это въ концѣ мая мѣсяца. Раньше этого имъ не приходилось замѣчать, чтобы калмычьи въ ту пору усердно занимались сборомъ по степи аргала на запасъ для зимняго топлива, почему невольво и обратилось вниманіе на то, что калмычки то и дѣло ходятъ въ степь съ бурдюгами (кожаныя большія сумы); на вопросъ: что они носятъ въ бурдюгахъ, получился отвѣтъ:

„Аргаль собираемъ, зимой топить будемъ“. Отвѣтъ былъ удовлетворителенъ и повидимому правдивъ и только много спустя пришлось узнать, что это былъ за аргаль... Овѣ вмѣсто него таскали въ бурдюгахъ мясо...

Но калмыки не только воровствомъ мстятъ своимъ врагамъ; они мстятъ также и поджогами сѣна и хлѣба. 1890 и 1891 годы особенно обильны были случаями и поджога, и кровавой мести между калмыками крещеными и некрещеными. Въ видахъ справедливости считаемъ необходимымъ сказать, что раздражать своихъ братьевъ, а затѣмъ и мстить имъ поджогами и убійствами, начали крещеные калмыки; но объ этомъ, какъ объ очень интересномъ по своимъ мотивамъ фактѣ, мы скажемъ особо...

По требованію *адама* (обычное право), свято чтимаго калмыками и до сихъ поръ, все похищенное дѣлается достояніемъ не однихъ только похитителей, но и всего хотова

(группа кибитокъ, расположенныхъ въ данной мѣстности) въ равной доль дѣлежа между участвовавшими и неучаствовавшими въ грабежѣ. Зато въ свою очередь есъ и отвѣчаютъ есъмъ своимъ имуществомъ въ случаяхъ необходимости возвращенія похищеннаго его хозяевамъ.

Похищенное рѣдко сохраняется. По пригонѣ въ хотонъ, съ поразительной быстротой, дружными усиліями, вмигъ все рѣжется, колется, душится и дѣлится на части. Лихорадочно-дѣятельное участіе въ уничтоженіи добычи одинаково съ мужчинами принимаютъ и женщины и дѣти, не лишаются своихъ частей и собаки. Затѣмъ, по окончаніи дѣлежа, начинается въ буквальный смыслѣ слова обжорство, въ какую бы пору ночи и дня то ни случилось. Мясо варится полусырымъ; кости и кожа сейчасъ же жгутся или зарываются въ какомъ нибудь потайномъ мѣстѣ вдали отъ хотона; излишекъ же мяса тщательно, съ соблюденіемъ всевозможнѣйшихъ предосторожностей, прячется гдѣ либо въ копани (колодець), въ навозѣ, соломѣ и т. п.; иногда же, дабы доказать, что „хотонъ ѣстъ свое мясо, а не краденое“, убивается чей либо бычокъ, телушка, овца,—смотря потому, что украдено и пригнано было въ хотонъ. Если же кто утаитъ похищенное и не подѣлится имъ, или кто нибудь у вора украдетъ уворованное же, то такому не только мстятъ, но даже считаютъ себя въ правѣ жаловаться на него своимъ властямъ. Помню, однажды былъ такой случай, что даже ко мнѣ (лицу не придерживавшемуся ихъ алата) воръ пришелъ жаловаться на вора, до того первому показался обиднымъ поступокъ послѣдняго. Состоялъ же онъ вотъ въ чемъ: занимаясь косьбой сѣна, калмыкъ увидѣлъ пасущихся безъ призора овецъ крестьянина сосѣднаго села. Пользуясь случаемъ, онъ схватилъ двухъ овецъ, задушил ихъ, туши спряталъ подъ копной сѣна, и, предвкушая довольство сытости за ужиномъ, спокойно продолжалъ косить сѣна; предъ закатомъ солнца ушелъ домой, чтобы съ наступленіемъ полныхъ сумерекъ вмѣстѣ съ братомъ притащить

овецъ въ кибитку. Другой казмыкъ подглядѣлъ, какъ первый душилъ овецъ и гдѣ ихъ спряталъ; и только что укравшій овецъ пошелъ домой, „перекралъ“ ихъ, спряталъ, ночью „приволокъ“ уже въ свою кибитку и, никому не сказавъ о томъ, издумалъ полакомиться „въ одиночку“, а часть оставить про запасъ. Такъ бы и случилось, если бы первый воръ печально „не наткнулся“ на огонекъ и не досадовалъ въ чемъ дѣло. Завязалась драка, а затѣмъ, не удовлетворившись ею, въ ту же ночь обиженный жалуясь мнѣ на „вожа“, просилъ, чтобы я помогъ ему огобратъ овецъ и такъ или иначе наказалъ „обидчика“, причемъ рѣшительно не соглашался со мной, что онъ такой же воръ, какъ и его обидчикъ и что, если наказывать, то наказывать обоихъ, а не одного,—нѣтъ: онъ одно твердилъ, что „сосѣдямъ другъ у дружки грѣхъ красть“.

Благодаря быстрой и притомъ однодушной „управкѣ“ казмыковъ съ краденнымъ, слѣды преступленій весьма скоро скрываются, такъ что преслѣдователямъ сплошь и рядомъ приходится, выслѣживая преступниковъ чуть ли не по пятамъ, находить только объѣдки мяса, но не кожу и кости. Объѣдки же мяса служить плохимъ юридическимъ основаніемъ для несомнѣнности улики, въ особенности же, когда очевиденъ фактъ, что былъ зарѣзанъ свой бычекъ, корова или овца.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда количество угнаннаго скота и овецъ сбываетъ на столько значительно, что обитатели даннаго хотона не въ состояніи пожрать его въ сравнительно непродолжительное время, въ особенности лѣтомъ, то тогда убивается только часть добычи, излишекъ же безъ малѣйшаго промедленія, съ невозможною поспѣшностію, отгоняется въ отдаленнѣйшіе хотоны и тамъ опять таки либо убивается сейчасъ же, либо укрывается на время, или же, если русскій „кунакъ“ (другъ) близко, сбывается ему за самую ничтожную цѣну. Русскіе же кунанки особенно охочи до такихъ покупокъ.

Что же касается похищенныхъ лошадей, то казмыки

убиваютъ ихъ въ крайне рѣдкихъ, такъ сказать, безвыходныхъ случаяхъ, когда окончательно измученное животное неспособно въ гонбѣ или же на столько породисто и хорошо, что сбытъ его затруднителенъ и опасенъ. Обычно же калмыки стараются какъ можно скорѣе „затурить“ краденыхъ лошадей куда либо „на сторону“ „подальше“ въ Кубанскую и даже Терскую область, въ чемъ имъ дѣлательно помогаютъ не только свои сородичи-балмыки, но и русскіе—въ лицѣ деревенскихъ копокрадовъ и пристаподержателей весьма, многочисленныхъ на сѣверномъ Кавказѣ и въ большинствѣ извѣстныхъ калмыцкому населенію. Успѣшному сбыту краденыхъ лошадей много помогаетъ и то, что въ Ставропольской губерніи почти нѣтъ ни одного села и хутора, даже въ Кубанской области рѣдко встрѣчаются станицы, въ которыхъ не находились бы калмыки со своими семьями и кибитками, легально исполняющіе обязанности пастуховъ и табунщиковъ; даже г. Ставрополь пользуется ихъ услугами. Такая же разбросанность мѣстопробываній калмыковъ въ высшей степени способствуетъ надежному способу сбыта краденыхъ лошадей и даже рогатаго скота, ибо хвщники калмыкъ вездѣ находятъ и притонъ, и помощь, и быстрый обмѣвъ уворованнаго на деньги или же „голова за голову“. Прежде, когда калмыцкая степь изобиловала зарослями камышей, еще можно было укрывать лошадей и скотъ въ своихъ же кочевьяхъ; теперь же отъ камышей не осталось и слѣда и волеяневолей ворами приходится угонять добычу возможно дальше и тѣмъ скрывать слѣды преступленій. Это же дѣлается быстро и легко, благодаря правильной организаціи дѣла передачи уворованнаго изъ рукъ въ руки.

Кромѣ лошадей, скота и овецъ калмыки ничего не грабятъ и не воруютъ. Чужая одежда, вещи и вообще какое бы то ни было имущество, исключая конской сбруи, ихъ не соблазняетъ; но деньги „карашить“ (воровать) они не прочь. Такъ, въ 1891 году калмыки забрались въ домъ іеромонаха Амвросія (миссіонера), сломали замокъ у сундука и взяли

изъ него только деньги да выпили водку, стоявшую въ шафу. Изъ вещей же ничего не тронули, хотя кромѣ носильнаго платья были серебряныя ложки, кресты, часы и т. п.

Занятіе хищничествомъ у калмыковъ освящено вѣками и въ глазахъ народа служитъ признакомъ доблести, удалства, молодчества. Хищничествомъ, вопреки категорическому требованію одной изъ буддійскихъ заповѣдей, по традиціи, должно заниматься все мужское населеніе. Только старость, физическіе недостатки и полная неспособность (глупость, трусость) освобождаетъ отъ участія въ хищническихъ набѣгахъ съ цѣлью воровства лошадей и скота. Достаточно знать, что удалство на этомъ поприщѣ давало право молодымъ людямъ на вступленіе въ бракъ и что дѣвушки отворачивались отъ неспособныхъ къ хищничеству и презирали таковыхъ,—а намъ понятно будетъ, насколько страсть къ хищничеству присуща калмыкамъ. Неспособные прежде къ набѣгамъ, а теперь къ воровству, считаются какими то жалкими паріями и правоспособное въ этомъ смыслѣ мужское населеніе относится къ нимъ съ горделивымъ презрѣніемъ, иначе не называя таковыхъ, какъ „мукювенъ“ т. е. худой человекъ, мовглакъ, дрянъ.

Дѣйствительно—въ былую пору, когда калмыцкая степь представляла изъ себя безбрежную пустошь съ кое-гдѣ прѣдка попадавшимися одиноко стоящими хотонами, когда русскія поселенія не окружали Больше-Дербетскаго улуса и не проникали въ глубь его степей, а ютились одиноко, далеко отстоя другъ отъ друга; когда степь, въ мѣстахъ кочевій по ней, переполнена была скотомъ разныхъ породъ и калмыки не знали, что такое пищета,—въ то время хищничество дѣйствительно было проявленіемъ удалства; быть можетъ, что и бездѣлье гнало ихъ на грабежъ. Другихъ мотивовъ къ хищничеству, какъ говорятъ и сами калмыки, вспоминая свое прошлое, почти не было. Во всякомъ случаѣ одно вѣрно, что удалство, проявляясь въ хищничествѣ и будучи въ крови калмы-

ковъ, отнюдь не было, такъ сказать, ремесломъ, какъ то есть у нашихъ конокрадовъ-крестьянъ и не вызывалось нуждой добычи себѣ средствъ къ жизни путемъ воровства и грабежа. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ русскія поселенія сплошной массой, точно кольцомъ, все болѣе и болѣе сгущивающимся, начали надвигаться на калмыцкую степь и проникать въ отдаленнѣйшіе уголки ея, вынуждая тѣмъ самымъ калмыковъ сгущиваться все въ болѣе и болѣе узкомъ кругѣ, когда, наконецъ, пришлое население не только окружило степь, но и забралось въ центръ калмыцкихъ кочевій и испещрило ихъ своими хуторами, хищничество, какъ удалство, подъ сильнымъ напоромъ иныхъ жизненныхъ условій, начало измѣнять мало по малу свой первоначальный характеръ, мельчать, обуславливаться другими причинами и, наконецъ, постепенно обратилось, въ настоящее время, въ простое обыденное воровство. Въ свою очередь и сами калмыки, въ силу тѣхъ же причинъ, изъ прежнихъ гордыхъ удалцовъ, смѣлыхъ въ опасностяхъ, самовластныхъ сыновъ степей, также превратились въ приниженныхъ, нищихъ, жалкихъ, трусливыхъ ворюшекъ, рабски покорныхъ своей судьбѣ и апатично влачащихъ нищенское свое существованіе. Но было бы большою ошибкой со стороны того, кто подумалъ бы, что хищничество сузилось и свизошло на степень мелкаго воровства, воровства единицами, а не правильно организованными шайками, въ силу культурнаго воздѣйствія русскаго населенія на калмыковъ, или же, въ силу разумной и энергичной дѣятельности лицъ, власть имѣвшихъ и имущихъ. Того и другого отнюдь не бывало. Дѣло совсѣмъ иначе объясняется и далеко не въ пользу ни русскіхъ поселеній, ни распорядителей судьбы и быта калмыковъ. Это мы и постараемся объяснить.

При малочисленности русскаго населенія, примыкавшаго къ калмыцкимъ кочевьямъ, номадамъ, свободнымъ въ своей богатой степи, легко было дѣлать хищническіе набѣги, угонять скотъ и лошадей въ глубь степи. Тамъ же, по обширности

пространства и безлюдности его, не только трудно, но зачастую и просто невозможно было разыскивать похищенное. Вместе съ этимъ для потерпѣвшихъ очень и даже очень небезопасно было пускаться въ погоню за хищниками, сильными и знакомствомъ со степью, и поддержкой со стороны своихъ сородичей, всегда готовыхъ помочь *своимъ* и физической силой на случай борьбы, и укрывательствомъ, если къ тому была необходимость. Когда же съ теченіемъ времени преобладающимъ населеніемъ калмыцкой степи явились русскіе крестьяне, дѣло приняло совсѣмъ другой оборотъ. Прившельцы, освоившись съ ея тайнами не хуже самихъ калмыковъ и изучивъ нравы, обычаи и характеръ послѣднихъ, къ тому же поддерживая другъ друга въ случаяхъ грабежа скота и лошадей, начали сами смѣло вооруженной толпой врывать въ кочевья, настойчиво разыскивать похищенное, преслѣдовать грабителей, въ случаяхъ сопротивленія и заперательства вымучивать путемъ настоящихъ пытокъ указаніе, гдѣ скрытъ похищенный скотъ и самовольно жестоко расправляться съ калмыками, не разбирая кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Не только свѣжи трагическіе рассказы о пыткахъ, какимы подвергали крестьяне калмыковъ, какъ то: поджариванію на медленномъ огнѣ, выворачиванію назадъ рукъ, травлѣ собаками и проч., но у многихъ даже раны и теперь не совсѣмъ еще успѣли зажить послѣ жестокихъ расправъ за воровство. Кровавыми слѣдами запечатлѣны въ памяти калмыковъ недавніе походы на нихъ жителей селъ: Городачей, Митрофановки, Кисты, Красной Поляны и многихъ другихъ. Не только мучить, но даже и убить калмыка, какъ о томъ уже упоминалось, русскіе и теперь не считаютъ ни грѣхомъ, ни преступленіемъ. Есть и теперь еще живые свидѣтели такихъ напримѣръ звѣрствъ, когда чабаны, т. е. пастухи овечьихъ отаръ, убивъ калмыка, *тѣло его жарили на угляхъ арала и жаренымъ калмыцкимъ мясомъ кормили своихъ собакъ-очарокъ. Жарили же для того, что бы „собакамъ непротивно было ѣсть конючее мясо поганой твари“*... Понятно и даже очень понятно, что при такихъ усло-

віахъ стало и негдѣ, и крайне опасно развернуться былой калмыцкой удали въ дѣлѣ хищничества. И они постепенно, не въ силу культурнаго воздѣйствія, а подъ давленіемъ жестокостей крестьянъ, замѣнили удалые хищническіе набѣги простымъ почнымъ воровствомъ, какъ менѣе замѣтнымъ и менѣе поддающимся розыскамъ и преслѣдованію, воровствомъ всего того, что плохо запирается въ сараяхъ, базахъ, конюшняхъ и не стережется на пастбищахъ.

Не говоря уже о далекомъ прошломъ, даже недавно, въ восьмидесятыхъ годахъ (въ началѣ) крестьянину, разъ онъ не кунакъ, иначе не завѣдомый воръ, невозможно было въ одиночку безъ оружія рѣшиться заходить въ калмыцкія степи. Такой смѣльчакъ почти всегда лишался лошади и рѣдко избавлялся отъ встязаній. Пахать землю, косить траву, убирать хлѣбъ русскіе всегда ѣздили партіями и съ ружьями. Теперь же роли совершенно перемѣнились. Сила стала на сторонѣ крестьянъ и они свободно разгуливаютъ по калмыцкой степи, мало этого—сдѣлались хозяевами ея въ смыслѣ эксплуатаціи ея земельныхъ богатствъ. калмыки же, наоборотъ, боятся въ одиночку вѣзжать въ русскія села не только ночью, но даже и днемъ, а въ вѣкоторыя деревни, какъ наприимѣръ въ Кисту, Кіевку, Красную Поляну и др. и совсѣмъ не рѣшаются показываться. Избить калмыка такъ себѣ, „за здорово живешь“, поглумиться надъ нимъ, затравить его собаками—служить развлеченіемъ для молодыхъ деревенскихъ парней. Вообще калмыкъ, перейдя черту своихъ стойбищъ, трепещетъ передъ крестьяниномъ и рабски ему подчиняется. И если бы захотѣли крестьяне или, вѣрнѣе, если бы они сами были нравственнѣе, то воровство, коему преданы калмыки, сузилося бы до невзбѣжнаго во всякой человѣческой средѣ минимума. Но дѣло въ томъ, что сами крестьяне, какъ увидимъ, возвращаютъ калмыковъ и „подбиваютъ“ ихъ на воровство, на которое они и безъ того такъ падки.

Что же касается бывшей администраціи улуса, т. е. почечителей, ихъ помощниковъ, пристава, то они не только въ

первое время своего существованія, но и въ позднѣйшее оказывались рѣшительно бессильными искоренить зло. Положимъ, на бумагѣ они искореняютъ его и искореняютъ „энергично“, и съ „успѣхомъ“, такъ что въ общемъ, по ихъ „доношеніямъ“, не только „все обстоитъ благополучно“, но даже „народъ видимо нравственно развивается и понимаетъ благодѣтельность опеки и заботъ о немъ“. На дѣлѣ же далеко не такъ, о чемъ ясно между многими другимъ говорить и то, что не далѣе, какъ въ восьмидесятыхъ годахъ нашего столѣтія, правительство нашлось вынужденнымъ издать особый законъ для крестьянъ Новогеоргіевскаго уѣзда Ставропольской губерніи, почти окруженнаго калмыцкимъ и магометанскимъ населеніемъ, равно и для послѣдняго, по которому администрація предоставлено право высылать въ Сибирь на поселеніе всякаго крестьянина и калмыка, замѣченнаго *въ порочномъ поведеніи*, не ожидая на то общественныхъ приговоровъ. Мы, кажется, не ошибемся, если предположимъ, что особый, *чисто мстный* этотъ законъ явился результатомъ признанія мстной администраціей полной своей несостоятельности бороться со зломъ общеуказовенными средствами, обычными и въ другихъ мѣстахъ нашего отечества...

Законъ этотъ изданъ, какъ сказано, въ восьмидесятыхъ годахъ, т. е. въ то время, когда Ставропольская губернія считалась уже вполне благоустроенной въ административно-полицейскомъ и судебномъ отношеніяхъ. А если такъ, то что же было, не говоримъ уже о началѣ столѣтія, а даже въ сороковыхъ и шестидесятыхъ годахъ, когда территоріальная часть Ставропольской губерніи—именно калмыцкая степь—вспытывала на себѣ всю прелесть пререканій между мѣстнымъ и астраханскимъ начальствомъ изъ-за права владѣть и управлять калмыками, когда калмыки имѣли достаточно средствъ откупаться отъ всяческихъ преслѣдованій за свои дѣла, нарушающія законъ, и когда существовала возможность широкаго простора для всевозможнаго рода и вида сдѣлокъ съ ними и съ пришельцами на ихъ землю?...

Въ настоящее время калмыки давно уже въ большинствѣ случаевъ являются не самостоятельными ворами, а приспѣшниками родныхъ намъ конокрадовъ. Всѣ болѣе или менѣе крупныя кражи и грабежи совершаются или при непосредственномъ участіи крестьянъ, или по указанію и при пособничествѣ ихъ, а то и просто посылаются калмыки на кражу, для усѣха въ которой крестьяне даютъ имъ своихъ хорошихъ лошадей и одежду. Но, въ сожалѣнію, благодаря незнакомству съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла и нежеланію вникнуть въ суть его, среди общества и въ сферахъ высшей администраціи укоренилось предвзятое убѣжденіе, что всѣ безъ исключенія калмыки остались такими же хищниками, грабителями и ворами, какими были и ранѣе. Не совсѣмъ справедливое убѣжденіе въ этомъ повлекло за собой примѣненіе къ калмыцкому населенію закона, по которому оно, наравнѣ вообще съ кавказскимъ не русскимъ населеніемъ, за грабежи и разбой должно судиться военно-полевымъ судомъ; вначе говоря, калмыки поставлены такимъ закономъ въ исключительно строгія условія кары. Для знакомыхъ же съ сущію дѣла такой законъ по отношенію къ калмыкамъ кажется не совсѣмъ справедливымъ,—не потому, что онъ суровъ, а потому, что онъ всею своею тяжестью обрушивается на одно инородческое населеніе Кавказа, а между нимъ и на калмыковъ, тогда какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ виновниками грабежей и разбоевъ являются не одни калмыки, а съ ними и во главѣ ихъ и русскіе. Если же послѣдніе и остаются предъ судомъ и слѣдствіемъ въ тѣни, то происходитъ это *вовсе не въ силу ихъ невинности, а въ силу особенной національной черты въ характеръ калмыковъ.* Объяснимся.

Ни въ одномъ изъ нашихъ обществъ, если не считать нѣкоторыхъ сектантовъ, не развито въ такой степени чувство братскаго единства, единодушія, взаимопомощи,—короче сказать полной во всемъ солидарности одного со всѣми и всѣхъ съ однимъ, какъ то есть среди калмыковъ, что рѣзко и отличаетъ ихъ, да и не ихъ однихъ, отъ крестьянъ-сосѣдей. Не под-

держатъ друга, не оказать кому либо изъ своихъ въ нуждѣ помощи, выдать преслѣдуемаго властямъ, при допросахъ русскими чиновниками уличить въ преступленіи—считается величайшимъ позоромъ. Мы знаемъ случаи, и далеко не единичные, когда совершенно невинные калмыки, почему либо заподозрѣнные въ совершеніи извѣстнаго преступленія, или на каторгу, ни единымъ словомъ не обмолвившись въ самозащиту ни на слѣдствіи, ни во время суда, о томъ, что они знаютъ дѣйствительныхъ виновниковъ преступленія, за которое ихъ постигаетъ кара, и могутъ фактически, а не облыжно, увертки ради, доказать виновность другихъ и свою правоту. Бывали случаи, что въ окружномъ судѣ на скамьѣ подсудимыхъ фигурировали ни въ чемъ невинные калмыки, дѣйствительные же виновники, по необходимости, являлись свидѣтелями противъ нихъ; и роли, при полной къ тому возможности со стороны обвиняемыхъ, не мѣнялись даже подъ страхомъ каторги... Мы не говоримъ уже о томъ, что нѣтъ такого калмыка, который рѣшился бы отказать въ принятіи участія въ томъ, что бы всѣми зависящими отъ него мѣрами и средствами возстановить alibi своего собрата, попавшагося въ руки властей. Къ этому калмыки приучаются съ дѣтства и достигаютъ виртуозности. Въ противномъ случаѣ измѣнника традиціи постигаетъ жестокая кара. Вотъ между прочимъ недавній случай: крещеный калмыкъ Давидъ Бугдюковъ, ослѣпленный ревностью къ своей жещѣ, рѣшился разоблачить нѣкоторыя преступленія своихъ враговъ. Калмыки догадались объ этомъ и ночью, устроивъ нарочитую попойку, убили его, связали арканомъ (волосяная веревка) руки, какъ собаку выволокли въ степь саженой за двѣсти отъ своихъ жилищъ и бросили на краю профъзжей дороги. За такую же попытку быть доносякомъ другого калмыка, Григорія Нормынова, ночью поймали въ степи, живому еще прикрутили голову къ ногамъ и бросили въ р. Джалгу, гдѣ онъ и утонулъ.

Чтобы видѣть, насколько сильна среди калмыковъ солидарность другъ съ другомъ и насколько свято вспоминаютъ

они требованіе обычая не вылавать другъ друга, расскажем одинъ изъ многихъ фактовъ, слышанныхъ нами изъ непосредственнаго источника.

Предварительно необходимо замѣтить, что крещенные калмыки пользуются не только ненавистью, но и полнымъ презрѣніемъ со стороны своихъ сородичей—буддистовъ. Слѣдовательно, можно и даже должно предполагать, что у нихъ всякая связь другъ съ другомъ порвана и возникшая упорная ненависть и презрѣніе освободили обѣ стороны отъ исполненія завѣтовъ братскаго единства. На дѣлѣ же не всегда такъ.

Насколько помнится, кажется, въ 1889 году, шайкой калмыковъ, въ числѣ пяти душъ, совершенъ былъ грабежъ, съ оружіемъ въ рукахъ, скота и лошадей у крестьянина села Сладкихъ Кошпей (Дербетовка тожъ). Подозрѣніе почему то пало на крещеныхъ калмыковъ, и одинъ изъ потерпѣвшихъ, при очной ставкѣ, призналъ грабителемъ въ лицо. Основываясь на уликахъ потерпѣвшаго, подозреваемыхъ въ грабежѣ арестовали и посадили въ тюрьму. Потянулось слѣдствіе,просы, допросы и перепросы, во время которыхъ подозреваемые сидѣли подъ замкомъ съ поября по іюль мѣсяцъ и имъ, по характеру ихъ преступленія, грозила каторга. Между тѣмъ, въ существѣ дѣла, потерпѣвшій крестьянинъ совершенно облыжно показалъ на крещеныхъ калмыковъ. Эти же послѣдніе хорошо знали дѣйствительныхъ виновниковъ преступленія, имѣли всѣ данныя для доказательства, кто и какъ и совершилъ грабежъ, куда дѣвалось ограбленное, и, несмотря на это, упорно скрывали истину и на слѣдствіи, и на судѣ.

Такіе завѣты куначества въ одинаковой степени крѣпки у калмыковъ не только по отношенію къ своимъ сородичамъ, но даже и къ русскимъ крестьянамъ, разъ послѣдніе руководятъ ими въ дѣлахъ воровства и грабежей и дѣятельно въ томъ помогаютъ. Въ куначествѣ же нужно видѣть и главную причину того, что обвиненія въ воровствѣ, въ большинствѣ

случаевъ, всю свою позорной тяжестью обрушиваются на калмыковъ, главные же дѣятели его, крестьяне, остаются въ сторонѣ и очень рѣдко привлекаются къ отвѣтственности со-вмѣстно съ казымкамп. Крестьянинъ поспоспобствуетъ калмыку, выдастъ ему краденое, калмыкъ погонитъ украденое въ степь, останутся слѣды; по нимъ преслѣдующіе доходятъ до хотона, „подводятъ“ слѣдъ до кибитки,—значить *калмыкъ виноватъ и попался...* „Таша его“... Логика простая, по далеко не справедливая по своимъ выводамъ... Калмыкъ же, вѣрный завѣту кувачества, молчитъ о правдѣ, вретъ небылицы и терпѣливо споситъ на себѣ и побой, доходящіе до пытки, и позоръ общественнаго мнѣнія, и позоръ тюрьмы, закрѣпляя тѣмъ за собой славу классическаго вора, неисправимаго ничѣмъ грабителя; теперь же, въ силу закона, пойдетъ быть можетъ и на висѣлицу за преступленія другихъ. Жаль! и жаль потому, что корень зла многіе упорно слѣдуютъ видѣть тамъ, гдѣ его нѣтъ, почему и допускаютъ очень несправедливыя натяжки и освѣщаютъ дѣло съ предвзятой точки зрѣнія, слясь сблизить и сопоставить факты согласно своему предубѣжденію. вмѣсто же того, чтобы *потрудиться* изслѣдовать и изучить дѣйствительныя причины крайне развитого въ степной части Ставропольской губерніи воровства и тѣмъ имѣть возможность такъ или иначе парализовать этотъ порокъ и воздѣйствовать на самое, такъ сказать, источникъ его, вмѣсто этого, благодаря нежеланію отрѣшиться отъ предвзятыхъ убѣжденій, сваливается все на калмыковъ и убѣжденно, со спокойной совѣстью, какъ о несомнѣнно доказанной истинѣ, твердятся на разные лады, что „ни одно воровство не обходится безъ калмыковъ; а потому разсовать этихъ вредныхъ паршивцевъ по тюрьмамъ (сгноить ихъ тамъ... Бить ихъ, вѣшать... согнать ихъ съ земли...) смѣшать съ крестьянами... не выпускать пикада въ улуса (пусть съ голоду мрутъ... оспу на нихъ напустить“)...

Кричать то, положимъ, легко, не стыдно и даже въ вѣкторомъ отношеніи не безъ личной выгоды: ибо такой крикъ

не только может служить, но и служить весьма удобной и благовидной лазейкой для улусной администраціи на случай обвиненія ея „въ бездѣйствіи власти“.

„Стараемся, молъ, но ничего не можемъ подѣлать съ такими закоренѣлыми преступниками, какъ калмыки). Судъ ихъ оправдывается... Слѣть и битъ нельзя..... Сдѣлать изъ улуса тюрьму невозможно... Что подѣлаешь? *Вслѣдъ же извѣстно, что всѣ калмыки ооры!*“.... Такими докторальными разсужденіями многіе улусные оффиціозы успокаивали своихъ презусовъ, — и убѣждены, и убѣждали въ справедливости этихъ, выражаясь по калмыцки, „вслыхъ словъ“. Но справедливо ли это? Не слишкомъ ли „кисло“? Повидимому, съ полицейской точки зрѣнія и справедливо, и не кисло. Но *по справедливости* и по существу дѣла—совсѣмъ не то и не такъ.

Чтобы съ большей достовѣрностію и доказательностію судить о вліяніи улусной администраціи на дѣло „предупрежденія и пресѣченія“ воровства среди страстно обвиняемыхъ ею въ томъ калмыковъ нужно, между прочимъ, знать и то, что потерпѣвшіе отъ воровства и грабежей, „чинныхъ“ калмыками, не говоримъ уже о прошломъ, даже въ самое послѣднее время,—рѣдко, только въ безнадежныхъ случаяхъ, какъ бы для „очистки совѣсти“—обращаются за помощію къ администраціи, да и то предварительно истощавъ всѣ возможныя и невозможныя „вольныя“ средства къ возврату похищеннаго. Зная обычай калмыковъ—потерпѣвшіе всегда обращаются прежде всего къ нимъ. Если есть серьезныя улики и калмыки дѣйствительно виноваты, то хозяева пропавшаго скота, какъ уже упоминались о томъ, получаютъ его обратно и даже съ лихвой, или же берутъ деньги, когда скотъ уже зарѣзанъ. *По адату* же вина и обязанность расплаты, повторяемъ, падаетъ не только на совершившихъ преступленіе, но и на всѣхъ однохотонцевъ. Такимъ путемъ не бываетъ задержки и проволочекъ въ выплачиваніи потерпѣвшимъ всѣхъ ихъ проторей и убытковъ. Самое же дѣло о преступленіи оканчивается миромъ и никогда не доводится до свѣдѣнія властей.

Въ тѣхъ же случаяхъ, когда калмыки, въ силу ли своей невинности или же въ силу бѣдности, не могутъ удовлетворить требованій крестьянъ,—последніе, поневолѣ и всегда неохотно, обращаются къ администрціи. Но въ такихъ случаяхъ рѣдко достигается желаемая цѣль. Администрація почти никогда не входитъ въ разсмотрѣніе дѣла по существу и не можетъ разыскать ни похищеннаго, ни похитителей. Обыкновенно всѣ дознанія начиваются такъ:

„А! ты воръ! Знаю тебя, давно знаю, чортова кузла, про твои дѣлишки... Говори! признавайся!“ И... трахъ-трахъ въ зубы!

Затѣмъ, какъ водится, слѣдуетъ „волосная выволочка“, бутузка, казачьи калачи и плети и... „пошла писать“!

„Нѣтъ! да каковы-же мерзавцы! какая закоренѣлость въ заправительстахъ! Ничѣмъ его не доймешь!“

Такъ и тому подобными восклицаніями успоковываетъ себя улусный полицейскій чинъ, если при его „операціяхъ“ случится постороннее лицо.

Сплошь и рядомъ бывало, что улусныя власти путемъ мордобитій и разныхъ „выволочекъ“ вынуждали калмыковъ сознаваться въ несовершенныхъ или преступленіяхъ—иначе говоря заставляли „клепать на себя“. Говоримъ это отнюдь не голословно, а на основаніи многихъ и многихъ фактовъ. Попытшіе же „въ передѣлку полиціи“ калмыки взводятъ на себя неблизцы, понятно, для того, чтобы избавиться отъ физическихъ истязаній и нравственныхъ пытокъ. Затѣмъ при судебномъ *предварительномъ слѣдствіи* и на судѣ, гдѣ уже нѣтъ „пристрастія дѣйствию“, показываютъ другое и также почти всегда врутъ. Правду же „показываютъ“ только относительно того, что сознаніе полицейскому чиновнику сдѣлано было по принужденію, что фактически иногда и доказываютъ еще не зажившими слѣдами на лицѣ чиновничьихъ заскъ. Затѣмъ, понятво, все перепутывается до нельзя и начивается волокитная канитель, т. е. „судъ по формѣ по совокупности преступленій“.

„Были зубы—были въ зубы!...
Нѣтъ зубовъ—скула трещитъ!“

И намъ не извѣстно случаи, чтобы,—не говоря о прошломъ, а даже за послѣднія пять—шесть лѣтъ, кто либо такъ или иначе заплатился за калмыцкіе зубы и скулы.

А при такомъ способѣ раскрытія преступленій, естественно спросить,—гдѣ же и въ чемъ толкъ?.....

Итакъ—еще разъ повторяемъ, что если-бы не сосѣди калмыковъ—крестьяне и если бы было другое отношеніе къ нимъ администраціи, то воровство среди населенія Больше-Дербетскаго улуса далеко не было бы господствующимъ, неустрашимымъ явленіемъ, какъ теперь. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что обнищавшему калмыку даже выѣхать не на чемъ—не только для воровства, но и за болѣе законной и необходимой потребностію. Пѣшій же калмыкъ, что ракъ на мели.

Необходимо также для выясненія дѣла взять во вниманіе и ту рѣзкую особенность въ быту калмыковъ, что случаи воровства собственно между ними, другъ у друга, крайне рѣдки, мелочны, единичны сравнительно съ воровствомъ въ селахъ, въ любомъ данномъ мѣстѣ чисто русскаго населенія.

А это явленіе, по нашему мнѣнію, очень важно и цѣнно при сужденіяхъ о будто бы неискоренимой наклонности калмыковъ къ воровству и о мѣрахъ къ атрофированію этой наклонности.....

Затѣмъ, на всякій случай, считаемъ необходимымъ оговориться, что мы не дикорамбы поемъ калмыкамъ, а только констатируемъ, что наблюдалось, въ чемъ сложилось убѣжденіе, какъ въ несомнѣнномъ фактѣ и что провѣрялось при слушаніи рассказовъ другихъ и личнымъ присутствіемъ при очень и очень многихъ „операціяхъ“ надъ калмыками,—производимыхъ и главнымъ приставомъ, и его сподручниками. Существующая же въ Больше-Дербетскомъ улусѣ военно-полицейская команда изъ казаковъ Кубанскаго войска рѣшительно ни въ какомъ отношеніи не приноситъ пользы въ дѣлѣ „предупрежденія и пресѣденія“ преступленій. Напротивъ—ни

не скажемъ ничего лишняго, если отмѣтимъ, что во многихъ случаяхъ казаки даже способствуютъ скрытію слѣдовъ преступленія; на свою службу въ улусъ смотрятъ, какъ на возможность паживы; лѣтъ же десять тому назадъ самп казаки открыто грабили калмыковъ и не по человѣчески жестоко обращались съ ними. Если же такъ, то и понятно что „восново-полицейская команда“ не служила, да и не можетъ служить авторитетомъ для калмыковъ, сдерживающимъ началомъ п охраной населенія отъ хищничества и воровства калмыковъ. Напротивъ—между казаками п калмыками существуетъ одно лишь озлобленіе и въ результатъ его страстное желаніе напа-костить другъ другу.

До сихъ поръ мы говорили только о калмыкахъ *простолюдинахъ*. Но между ними есть еще и *привилегированное*, закономъ нашимъ признанное *сословіе*, которое состоитъ изъ *зайсанговъ, владѣльческихъ родственниковъ и пойна*. Сословіе это, исключая пойна и двухъ-трехъ зайсанговъ, по складу своей жизни и умственному п нравственному уровню своего развитія, рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ простолюдиновъ. Оно также плутовато, воровато, неразвито, бѣдно и за-блто, какъ и всѣ калмыки и живетъ одною съ ними жизнію (изъ зсего привилегированнаго сословія единственно счаст-ливое исключеніе составляетъ только зайсангъ *Бадьма Лани-новичъ Опогиновъ* и его племянникъ *Теръ-Менке*. Помимо того, что они образцово ведутъ свое обширное хозяйство п прекрасно устроили свою усадьбу,—Опогиновы отличаются серьезностію своего развитія и строгой честностію въ веденіи своихъ дѣлъ. Они могли бы благотворно вліять и на калмыковъ, если бы ихъ, безъ всякаго достаточнаго на то основанія, *не оттирали отъ народа*. Если кому въ улусъ и слѣдуетъ предоставить власть съ цѣлью желательнаго воздѣйствія на калмыковъ, то единственно Бадьмъ Опогинову. Сказанное сейчасъ—понятно будетъ, когда мы припомнимъ ту неустрашную пока враж-дебность, съ какой калмыки относятся вообще къ сосѣднему населенію и особенно къ чиновничеству, въ силу чего ни

одинъ изъ чиновниковъ, при всѣхъ его благихъ пожеланіяхъ народу, не сможетъ и не сумѣетъ сдѣлать то, что доступно г. Опогину).

Что это за привилегированное сословіе, въ какихъ отношеніяхъ оно стояло и стоитъ къ народу, другъ къ другу, къ русской администраціи и обратно,—съ этимъ мы сейчасъ и познакомимся.

IV.

Извѣстно, что калмыки, какъ и ихъ сородичи, китайскіе монголы и наши сибирскіе буряты, въ гражданскомъ своемъ развитіи остановились на стадіи родового быта. Определенное число родовъ, подчиненныхъ одному общему ихъ владѣльцу, въ Монголіи называется „*ашунами*“, въ Сибири „*сэдамствами*“, а въ ставропольской и астраханской губерніяхъ— „*улусами*“.

Больше-Дербетскій улусъ состоитъ изъ пятнадцати отдѣльныхъ родовъ—именно: 1) *Икитуктунговъ* съ 504 душъ мужескаго пола и 19120 дес. земли; 2) *Бата-Буруловъ* 546 душъ и 16,408 дес. земли; 3) *Кюбетовъ* и 4) *Бюдурмисовъ* родъ—не раздѣленные между собой—698 душъ и 22,355 дес. земли; 5) *Абганеровъ*—237 д. и 8,195 дес. земли; 6) *Цорасовъ*, 7) *Ширетовъ* и 8) *Торочинеровъ*—не раздѣленные между собой—489 д. и 16,137 дес. земли; 9) *Икитуктунговъ второй* 370 д. и 12,435 дес. земли; 10) *Абганерь Риханкинъ* 360 д. и 9,809 дес. земли; 11) *Икичунусовъ* и 12) *Будульчинеровъ* ¹⁾—1542 д.

¹⁾ Земельныя дачи Икичунусова и Будульчинерова рода раздѣлены въ 1891 году.

и 61,458 дес. земли; 13) *Хаджинкиновъ* 177 д. и 7500 дес. земли; 14) *Багатурнуновъ первый* 642 д. и 35,037 дес. земли и 15) *Багатурнуновъ второй* 86 д. и 9800 д. з.

Каждый родъ въ отдѣльности, а не раздѣленные земельными участками—виѣстѣ составляли и составляютъ отдѣльную самостоятельную административную единицу, во главѣ которой, до изданія закона 15 марта 1892 года, стоялъ родовой *зайсанъ*¹⁾; власть его переходила, безъ выбора, по наследству отъ отца къ сыну и только въ тѣхъ родахъ, гдѣ вовсе не было зайсанговъ (вслѣдствіе ихъ вымиранія) существовали выборные старшины. Тамъ же, гдѣ были зайсанги малолѣтними, родомъ управляли выборные *омекумы*.

До 1892 года всѣ роды, входящіе въ составъ Больше-Дербетскаго улуса, падали въ полной экономической зависимости отъ *нойона*—владѣльца улуса, въ административномъ же отношеніи отъ коллегіальнаго учрежденія, такъ называемаго „*улуснаго управленія*“, въ составъ котораго входили: *нойонъ* и отъ правительства гражданскіе полицейскіе чиновники—*попечитель улуса* и его помощникъ. Предсѣдателемъ управленія былъ *нойонъ*, устранимый отъ участія въ дѣлахъ улуснаго управленія, какъ и вообще отъ улусныхъ дѣлъ, только закономъ 15 марта 1892 года, по которому власть его всецѣло перешла къ *попечителю улуса* и двумъ его помощникамъ. *Попечитель улуса* по своимъ правамъ уравнивъ съ окружными исправниками, а помощники его съ приставами.

Нойонъ—владѣлецъ улуса, до „освобожденія калмыковъ простолюдиновъ отъ обязательнаго отношенія къ ихъ привилегированному сословію“¹⁾, былъ полновластнымъ хозяиномъ калмыцкаго населенія. Калмыки простолюдины считались его крѣпостными рабами на оброчныхъ правахъ и обязывались

¹⁾ Статья 100-я Положенія объ управ. калм. народомъ.

²⁾ Выраженіе манифеста 15 марта 1892 г.

платить ему закономъ установленную норму. подати—именно по семи рублей четырнадцати копеекъ съ юды, но не съ каждой отдѣльной души мужескаго пола, а съ кибитки (дыма) или, иначе говоря, съ каждаго отдѣльнаго хозяйства и жилища. Такой оброкъ назывался *албаномъ*, что въ дословномъ переводѣ съ калмыцкаго значить *дань, подать*. Законъ запрещалъ нойонамъ только продавать, дарить и закладывать калмыковъ ¹⁾. Кроме того, ограждалась и имущественная собственность простолюдиновъ только тѣмъ, что всѣ денежные взысканія по обязательствамъ нойоновъ должны были производиться съ нихъ самихъ и ни въ какомъ случаѣ не могли обращаться на подвластный имъ народъ ²⁾. Во всемъ же остальномъ нойонъ являлся владыкой калмыковъ, огражденнымъ закономъ отъ посягательства на его права и привилегіи и подрыва ихъ со стороны калмыковъ. Улусному же управленію вмѣнялось въ обязанность строго слѣдить, чтобы албанъ въ пользу нойона, „яко казенный“, собирался бы „бездомочно“.

Раздѣляясь на отдѣльные, совершенно независимые другъ отъ друга роды—калмыки, до 1871 года, т. е. до окончанія разверстки между ними земельныхъ участковъ подъ осѣдлымъ поселеніемъ,—пользовались степью *сообща*. Тотъ или другой родъ, порознь, не имѣлъ исключительнаго права владѣть извѣстнымъ урочищемъ для своихъ кочевокъ, мало этого, не имѣлъ даже юридическаго права по своему желанію кочевать тамъ, гдѣ ему казалось удобно и любо, ибо распредѣленіе мѣстъ и угодій для кочевокъ и назначеніе ихъ по родамъ всецѣло зависѣло отъ нойона ³⁾. Послѣдній могъ совершенно на законномъ основаніи распорядиться распредѣленіемъ и экономическою судьбой калмыцкихъ стоблицъ, передвигать ихъ

¹⁾ Положеніе объ управ. калмыцкимъ народомъ 35 ст.

²⁾ Тамъ же 30 ст.

³⁾ Тамъ же 245 ст.

съ мѣста на мѣсто, не справляясь, удобно ли это для калмыковъ, или же убыточно въ смыслѣ плохого корма для скота, отсутствія воды въ данной мѣстности и проч., могъ выбирать и отбирать лучшія мѣста для пастбищъ въ свою пользу и въ пользу своихъ родственниковъ и приближенныхъ. Въ этомъ отношеніи власть нойона не была ограничена отъ произвола и къ ограниченію ея не дѣлалось никакихъ активныхъ попытокъ. Были только полумѣры съ разными недомолвками, конми вообще полная прошлая исторія нашихъ официальныхъ отношеній къ калмыцкому народу и его правамъ,—интересы народа и его права всегда отодвигались на задній планъ. Само правительство, съ первыхъ же годовъ прихода калмыковъ въ приволжскія степи, не желая считаться съ ними силой,—исподоволь, съ упорной настойчивостію сдѣлалось и принимало всё зависящія отъ него мѣры къ рабскому подчиненію простолудинновъ—сначала *ханамъ*, а затѣмъ, по уничтоженіи хановъ,—*нойонамъ* и *зайсанамъ*, стремясь усилить значеніе, власть и права ихъ. На рабскомъ подчиненіи народа привилегированному сословію основана была система ослабленія въ калмыцкомъ народѣ порывовъ къ свободѣ, самоуправленію и протесту противъ вмѣшательства въ ихъ дѣла нашихъ властей. Путемъ такой системы рассчитывалось, и не безъ основанія, играя человѣческими страстями и слабостями, сконцентрировать эти послѣднія въ лицѣ нойоновъ и зайсанговъ и потворствомъ привлечь таковыхъ на свою сторону, какъ своихъ креатуръ—а чрезъ нихъ и смирять народъ.—Естественно, что ласкаемые и заинтригованные перспективой власти, зиждущейся не на народномъ произволѣ, почему и шаткой, а на силѣ штыка и сабли—нойоны и зайсанги постарались оправдать возложенныя на нихъ надежды и вмѣстѣ съ этимъ соблюсти выгоды своего положенія, поклявшись на порабощеніи отданнаго подъ ихъ власть народа. Такой „политикой“, безъ особенныхъ матеріальныхъ издержекъ, покупались народныя власти, личныя выгоды которыхъ и должны были служить гарантіей обезвреживанія калмыковъ, ибо эти выгоды,

какъ безошибочно было рассчитано, побуждали привилегированное сословіе стремиться къ угнетенію народа, дабы тѣмъ лишить его возможности свободно заявлять о своихъ правахъ и желаніяхъ, идущихъ въ разрѣзъ съ требованіями нашей высшей администраціи.

Мы говоримъ о началѣ нашихъ отношеній къ прившедшимъ къ намъ калмыкамъ. Но и въ ту отдаленную пору (1630 г.) наши администраторы знали, что *права такъ называемого калмыцкаго привилегированнаго сословія*, котораго искали въ калмыцкомъ народѣ и котораго стремились создать и упрочить закономъ,—основывались не на юридическомъ прошломъ калмыцкаго народа и не на его бытовыхъ особенностяхъ,—а просто съ извѣстными цѣлями навязывались и прививались народу вопреки гражданскому его строю, созданному историческимъ прошлымъ. Права господъ надъ рабами въ существѣ дѣла не было потому самому, что не было и самого привилегированнаго сословія среди калмыковъ въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимали и понимаемъ. Извѣстно, что при устройствѣ родового быта еще не выработывается у народа понятіе объ аристократичности и верховности правъ той или другой фамиліи до порабощенія ей своихъ же сородичей и одноплеменниковъ включительно. Родоначальникъ считался главой рода, какъ отецъ въ семьѣ,—остальные же члены рода находились въ положеніи равноправныхъ родственниковъ и его, главы рода, и между собой.—Въ этомъ заключается вся несложная іерархическая лѣстница родового быта. Что всѣ въ извѣстномъ родѣ считаются между собой родственниками, о томъ ясно, между прочимъ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что у сибирскихъ бурятъ,—такого же народа по своей религіи, бытовымъ чертамъ и гражданскому устройству, какъ и калмыки,—родовичу нельзя жениться на дѣвушкѣ и вдовѣ одного съ нимъ рода, потому что послѣднія—его *родственницами*, а слѣдовательно, въ противномъ случаѣ, нарушалось бы понятіе о кровосмѣшеніи. Не нужно забывать и того, что у калмыковъ и до сихъ поръ нѣтъ еще прочно установившихся

родовыхъ фамилій, переходящихъ безъ измѣненія изъ рода въ родъ. Обыкновенно же *имя отца*, какъ главы семьи, *обра- щается въ фамилію сына, дочери и жены*; потомство сына носить уже фамилію не дѣда, а прозывается по имени отца и т. д. Короче говоря, имена отцовъ переходятъ въ фамиліи сыновей. Если же у калмыковъ и были родовичи съ *привилегированнымъ положеніемъ*, то они отнюдь не составляли отдѣльнаго сословія съ обособленными своими правами, дающими имъ преимущество предъ остальнымъ народомъ: привилегированностью положенія пользовались вообще старики, не запятанные пороками, мудрые житейскимъ опытомъ и являющіеся хранителями родовыхъ традицій и обычнаго права. Даже принадлежность къ старшей, прямой линіи въ общей семьѣ рода не давала членамъ ея власти, если самъ народъ не вручалъ имъ таковой путемъ добровольнаго общественнаго выбора на извѣстную должность. Только право главенства надъ родомъ незыблимо, безъ выбора народа, сохранялось за прямыми потомками родоначальника по старшей линіи.

Такимъ образомъ едва ли мы ошибемся, утверждая, что *привилегированное калмыцкое сословіе* съ правами господъ надъ рабами есть продуктъ нашего собственнаго искусственнаго, но не искуснаго созданія среди калмыцкаго народа, чуждаго самобытныхъ, юридически-опредѣленныхъ понятій о привилегированности положенія отдѣльныхъ лицъ, какъ мы то понимаемъ, да еще съ особенными правами въ ущербъ интересамъ остальныхъ родовичей. Очевидно, что творцамъ этого вреднаго для калмыковъ сословія не было никакого дѣла до того, что закрѣпощеніе народа ноёонамъ и зайсангамъ рѣшительно не согласовалось съ установившимся уже и временемъ, и традиціями, и обычнымъ правомъ понятіемъ калмыковъ о сословныхъ между собою отношеніяхъ, правахъ и привилегіяхъ. Не предвидѣли они и того, что впоследствии придется считаться съ этимъ сословіемъ, умѣрять его аппетитъ къ разхищенію народныхъ богатствъ, какъ то случилось въ 1871 году во время общей разверстки между калмыками земельныхъ

дать,—мало этого, въ концѣ концовъ заплатимъ имъ болѣе миллиона ¹⁾ рублей за „освобожденіе калмыковъ отъ обязательныхъ къ нимъ отношеній“ и заплатимъ изъ запасныхъ же средствъ народа!

Взглядъ устроителей калмыцкаго народнаго быта на значеніе нойоновъ и зайсанговъ быстро понялъ бытъ и усвоенъ послѣдними, какъ дѣло весьма выгодное для нихъ въ матеріальномъ отношеніи и удовлетворяющее стремленію къ власти. Зайсанги и нойоны воспользовались своимъ положеніемъ какъ нельзя лучше и успѣли окончательно закабалить совершенно вольный въ прошломъ и свободный калмыцкій народъ, вышедшій изъ Монголіи въ приволжскія степи именно потому, что не хотѣлъ подчиниться режиму, суживающему его свободу, и не вынесъ посягательства на свои права и вольность...

Монголія не знала и не знаетъ крѣпостнаго права и сопряженныхъ съ нимъ послѣдствій—продажи, мѣны, даренія людей, какъ какого нибудь скота. Если же на прежней родинѣ калмыковъ рабства ни въ какомъ видѣ не существовало, то, слѣдовательно, выходцы изъ Монголіи—калмыки,—занявъ наши приволжскія степи, не имѣли понятія о крѣпостной зависимости отъ своихъ рононачальниковъ и военачальниковъ. Пришли они къ намъ и вступили въ обладаніе приволжскими степями, какъ побѣдители жившихъ на ней мелкихъ, разрозненныхъ племенъ (эдисанцы, эдишкульцы и др.), входили даже въ договоры съ нашими князьями и крымскими ханами, долгое время управлялись своими законами, безъ всякаго вниманія въ нихъ дѣла представителей московскаго правительства—и только въ 1724 году, т. е. спустя почти столѣтіе со времени прихода калмыковъ, правительство наше рѣшилось, наконецъ, обратить свое активное вниманіе на безпокойное для сосѣдей самодержавіе *хамовъ* и начало неслабо

¹⁾ Имѣется въ виду выкупъ и астраханскихъ калмыковъ.

и нерѣшительно заботиться о томъ, чтобы ханы выбирались народомъ не безъ вѣдома нашей верховной власти. О несмѣлости и нерѣшительности нашей даже въ такомъ, сравнительно скромномъ, требованіи, какъ не безвѣдомый выборъ правителей, ясно свидѣтельствуетъ инструкція астраханскому губернатору, данная въ 1724 году, въ которой, между прочимъ, рекомендуется *„осторожно стараться, чтобы владѣльцы улусовъ не выбирали изъ среды своей хановъ, а просили бы о томъ Ею Императорское Величество“*.

Помимо общаго интереса вышеприведенной выдержки изъ наказа, для нашихъ цѣлей важно подчеркнуть въ немъ то, что въ то время, къ какому относится онъ—*„владѣльцевъ улуса“*, въ смыслѣ господъ надъ рабами, не было, ибо рабы не выбираютъ себя господъ, а были только военачальники, стоявшіе во главѣ извѣстнаго числа родовъ и имѣвшіе въ своихъ рукахъ право высшей гражданской власти надъ народомъ. По свидѣтельству калмыцкихъ лѣтописей, каждый родъ представлялъ изъ себя отдѣльный полкъ, со своимъ отдѣльнымъ знаменемъ и особеннымъ воинскимъ кличемъ, который и до сихъ поръ еще сохранился въ калмыцкихъ родахъ. Иначе говоря, весь вообще калмыцкій народъ, по своему внутреннему устройству, представлялъ изъ себя тѣсно сплоченную военную общину, какъ то было, между прочимъ, и въ нашей Малороссіи. Въ такой же общинѣ, разумѣется, не могло быть и рѣчи о рабствѣ между членами родовъ. Какъ относились калмыки къ иноплеменникамъ и обращали ли ихъ въ рабство—это вопросъ другой и мы не будемъ его касаться..

Такъ о своемъ прошломъ и до сихъ поръ говорятъ калмыцкій народъ, таковымъ оно, навѣрное, и было въ дѣйствительности. Имѣя же это въ виду, съ увѣренностью можно сказать, что если бы не наши администраторы конца семнадцатаго, всего восемнадцатаго и далѣе вѣка, то калмыки сами по себѣ едва ли додумались бы до созданія въ средѣ своей рабства, контингентъ котораго состоялъ бы изъ своихъ же родовичей,—какъ не додумались до того и ихъ сородичи-

монголы и сибирскіе буряты, оставшіеся чуждыми понятій о крѣпостной зависимости *хара ясу* (черной кости), т. е. всего народа, отъ *саганъ ясу* (бѣлой кости), т. е. родоначальниковъ. Къ тому же и гуманнѣйшее изъ философскихъ ученій, буддизмъ, составляющій религію калмыковъ, рѣшительно не допускалъ возможности отдавать людей въ рабство однимъ другимъ.

А если такъ, то вновь ставимъ вопросъ: что заставило нашихъ администраторовъ создать привилегированное сословіе среди калмыковъ и надѣлать его такими правами, привилегіями и властью, какой самъ народъ никогда не давалъ ему, и какая чужда была юридическимъ понятіямъ народа о правовыхъ и сословныхъ отношеніяхъ между собой? Затѣмъ— что заставило, создавъ это сословіе, привить и прочно насадить крѣпостное право среди калмыковъ и отдать ихъ въ рабство нойонамъ и зайсангамъ? Быть можетъ, къ этому побудили господствовавшіе въ то время тенденціозные взгляды вообще на сословныя отношенія? Намъ кажется, что это едва ли такъ и вотъ почему.

Живущіе на самой далекой нашей окраинѣ, именно въ Восточной Сибири и далѣе, подвластные намъ инородцы и между ними въ особенности *буряты* никогда, по крайней мѣрѣ легально, не закрѣпощались ни за своими правителями (тайшами, шуленгами, зайсангами), ни за кѣмъ либо другимъ. Напротивъ, правительство всегда и всѣми зависящими отъ него мѣрами усиленно боролось противъ попытокъ инородческой и русской денежной и чиновной аристократіи насадить крѣпостное рабство среди свободныхъ сибирскихъ инородцевъ. Попытки водворить въ Сибирь рабство, и попытки, по свидѣтельству изслѣдователей народной жизни сибиряковъ, Ядринцева, Пашкова, Вагина и другихъ, весьма настойчивыя— существовали, и много было охотниковъ, несмотря на строгость преслѣдованія (по закону и не всегда *de facto*), закрѣпощать за собой буряты и другихъ инородцевъ, даже была торговля ими, какъ рабами;—но все таки, благодаря отчасти на-

родному протесту, отчасти усиліямъ правительства поддержать народный протестъ противъ рабства, крѣпостничество не смогло пустить глубокихъ корней въ бытъ сибирскихъ инородцевъ и не привилось къ нимъ. De jure аборигены Сибири всегда оставались свободными, полноправными гражданами. Если же представители высшей власти, несмотря на свои симпатіи къ крѣпостническимъ тенденціямъ, во имя закона все таки защищали сибирскихъ инородцевъ отъ крѣпостной кабалы и отъ попытокъ привнести ее къ жизни кочевниковъ,—то ясно, что не господствовавшія въ ту эпоху понятія о крѣпостномъ правѣ лежали въ основѣ стремленій обратить калмыцкій народъ въ подневольныхъ рабовъ и закабалить ихъ цѣлымъ рядомъ распоряженій зайсангамъ и нойонамъ. Послѣднее противорѣчиво бы руководящему началу правительственныхъ отношеній къ правамъ и привилегіямъ бурятъ и другихъ инородцевъ Сибири. Не въ этомъ заключается искомая нами причина еще и потому, что администраціи извѣстно было, что калмыки—тѣ же буряты, съ такимъ же гражданскимъ строемъ жизни и съ такими же понятіями о сословныхъ между собой отношеніяхъ. Разница же въ географическомъ положеніи мѣста жительства тѣхъ и другихъ, разумѣется, играла самую незначительную роль въ дѣлѣ неодинаковости взглядовъ на устройство быта калмыковъ и бурятъ. Тѣмъ не менѣе, въ дальнѣйшемъ воздѣйствіи на бытъ и правовыя особенности калмыцкаго народа правители рѣшились допустить радикальную разницу между калмыками и ихъ кровными единоплеменниками—бурятами, оставивъ послѣднихъ свободными отъ рабства и закрѣпостивъ первыхъ ихъ нойонамъ и зайсангамъ и тѣмъ причинивъ, какъ показали послѣдствія, массу вреда дѣлу культурнаго развитія калмыковъ и экономическому ихъ благосостоянію. Вредная же по своимъ послѣдствіямъ эта ошибка юридически устранена была только въ 1892 году, т. е. когда всѣ дѣла по освобоженію народа отъ крѣпостной зависимости въ другихъ мѣстахъ давно уже сланы были въ архивъ и о нихъ остались одни лишь тяжелыя воспоминанія.

Не лишне замѣтить, что по отношенію къ калмыкамъ запоздавшее освобожденіе ихъ отъ крѣпостной зависимости оставило въ ихъ жизни болѣе глубокой слѣдъ, чѣмъ въ средѣ нашихъ крестьянъ,—ибо народъ доведенъ бывшими властелинами его до послѣдней степени извращенія и нищеты и обреченъ на вымираніе, самъ же оправиться не сможетъ. Полумѣры по отношенію къ улучшенію его быта оказываются вредными палліативами.—Бытъ калмыковъ требуетъ радикальнаго оздоровленія, иначе разложится и исчезнетъ; но, исчезая, заразитъ мѣстами и окрестную жизнь.

Для уясненія причинъ или, вѣрнѣе, поводовъ къ закрѣпощенію калмыковъ нойонамъ и зайсангамъ, равно и къ усиленію власти и значенія послѣднихъ необходимо вспомнить, хотя въ общихъ чертахъ, минувшія, и притомъ давно уже, отношенія кочевниковъ приволжскихъ степей (калмыковъ) къ ихъ сосѣдямъ.

Чтобы не повторяться, мы только въ кратцѣ напомнимъ ранѣе оказанное нами ¹⁾ — Будучи своевольнымъ, свободнымъ народомъ, къ тому же сильнымъ своимъ единствомъ, калмыки съ первыхъ же шаговъ вступленія въ предѣлы приволжскихъ степей начали дѣлать постоянные набѣги—не только на сосѣднія инопородческія племена, но даже и на русскія поселенія, не миновали и городовъ, грабили, жгли и уводили въ плѣнъ жителей,—почему и были грозой для всѣхъ. Власти (наши) оказывались безсильными усмирять хищныхъ кочевниковъ и такъ или иначе преслѣдовать ихъ. Занимаясь же хищничествомъ, калмыки, послѣ смерти хана Хо-Урлюкъ, уже не проявляли въ болѣе или менѣе рѣшительной формѣ своихъ завоевательныхъ наклонностей и ограничивались только хищничествомъ. Но вмѣстѣ съ этимъ калмыки являлись и бесполезнымъ народомъ, ибо въ извѣстной степени служили оплотомъ для Россіи отъ набѣговъ киргизской орды и, отчасти, обитателей Кавказскаго плоскогорья и равнинъ—

¹⁾ См. 2 главу настоящаго очерка.

именно кумыковъ и др. Этой, такъ сказать, даровой постовой службой калмыковъ при слабости нашихъ пограничныхъ силъ отчасти и объясняется снисходительность отношенія къ своеволю калмыцкаго народа. Это же своеволие порой (конецъ семнадцатаго и начало восемнадцатаго столѣтій) переходило границы терпѣнія,—но, повторяемъ, безсиліе наше мѣшало водворить желательный гражданскій порядокъ въ быту калмыцкой орды и держать ее „въ субординаціи“. Даже и въ началѣ настоящаго столѣтія мы все еще продолжали смотрѣть на „орду“, какъ на нѣчто грозное по своей силѣ и требующее *политичнаго* съ нимъ обращенія, почему и потворствовали притязаніямъ „*привилегированнаго ея сословія*“, надѣясь, что оно будетъ служить сдерживающимъ началомъ, и въ этомъ отношеніи доходили до крайняго предѣла уступчивости. Такъ, между прочимъ, повелѣніемъ императора Павла Перваго, состоявшимся 14 октября 1800 г., калмыкамъ предоставлялось: 1) зависть непосредственно отъ самого государя; 2) самостоятельно выбирать себѣ правителя; 3) переписываться непосредственно съ самимъ государемъ.... и многія другія весьма важныя права и привилегіи, коихъ не имѣли другія инородческія племена, находившіяся въ зависимости отъ нашей короны¹⁾, и пользуясь которыми, ноковы и зайсанги безпрепятственно смѣло и настойчиво усиливали свою власть и значеніе.

Не имѣя возможности силою смирить калмыковъ, ввести въ ихъ жизнь гражданскій порядокъ и защитить сосѣднее съ ними населеніе отъ грабежей, насилій и вообще отъ разбоя, администрація, дабы обезоружить орду, смирить ея дикое своеволие и приручить, приняла за руководящее начало *особаго рода мирную систему*, въ основу которой и было положено постепенное порабощеніе народа путемъ созданія такого гражданского строя и такихъ сословныхъ отношеній, ставши въ которыхъ, калмыки должны были или по-

¹⁾ См. Полное Собраніе Законовъ. Т. XXIV. 1800 г.

глотить другъ друга въ междоусобной борьбѣ за свои традиціи, свободу и обычное право, или же рабски подчиниться поддерживаемымъ извнѣ единицамъ изъ своей же среды, надѣть ихъ ярмо и тѣмъ на вѣки предать забвенію свою волю, права и переустроить свой бытъ.

Самой лучшей мѣрой воздѣйствія на массу было признано закрѣпощеніе „калмыковъ простолюдиновъ“ и затѣмъ неуклонное поддерживаніе силой правъ привилегированнаго сословія на крѣпостное владѣніе отданными въ рабство. Средства же, и самыя вѣрныя, къ исполненію такого плана воздѣйствій на орду были подъ рукой—именно подмѣченная у нойоновъ и зайсанговъ страсть къ власти и угнетенію народа и позволенія пользоваться его богатствами. Потворствомъ этой страсти и разными побрякками и были кумасы нойоны и зайсанги за счетъ свободы и правъ ихъ народа. Придерживаясь такой системы усмиренія калмыковъ, нужно было только усиливать власть и значеніе среди калмыковъ нойоновъ и зайсанговъ, сдѣлать ихъ привилегированнымъ въ нашемъ смыслѣ сословіемъ съ правами на крѣпостныя владѣнія,—народъ же низвести на степень рабовъ: Система эта оказалась вполне пригодной. Какъ рассчитывали, такъ и случилось. Калмыки не самоуничтожились, а постепенно обратились въ жалкихъ рабовъ и въ этомъ состояніи дошли, наконецъ, до полнаго извращенія, саморазложились и сдѣлались отребьемъ челоуѣчества, безусловно послушнымъ волѣ своихъ нойоновъ и зайсанговъ. Эти же послѣдніе, построивъ свое социально-экономическое благополучное положеніе на рабствѣ народа, сумѣли и смогли быстро выдѣлиться изъ его среды,—но за то, въ свою очередь, сдѣлались послушнымъ орудіемъ въ рукахъ другихъ. Власть, сила и обезпеченіе въ сохраненіи ея явились на столько хорошей приманкой, что нойоны пренебрегли интересами своего народа и со своей стороны употребили все, что только было въ ихъ распоряженіи для закрѣпощенія народа, закрѣпощенія, столь выгоднаго для ихъ интересовъ.

Съ цѣлью привлеченія народныхъ властей на свою сто-

ропу издавались указы, предоставлявшие всяческія льготы „привилегированному сословію“ калмыковъ въ прямой ущербъ послѣднимъ, причемъ дарованіе льготъ облекалось въ форму награды „за усердіе и преданность“ и дѣлались намеки на еще большее, если „наградимые“ источникъ своего благополучія будутъ видѣть въ дающихъ и отличающихъ ихъ вѣрность, усердіе и преданность. Наряду съ этимъ простолюдны систематически послѣдовательно обезличивались и шагъ за шагомъ теряли свои права, отдаваемый же въ рабство народъ нѣкъмъ не защищался отъ притѣсненій ноёоновъ и зайсанговъ и только, какъ бы для успокоенія совѣсти, вмѣнялось въ обязанность астраханской администраціи „осторожно присматривать, дабы они, т. е. ноёоны и зайсаны, не слишкомъ разоряли своихъ работъ“¹⁾).

Но и этимъ дѣло не ограничилось. Закабаленіе калмыковъ однимъ только ноёонамъ и зайсангамъ оказалось недостаточнымъ. Это видно изъ того, что высшимъ распоряженіемъ, изданнымъ 16 ноября 1737 года, перевернувшимъ въ калмыцкомъ народномъ быту все вверхъ дномъ и отзавшимъ калмыковъ на полный произволъ разнуданнаго своеволія силы и власти, дозволено было всѣмъ русскимъ сословіямъ, имѣвшимъ на то право, *покупать калмыковъ, крестить ихъ и держать даже безъ платы за нихъ подушной подати.*

Естественно, что такимъ распоряженіемъ, окончательно обезправившимъ народъ, въ сильной степени поощрялось стремленіе пріобрѣтать калмыковъ, какъ ничего не стоящихъ работъ, ибо они, какъ крѣпостные, несомнѣнно выгоднѣе были крестьянъ изъ русскихъ, за которыхъ, помимо расходовъ по куплѣ, нужно было вносить еще подати въ казну, и давать рекрутовъ, калмыки же являлись вполне даровыми рабами. Крещеніе ихъ было только благовиднымъ предлогомъ, за которымъ и скрывалась настоящая цѣль, именно, чтобы калмыки, какъ отдѣльная „нація“, перестали существовать.

¹⁾ См. Пол. Собр. Зак. Т. XII-й.

Иначе нельзя объяснить цѣлый рядъ мѣръ, предоставлявшихъ право обращать калмыковъ въ рабство не только нойонамъ и зайсангамъ, но и каждому насильно захватившему калмыка удерживать его у себя въ качествѣ неотъемлемого раба, съ тѣмъ лишь, совершенно ничего не значащимъ, ограниченіемъ произвола, чтобы захваченный непременно былъ окрещенъ, иначе говори, совершенно отторгнуть отъ своего народа.

А такъ какъ при такомъ самовольномъ захватѣ и порабощеніи калмыковъ неизбежно должны были случаться непрерывныя побѣги, то въ огражденіе, не народа, а захватывающихъ его порабощителей повелѣно было калмыковъ, которые приходять и просятъ на волю безъ письменнаго вида отъ помѣщиковъ, за самовольство наказывать батогами и отдавать тѣмъ же помѣщикамъ, отъ которыхъ они ушли; ибо по указу 1737 г. калмыкамъ повелѣно было считаться неотъемлемыми рабами тѣхъ, кто объявилъ, что они принадлежатъ ему, почему они и стали яко иль крѣпостные¹⁾. Вотъ какъ просто было закабалить калмыковъ! Стоило только заявить, что такой то—мой крѣпостной, хотя бы, въ существѣ дѣла, онъ не былъ таковымъ,—и дѣло съ концомъ; если такой рабъ протестовалъ, то его били батогами и отдавали тому, кто его арканомъ притащилъ изъ его родной кибитки и оторвалъ отъ семьи, операясь не на право, а исключительно на произволъ и ловкость въ дѣлѣ захвата добычи.

Упомянутые мной два указа дали поводъ къ громаднѣйшимъ злоупотребленіямъ. Торговля калмыками начала открыто производиться на рынкахъ ближайшихъ къ калмыцкой степи городовъ и селеній; люди продавались иногда за самую ничтожную цѣну. Калмыцкіе зайсанги и нойоны воровали и отбирали другъ у друга цѣлыя семьи для продажи. Процедура закрѣпощенія была самая несложная. Духовенство обыкновенно представляло „промеморію“, что такіе то и такіе то калмыки окрещены, а губернская или воеводская канце-

¹⁾ Пол. С. З. Т. X-А. 1737 г. и Т. XII-А. 1744 г.

лярія выдавала отписъ, что они поступаютъ въ холопы къ такому то—и конецъ дѣлу. Въ случаѣ же жалобы, недовольныхъ были батогами.

Крестили, разумѣется, насильно, чѣмъ и обратили религію въ слѣпое орудіе разыгравшихся страстей въ погонѣ за обращеніемъ калмыковъ въ рабство. Легко представить себѣ тѣ вопіющія злоупотребленія, какія безнаказанно царяли въ калмыцкихъ степяхъ благодаря созданію привилегированнаго сословія и закрѣпощенію простолюдиновъ. Жадными къ легкой наживѣ и творцами беззаконій оказались въ одинаковой степени и духовенство, торговавшее религіей, и гражданскія власти, продававшія законъ и право. Что же тутъ удивительнаго, что у калмыцкаго народа глубоко залегло, выражаясь слержанно, нерасположеніе къ намъ, въ особенности же къ чиновничеству, нерасположеніе, отъ котораго они не отрѣшились и теперь. почему пугливо и относятся ко всякому нововведенію, рефлексивно вспоминая прошлое... Отсюда же понятна и причина, почему реформаторы калмыцкаго народнаго быта должны быть крайне осторожны въ дѣлѣ практическаго примѣненія своихъ „проектныхъ положеній“, если только реорганизаторы желаютъ добра сбитымъ съ толку калмыкамъ. желаютъ поднять ихъ экономическое положеніе и упорядочить ихъ бытъ.

По словамъ бывшаго главнымъ попечителемъ калмыцкаго народа г. Костенкова, правами закрѣпощенія калмыковъ легально и нелегально пользовались всѣ. имѣвшіе къ тому хотя малѣйшую охоту и возможность, особенно же лица, стоявшія во главѣ управленія Астраханской губерніей. Такъ, астраханскій губернаторъ Ник. Ав. Бекетовъ населялъ свои имѣнія калмыками, рыбопромышленники закрѣпощали ихъ за недоловъ рыбы и другіе долги... Мало этого—легкость закрѣпощенія калмыковъ, и дешевизна ихъ, какъ извѣстно, создала даже моду имѣть калмыка или калмычку въ каждомъ богатомъ и небогатомъ нашемъ помѣщичьемъ домѣ.... Словомъ, купля, продажа, захватъ и въ результатѣ закрѣпощеніе кал-

мыковъ производились въ обширныхъ размѣрахъ и такъ открыто — нагло, что правительство вынуждено было наконецъ обратить вниманіе на возмутительнѣйшія безобразія въ отношеніяхъ къ калмыцкому народу и принять мѣры, если не къ уничтоженію злоупотребленій, что было не по силамъ, то, по крайней мѣрѣ, къ ограниченію ихъ. Въ этомъ направленіи сдѣлано было: 1) указомъ 1808 года отменялись всѣ ранѣ существовавшія законоположенія о закрѣпощеніи калмыковъ на вѣки, взамѣнъ же назначались сроки обязательнаго служенія калмыковъ тѣмъ лицамъ, кои ранѣ приобрѣли ихъ или путемъ мѣны, захвата, или же путемъ дара и покупки, 2) указомъ 1819 года ограничены права собственниковъ на купленныхъ ими калмыковъ двадцатипятилѣтнимъ возрастомъ послѣднихъ; калмыки моложе этихъ лѣтъ должны были получить свободу, и 3) въ 1825 году послѣдовало совершенное запрещеніе пролажи, захвата и дара калмыковъ¹⁾. Во всемъ же остальномъ калмыки оставались въ полной кабалѣ у своихъ нойоновъ и зайсанговъ.

Итакъ изъ прошлаго, на основаніи однихъ только официальныхъ документовъ, ясно видно, что, потворствуя русскимъ помѣщикамъ, купцамъ, духовенству, администраціи и другимъ лицамъ въ дѣлѣ приобретенія калмыковъ безъ разбора способовъ на то, — правительство, точно умышленно, закрывало глаза на все то, что нойоны и зайсанги, — да и не одни они, — продѣлывали съ народомъ, отданнымъ подъ ихъ власть и опеку. Этимъ, между прочимъ, вполне объясняется тотъ историческій, весьма важный въ жизни калмыковъ, фактъ, который отмѣченъ въ нашей исторіи *возмущеніемъ калмыковъ и бѣгствомъ ихъ въ Монголію въ 1771 году*. Лучшій изъ калмыцкихъ владѣльцевъ — *Убуши* — вошелъ въ интересы народа и подъ своимъ предводительствомъ успѣлъ вывести изъ приволжскихъ степей большую часть калмыковъ въ мѣста прежней ихъ родины, гдѣ они мирно живутъ и до сихъ поръ,

¹⁾ Полн. Собр. Зак.

оставшись, какъ то намъ извѣстно, и нравственнѣе и обезпеченнѣе—словомъ лучше во всѣхъ отношеніяхъ нашихъ калмыковъ. Но 1771 годъ, благодаря уходу *Убуши*, былъ роковымъ для оставшихся калмыковъ. Власти наши, понявъ, что оставшаяся часть орды, по своей малочисленности, уже не способна активно защищать свои традиціонныя права, личную свободу и юридическіе обычаи, оковчательно бросило политику заигрыванія и поблажекъ путемъ потворства разнузданнымъ страстямъ народныхъ вожаковъ и начало систематически вводить крѣпостное право среди оставшихся кочевниковъ. Цѣлымъ рядомъ распоряженій они закрѣпошались за *нойонами* и эти послѣдніе, какъ того не было ранѣе, начали именоваться „*князьями—владѣльцами улуса*“, причѣмъ до 1825 года подтверждено было, что *нойоны*, какъ владѣльцы, могутъ и имѣютъ право продавать и дарить калмыковъ. Былъ даже такой курьезъ, что буддистъ *нойонъ* подарилъ православному архіерею цѣлый калмыцкій родъ.

Такимъ образомъ, изъ всего ранѣе сказаннаго ясно, что титулъ: „*владѣлецъ улуса*“, а тѣмъ болѣе „*князь*“, не есть обозначеніе или выраженіе исторически сложившейся на чисто народной почвѣ власти и правъ *нойона* на подвластный ему народъ. Напротивъ—титулъ этотъ, воплощая въ себѣ чуждыя понятія народа, права и власть, присвоенъ *нойонамъ* русскимъ правительствомъ, и посмищивъ его, вопреки народнымъ взглядамъ на сословныя отношенія, присвоились права помещиковъ надъ своими крестьянами и кромѣ того самовластный судъ надъ ними. Со своей стороны сами *нойоны*, уже произвольно, расширили понятіе о важности своего титула и соединенныхъ съ нимъ правъ и пристегнули къ нему широкое значеніе и права „*владѣльческихъ князей*“, что исподоволь и старались внушить подвластному имъ народу и окружающимъ, въ чемъ и успѣли. Владѣльческими князьями начали именовать *нойоновъ* не только калмыки, но и русскіе, не только простонародье, но и чиновный людъ, и не въ прошломъ, а даже и по настоящее время. Письмоводитель Улуснаго Упра-

вления при нѣ разъ слѣлалъ надпись на конвертѣ, адресованномъ одной изъ калмыцкихъ вѣионшъ: „Ея Высочеству“. Бывшій же владѣлецъ улуса и теперь позволяетъ именовать себя: „князь, ваше сіятельство“, тогда какъ по точному въ „Положеніи 1847 г. объ управленіи калмыцкимъ народомъ“ обозначенію правъ по происхожденію—*нойонъ* только „*приноровленъ*“ къ дворянамъ, *зайсанъ* же къ потомственнымъ почетнымъ гражданамъ.

Все—(о чемъ мы говорили въ этой главѣ)—вѣстѣ взятое, естественно, должно было привести громадное, трудно теперь поправимое, зло въ жизнь калмыковъ и дальнѣйшее устройство ея. Правительство какъ бы съ особенною заботливостію давало вѣионамъ—владѣльцамъ улусовъ и зайсангамъ—владѣльцамъ родовъ все, что только они могли желать. Оно не только закрѣпостило за ними калмыцкій народъ, но и отдало въ ихъ руки почти безконтрольное право суда и расправы надъ нимъ,—и притомъ исключительное право, въ силу котораго калмыки не смѣли обращаться со своими тяжбыми дѣлами¹⁾ къ русскимъ властямъ; закономъ строго воспрещалось администраціи принимать жалобы отъ калмыковъ и самолично входить въ разбирательства ихъ. Последнее допускалось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда калмыкъ имѣлъ дѣло съ русскими или обратно. А это много значило. Народъ, не только калмыцкій, но и русскій, поочію убѣждался, что вѣионъ есть лицо обособленное, въ рукахъ котораго сосредоточена серьезная и могучая власть и сила, что онъ есть вершитель судьбы своего народа, что онъ не только судить его и расправляется имъ по своему произволу, но и собираетъ съ него дань,—не въ пользу казны, а въ свою собственную; что ему нѣтъ нужды справляться съ существующими общегосударственными законами, что онъ вполне независимъ отъ народа и потомствененъ въ своихъ правахъ. Зная все это, калмыцкій народъ, всецѣло подчиненный вѣиону, трепеталъ его и раб-

¹⁾ Полн. Св. Зак. Т. X.

скую подчиненность свою простиралъ до того, что падалъ ницъ при встрѣчѣ съ нимъ. Нойонъ могъ убить калмыка, застѣчь его, истязать какъ угодно, отобрать имущество, вдвое и болѣе противъ нормы собрать албанъ—и жаловаться на него никто не смѣлъ, если не желалъ себѣ и семьѣ своей окончательной погябели. Достаточно было нойону обратить свое благосклонное вниманіе на что нибудь—и будь то самая завѣтная какая нибудь вещь или же что либо дорого стоящее—оно сейчасъ же дѣлалось собственностью нойона; въ послѣднемъ не смѣли отказать ему даже русскіе, имѣющіе какое либо дѣло съ калмыками. Въ то время, когда къ распоряженіямъ администраціи всѣ относились кое какъ, слова нойона и всѣ его распоряженія и приказанія были въ глазахъ народа закономъ.

Значеніе нойоновъ среди калмыковъ и власть ихъ была громадна и являлись гораздо дѣйствительнѣе власти и силы бывшихъ нашихъ помѣщиковъ надъ своими крѣпостными; и это потому, что въ рукахъ нойоновъ сосредоточивалась—не только экономическая зависимость народа, но и право суда надъ нимъ. О быломъ значеніи нойоновъ можно судить еще и по тому, между прочимъ, что даже и въ настоящее время, послѣ изданія закона 15 марта 1892 года, войоны не потеряли своего обаянія въ народѣ и значенія среди него. Калмыки пока еще не одумались, не пришли въ себя и продолжаютъ быть рабами нойона и нѣкоторыхъ зайсанговъ и верѣдко добровольно идутъ къ нимъ на судъ.

Судились калмыки, какъ уже говорилось, у своихъ нойоновъ и зайсанговъ и судились безапелляціонно. Судъ этотъ извѣстенъ подъ именемъ *Зарго* и въ прежнюю пору, пока его не оформляли, онъ былъ чисто народнымъ, гласнымъ и открытымъ. Затѣмъ, благодаря намъ, судъ зарго сосредоточенъ былъ въ рукахъ нойона и зайсанговъ и только изданнымъ въ 1847 году положеніемъ объ управленіи калмыцкимъ народомъ въ составъ суда зарго введенъ былъ въ качествѣ члена попечитель улуса и его помощникъ, что въ

прочемъ долго оставалось одной только формальностью, во первыхъ потому, что разбирательство дѣлъ въ судѣ зарго происходило всегда на калмыцкомъ языкѣ, котораго не знали русскіе чиновники, переводчики же и толмачи, по волѣ нойоновъ, перевирали показанія сторонъ, если то нужно было поймамъ; во вторыхъ, сами попечители улуса и ихъ помощники, хотя de jure считались самостоятельными полицейскими чиновниками и не были подчинены нойонамъ, но de facto находились въ полной зависимости отъ нихъ, боялись ихъ, а слѣдовательно и не рѣшались перечить имъ; напротивъ, позорно потворствовали поймамъ и заискивали ихъ милостей, дабы не лишиться въ противномъ случаѣ своихъ мѣстъ, къ слову сказать, весьма и весьма доходныхъ. А въ третьихъ, и самое главное, то, что калмыки, находясь въ ежовыхъ рукахъ вицеахъ зайсанговъ и нойоновъ, почти всегда ограничивались ихъ личнымъ судомъ и боялись переносить свои дѣла въ *Зарго*; къ попечителямъ же улусовъ и вовсе не обращались съ жалобами.

Думается, что послѣ всего сказаннаго излишне распространяться объ отношеніяхъ нойоновъ къ калмыкамъ. Скажемъ только, что неразвитые, грубые, самолюбивые, завистливые нойоны,—а таковыми они были почти всѣ,—только угнетали калмыковъ, выжимали изъ нихъ соки, разоряли, прокучивали громадныя суммы и вновь для той же цѣли собирали ихъ съ народа. Обладая же большими прерогативами власти, пользуясь безусловнымъ вліяніемъ на народъ, имѣя въ своемъ распоряженіи громадныя матеріальныя средства, они рѣшительно никакой стороны своей дѣятельности не входили въ интересы калмыковъ, не обращали вниманія на улучшеніе ихъ экономическаго положенія и не удерживали, а наталкивали на грабежи и разбои, ибо и изъ этого извлекали свои выгоды—словомъ, кромѣ существеннаго вреда во всѣхъ отношеніяхъ, они ничего не привнесли въ бытъ народа и ничѣмъ добрымъ не заплатили за тѣ богатства, кои обильно черпали

не только изъ его недостатковъ, но даже и изъ вичеты. Не было той жестокости, какой нойоны не практиковали бы надъ калмыками; не было того произвола, какого не проявляли бы они въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ. Одинъ нойонъ не зналъ покоя до тѣхъ поръ, пока не замучивалъ кого либо до смерти.... и такъ изо дня въ день; другой, безъ всякаго на то права, подарилъ архіерею около сотни калмыцкихъ семействъ, причемъ не позаботился указать калмыкамъ мѣсто для поселеній и закрѣпить за ними таковое, благодаря чему потомки этихъ бѣднягъ и теперъ еще скитаются по Терской области, не имѣя правъ ни на одну пядь земли. Еще въ восьмидесятыхъ годахъ можно было видѣть картины дикаго произвола нойоновъ. Такъ, одинъ изъ нихъ, допытываясь, кто изъ калмыковъ ограбилъ его пріятеля русскаго, заподозрѣнныхъ посадилъ на ворота и поставилъ караульщикомъ для наблюденія за тѣмъ, чтобы пытаемые не слѣзли съ воротъ. Слишкомъ свѣжи еще случаи, когда нойоны застѣкали до полусмерти.... да мало ли что было! Слишкомъ тяжелая и грустная вышла бы картина всѣхъ тѣхъ жестокостей и несправедливостей нойоновъ, кои они позволяли себѣ въ своихъ отношеніяхъ къ калмыцкому народу, ихъ дикаго, подчасъ чисто звѣрскаго, не знавшаго удержа произвола надъ нимъ. И забитый, придавленный народъ терпѣливо все сносилъ. Жаловаться было некуда и некому, ибо все инородческое управленіе было тѣсно сплочено общностью интересовъ, строило все свое благосостояніе на инородческихъ „недоразумѣніяхъ“ и не въ его дѣлахъ и задачахъ было выносить соръ изъ избы.

Понятно, что при такихъ самовластныхъ и самовольныхъ отношеніяхъ нойоновъ къ калмыкамъ народъ неизбежно долженъ былъ дойти до современнаго намъ своего состоянія, т. е. до поглощенія рабомъ человѣка, и какъ рабъ, онъ хитрый, лукавый, исподличавшійся народъ. Качества эти были и остаются пока единственнымъ болѣе или менѣе дѣйствительными орудіями калмыковъ для борьбы со всякаго рода притѣсненіями, гнетомъ и несправедливостями, и, какъ таковыя, эти качества и

должны были развиться среди народа до отвратительных разрывов и явиться преобладающими въ его наклонностяхъ.

Не менѣе вредно и несомнѣнно губительно отразилась власть и права воевоновъ и на экономическомъ бытѣ калмыковъ, особенно съ 1871 года, т. е. послѣ окончанія разверстки земли между всѣми родами Больше-Дербетскаго улуса. Почему это случилось именно съ 1871 года, мы объяснимъ, когда будемъ говорить о способахъ пользованія калмыками землей. Здѣсь же ограничимся только замѣчаніемъ, что совершенно неосновательно обвиняютъ больше-дербетцевъ въ прирожденной неспособности къ труду, въ осѣдлой жизни, земледѣльческой культурѣ, въ лѣни и въ дѣйствительно существующемъ неумѣнн выйдти изъ своего нищенскаго состоянія. Во всемъ этомъ, въ особенности же въ обнищаніи, всецѣло слѣдуетъ винить воевоновъ—они—и только они при помощи инородческаго управленія довели калмыковъ до справедливыхъ укоровъ въ нищетѣ, деморализации, неспособности къ инициативѣ. ... Только воевоны со своими чиновными приспѣшниками виновны въ томъ, что калмыцкій народъ, по природѣ очень способный къ развитію, сильный, энергичный,—пелоросипи, захирѣлъ, страдаетъ малярией и обреченъ на вымирание; живо же—его преслѣдуютъ вездѣ позоръ и презрѣніе и даже самое названіе его—„калмыкъ“—обратилось среди русскаго населенія въ нѣчто ругательное; обзывать кого либо „калмыкомъ“ равносильно оскорбительному обвиненію въ лукавствѣ, хитрости и безчестіи.....

Кромѣ воевоновъ, бичемъ для калмыковъ служили еще и зайсанги.

Мы уже знаемъ, что значеніе зайсанговъ и власть ихъ простиралась только на одинъ родъ, къ которому они принадлежали по своему рожденію; во главѣ этого рода они стояли, какъ правители имъ и въ этой роли всегда были вѣрными, точными исполнителями воли воевоновъ и шли съ ними рука объ руку, какъ вспомогательная сила, по пути угнетенія народа и избранія его.

Будучи *въ родѣ* своимъ полновластными хозяевами, совмѣщая въ лицѣ своемъ низшую судебную инстанцію и административно-исполнительную власть, зайсанги, каждый въ кругу своей дѣятельности, являлись для своихъ сородичей тѣми же нойонами въ миниатюрѣ, чѣмъ и увеличивали тяготу родовичей. Не будемъ говорить объ отдаленномъ прошломъ, оно слишкомъ мрачно: да и вообще,—зачѣмъ заглядывать въ него, когда въ 1890 году мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ, какъ одинъ изъ зайсанговъ, нынѣ умершій Гаврило Малзаевъ, будучи пьянымъ, нагайкой разогналъ калмыковъ, собравшихся близь хурула (церкви) для молитвы и религіознаго торжества. Что же касается истязаній, безнаказаннаго обирания бѣдныхъ и богатыхъ включительно до отниманія послѣдней овцы у бѣдняка, то на безобразнѣйшіе въ этомъ направленіи факты можно было паталкиваться на каждомъ шагѣ. Умершій въ 1892 году зайсангъ Гаврило Малзаевъ въ полномъ смыслѣ слова разорилъ свой Икнчунусовъ родъ, владѣющій болѣе чѣмъ шестьюдесятью тысячами десятинъ земли. Онъ вовлекъ родовичей въ неоплатные долги и довелъ ихъ до полной нищеты, несмотря на то, что икнчунусцы ежегодно получали около десяти тысячъ рублей за аренду своей земли.

Малзаевъ былъ одинокимъ и всѣ деньги народа ушли на пьянство, развратъ и карты.... Короче говоря, не было того безобразія, котораго зайсанги, глядя на своихъ патროновъ—нойоновъ, не продѣлывали бы надъ рабски поворнымъ имъ народомъ. Только въ послѣднее время одинъ изъ зайсанговъ, вмѣстѣ со своимъ племянникомъ, благодаря личнымъ своимъ качествамъ и уму, дѣйствительно желалъ добра народу, сплился объосѣдлать своихъ родовичей, развить у нихъ охоту къ труду и земледѣлію, для чего и „купилъ для общества“ плуги, быковъ и все, что нужно для пахаря. Мы говоримъ о Бадмѣ Лапиновичѣ Опогиновѣ. Но, по пословицѣ, одинъ въ полѣ не воинъ и ему трудно было бороться съ общимъ индифферентизмомъ къ дѣлу заботъ о поднятіи экономическаго благосостоянія нищенствующихъ калмыковъ.

Кромѣ Опогннова и Тер-Менке, остальные зайсанги отличались полнымъ невѣжествомъ и только разоряли народъ. Черезъ всю исторію отношеній зайсанговъ къ своему народу рѣзкой чертой проходитъ крайнее своеволие, презрѣніе народныхъ правъ и нравственный и экономическій гнетъ со всѣми его послѣдствіями.

Зайсанги, также какъ и войоны, имѣли право собирать съ калмыковъ въ свою пользу албанъ, кажется, по сорока семи копѣекъ въ годъ съ явбита, но эти *копѣйки* были каплей въ морѣ сравнительно съ тѣмъ, что самовольно и открыто бралось и собиралось съ народа. И тѣмъ не менѣе калмыки, доведенные своими зайсангами до послѣдняго предѣла терпѣнія, только между собой, скрытно, шопотомъ позволяли себѣ роптать на своихъ притѣснителей; окончательно же выведенные изъ терпѣнія „*смѣльчаки*“ со страхомъ и осторожно приносили жалобы, но не русскимъ властямъ, а тому же войону, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ или другой зайсангъ не пользовался особеннымъ расположеніемъ войоны. Въ большинствѣ же случаевъ терпѣливо сносились всѣ хищенія, неправды, гнетъ и обиды. Калмыки не могли пользоваться даже и тѣми жалкими обрывками правъ, кои предоставлялись имъ „*Положеніемъ 1847 года*“. Такъ, этимъ положеніемъ давалось народу право общественныхъ сходокъ для обсужденія своихъ дѣлъ и нуждъ и постановленія приговоровъ по нимъ. Но право это въ дѣйствительности было чистой фикціей. Давленіе зайсанговъ на „*выборныхъ отъ родовичей*“ (по одному изъ пяти кибитокъ) было настолько сильно, что каждый общественный приговоръ составлялся—не о томъ, что нужно было народу и чего онъ желалъ, а о томъ, что угодно и выгодно было зайсангу, выборные же только „къ сему руки прикладывали“ и молча расходились, иногда положительно не вѣдая, къ чему они ихъ приложили. Все это дѣлалось настолько открыто, что не составляло секрета для главныхъ приставовъ—этои высшей мѣстной инстанціи калмыцкаго управленія. Слова нѣтъ, что „*Положеніемъ 1847 года*“, дѣйствующимъ и понынѣ, ро-

довым сходки обставлены весьма заботливо и заботливость о нихъ простирается даже до того, что вслѣдъ за разрѣшеніемъ сходки, дабы составленіе приговоровъ было осмысленно, таковая не можетъ состояться ранѣе четырнадцати дней, въ теченіи которыхъ всѣ родовичи должны достаточно ясно обсудить свои нужды и предрѣшить возможность и способы удовлетворенія ихъ, но такая предупредительная заботливость оставалась мертвой буквой. Время, данное закопомъ на облумываніе народомъ того, о чемъ будетъ разсуждаться на сходкѣ, дабы выборные могли быть дѣйствительными выразителями уполномочившихъ ихъ на то родовичей, пропадало совершенно даромъ.—Не народъ „думалъ“ на сходкахъ, а зайсанги,—думы же народа оставались при немъ и ложились тяжелымъ гнетомъ на его душѣ, придавленной суровой дѣйствительностію.

Составленіе приговоровъ по волѣ зайсанговъ, а не по желанію народа, имѣло вредныя послѣдствія, между прочимъ и въ томъ отношеніи, что они въ важныхъ случаяхъ, особенно при отдачѣ земель въ арендное содержаніе, почти всегда были подложными; администраціи и до сихъ поръ еще приходится провозводить дознанія о „подлинности“ ихъ и убѣждаться, что „рукоприкладство учинено“ то мертвыми, то безъ вѣсти пропавшими, то просто не существующими калмыками. Случалось и такъ, что послѣ смерти зайсанга, при опросѣ родовичей—дѣйствительно ли составлялся по ихъ желанію извѣстный приговоръ,—оказывалось, что о немъ они „и знать не знали и вѣдать не вѣдали“, что фактически и доказывалось. А такъ какъ мертвые граму не имутъ, получать же съ нихъ, по поговоркѣ, на томъ свѣтѣ угольками никто не хотѣлъ, то и приходилось живымъ родовичамъ переносить на себѣ всѣ послѣдствія улусно-полицейскихъ волокъ и платить „пострадавшимъ“ отъ признанія приговора подложнымъ „протора и убытки“.

Бывали и такіе случаи, что „привилегированное сословіе“ беззащитливо собирало деньги съ калмыковъ будто бы

на расходы по ходатайствамъ о „возстановленіи правъ калмыцкаго народа, сохраненіи его обычаевъ и религіи“. Дѣйствительно, „сословіе“ это не разъ возбуждало „холодята“, „уполномоченные“ отъ него ѣздили даже въ Петербургъ,—и не разъ,—съ „суммами“..... но ходатайствовали тамъ отнюдь не за народъ и его права, а дѣлали всяческія потуги, за счетъ народа же, *оттянуть время распоряженія объ освобожденіи простолюдиновъ отъ обязательнаго отношенія къ нимъ*, иначе говоря—за деньги же народа „хлопотали“, чтобы рабская петля подольше затягивала его шею, къ чему, надо правду сказать, почему то и успѣвали, о чемъ можно судить по тому, что простой въ существѣ дѣла вопросъ объ освобожденіи калмыковъ отъ войоновъ и зайсанговъ танулся десятки лѣтъ и рѣшился наконецъ только въ 1892 году.

Поѣздки въ Петербургъ особенно часты были въ послѣднее время и много на нихъ истрчено народныхъ денегъ для его же вреда, но, къ счастью, напрасно. Народъ же не переставалъ вѣрить—и. вѣря, давать,—что „привилегированное сословіе“ ходатайствуетъ о „возвращеніи“ тѣхъ правъ, коими калмыки пользовались „изстаръ“, почему и не было ропота за поборы.

Такому, скромно выражаясь, нескрепичему отношенію привилегированнаго сословія къ калмыкамъ много способствовало и калмыцкое духовенство.

Оно вмѣстѣ съ первымъ, въ лицѣ своихъ представителей, также страшилось предстоящихъ преобразованій въ управленіи калмыками и въ измѣненіи ихъ правъ и также силилось выѣхать на народной шотъ и укрыть личные свои интересы за его спиной.

Въ этихъ видахъ духовенство всѣми мѣрами старалось поддержать среди калмыковъ значеніе и власть привилегированнаго сословія. Въ этомъ былъ прямой для него расчетъ. Духовенство хорошо понимало, что вслѣдъ за уничтоженіемъ правъ и привилегій войоновъ и зайсанговъ и паденіемъ прерогативъ ихъ власти,—уничтожится и его исключительное положеніе, опиравшееся на престижъ власти войоновъ и зай-

санговъ и падеть обаявіе, о которомъ такъ они заботились, поддерживая другъ друга,—вслѣдъ за преобразованіемъ устои поколеблются, съ глазъ калмыковъ спадеть завѣса и они увидятъ, что не о нихъ печаловались, а о сохраненіи своего жирнаго куска.

Въ рукахъ же духовенства было могучес орудіе держать калмыковъ въ слѣпотѣ. Такимъ орудіемъ несомнѣнно служила, какъ и служатъ пока, религія—эта единственная опора народа, которой до самаго послѣдняго времени никто не колебалъ и за подрывъ которой калмыки начали опасаться только въ самое недавнее время, именно съ 1889 года, когда покойнымъ казанскимъ архіепископомъ Владиміромъ крещено было сразу около пятнадцати семействъ.

Извѣстно, что калмыки настолько глубоко уважаютъ представителей своего духовенства, послѣдніе пользуются такимъ непоколебимымъ авторитетомъ среди народа, слѣпо вѣрящаго въ ихъ непогрѣшимость, что этому духовенству рѣшительно не было никакой нужды измышлять еще новыя, положительныя противныя ученію Будды, религіозныя обряды съ цѣлью направить мысли калмыковъ въ желаемую сторону—именно воздѣйствовать на народъ въ смыслѣ необходимости но что бы то ни стало удержать существовавшее положеніе потомковъ „древнихъ“ народныхъ правителей и духовенства, убѣждать, что въ этомъ—единственное спасеніе, что народъ и религія погибнутъ, если такъ или иначе не будетъ защищенъ существующій порядокъ сословныхъ отношеній, установлеяный предками и освященный вѣками и религіей и что, поэтому, нужно усиленно молиться, молясь же, жертвовать на расходы по ходатайствамъ объ удержаніи старины.

Съ цѣлью поднятія народнаго духа въ этомъ направленіи и побужденія его къ жертвамъ на пользу привилегированнаго сословія, но отнюдь не самого народа (о чемъ умалчивалось) и вмѣстѣ съ тѣмъ съ цѣлью осѣлжить его религіозныя бредни (разумѣемъ массу суевѣрій, перемѣшав-

шихся съ буддизмомъ),—въ 1890 году высшимъ калмыцкимъ духовенствомъ придумано было особое всепародное религиозное торжество, съ поразительной для калмыковъ обстановкой богослуженія. Въ виду значенія въ калмыцкой жизни этого праздника, мы опишемъ его съ необходимыми подробностями.

Предварительно купленъ былъ „небъжалый“ буланой масти (эту масть любить божество) конь, и молодой, „не бывшій подъ челоуѣкомъ,“ верблюдъ. Покупались эти животныя духовенствомъ по указанію „Зурухайчи“ (астрологовъ, хиромантовъ, вообще знатоковъ судебъ) и обошлись народу болѣе пяти сотъ рублей, т. е. какъ разъ вдвое, если не болѣе, противъ дѣйствительной цѣны. Для лошади сдѣлано было сѣдло съ полнымъ приборомъ, богато украшенное чеканной работы золотомъ и серебромъ и усыпанное драгоценными камнями, богатая, шитая золотой и серебряной канителью попона, уздечка съ серебряной насѣчкой и рямни, тоже серебряными, бубенчиками и погремушками, и желтый чехолъ въ видѣ тѣхъ, какіе надѣваются на лошадей, выраженныхъ въ траурную погребальную колесницу. Для верблюда былъ купленъ дорогой персидскій коверъ и на выюкъ его кибитка. Загнѣмыли изъ драгоценныхъ металловъ бурхана (божество). Къ сожалѣнію, я не могъ узнать дѣйствительной суммы расходовъ на приобрѣтеніе всего нужнаго для торжества.

Снарядивъ все, что требовалось для праздника, лѣтомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть хурулы ¹⁾ (на-лпща), въ улусѣ устраивались никогда ранѣе небывалыя торжественныя процессіи при громадномъ стеченіи народа.

Внѣшняя сторона процессіи состояла въ слѣдующемъ. На осѣдланнаго и убраннаго коня утверждали бурхана и книжныя свитки; на верблюда, покрытаго ковромъ и тоже осѣдланнаго, навьючивали разобранную на составныя части кибитку, жилище бурхана, возгъ коня и верблюда становились

¹⁾ Хуруловъ въ улусѣ пять закономъ существующихъ и столько же «не-разрѣшенныхъ къ существованію».

стражники, одѣтые въ древніи колючуги, со шлемами на головахъ въ видѣ бычьей головы съ рогами и въ латахъ. Стражники держали въ рукахъ обнаженные старинные хорошо отточенные мечи и сабли. Рядомъ со стражниками стояли замаскированные галюны. Маски ихъ состояли изъ головъ разныхъ звѣрей, которымъ придана была уродливость и свирѣпое выраженіе. Во главѣ стражниковъ и масокъ былъ самъ бакша ¹⁾, окруженный многочисленнымъ духовенствомъ, а по бокамъ его хоругвеносцы и музыканты. Въ такомъ строѣ торжественно, при лѣвѣи речитативномъ молитвъ на тибетскомъ языкѣ ²⁾, финалъ которыхъ сопровождался трубными звуками, гуломъ бубновъ, лязгомъ мѣдныхъ тарелочекъ (дамъ), пронзительнымъ завываніемъ въ раковины, вся процессія три раза обходила вокругъ хурула и затѣмъ останавливалась у главныхъ его дверей, въ которыхъ бакша и входилъ въ хурулъ въ сопровожденіи части главнаго духовенства, другая же часть оставалась ассисентами при бурхашѣ, водруженномъ на спинѣ коня. По уходѣ бакши народъ всей своей массой толпился предъ конемъ и протиснувшись къ нему „счастливыцѣ“ сначала падали три раза ницъ и затѣмъ прикладывались лбомъ ко всѣмъ частямъ туловища коня, не минуя и хвоста,—кто куда попалъ. При этомъ конь, дабы паче чаянія не лягулъ кого либо изъ своихъ поклонниковъ, былъ стреноженъ. Во время поклоненія коню и сидящему на немъ бурхану „жертва“ дилась рѣкой. Звѣзѣли не только трудовыя „мѣдишки“ бѣдняковъ, но сверкало серебро, шелестѣли также и „бумажи“.

Каждый приходившій на торжество приносилъ съ собой араку (возку изъ молочныхъ пировъ), а на общественный счетъ покупались десятки барановъ, мясо которыхъ варилось, складывалось въ хурулъ и затѣмъ, послѣ отдѣленія потребной части его галюнамъ, остальное раздавалось народу.

Смыслъ и значеніе этой торжественной, такъ дорого стоящей народу процессіи, какъ объясняли мнѣ калмыки, но

¹⁾ Главное духовное лицо въ улусѣ

²⁾ Кстати замѣтимъ, что тибетскаго языка никто въ улусѣ не знаетъ

не духовенство,—таковъ: народъ уклонился отъ исполненія прадѣловскихъ обычаевъ, забылъ завѣты отцовъ, явшагся съ русскими, перенимаетъ ихъ обычаи и нравы, становится болѣе похожимъ „на ороса“ (русскаго), не повинуется въ должной мѣрѣ установленнымъ предками властямъ (это войнамъ то и зайсангамъ!), пошатнулся въ вѣрѣ и не крѣпокъ въ древнемъ благочестіи (имѣется въ виду крещеніе въ 1889 году пятнадцати семействъ), развратился воспріятіемъ чужихъ обычаевъ и всѣмъ образомъ своей жизни и наклонностями идетъ къ вѣрной гибели, чѣмъ и *оскверняется* все то, что такъ дорого истинно калмыцкому сердцу и что отличало народъ, какъ вѣрныхъ поклонниковъ Шакы-Муни (Будды) отъ остальныхъ людей, враждебныхъ калмыцкой національности. Все же это суть тягчайшія преступленія. За нихъ, какъ за измѣну святому прошлому, завѣтамъ отцовъ и требованіямъ религій, разгнѣванное божество отступилось отъ калмыковъ и хочетъ жестоко покарать ихъ, къ чему уже и приступило. О послѣднемъ свидѣтельствуєтъ полная разладаца въ жизни калмыковъ, постигнувшая ихъ нищета и болѣзни, ослаба въ вѣрованіяхъ, измѣна властямъ—словомъ, по божьему попущенію, все клонится къ тому, что калмыковъ сравниваютъ съ оросами, припишутъ къ крестьянамъ, отнимутъ „вольности (?) и права“ и въ концѣ концовъ самое имя „калмыкъ“ исчезнетъ съ лица земли; хурулы заустѣютъ или обратятся въ русскія церкви.... „Бѣда, великая бѣда грозитъ калмыцкому народу“, говорили мнѣ, „бѣда неминуемая, если онъ отступится отъ вѣры своихъ предковъ и ихъ обычаевъ, освященныхъ муками отцовъ и не обратится душой и сердцемъ къ прошлому.... Нужно молиться и усиленно молиться, чтобы разгнѣванное божество умилоствилось и благоволило возратить народу свою защиту и покровительство и вновь поселилось среди него. Тогда, быть можетъ, минуетъ нависшая бѣда, вновь укрѣпится народъ и его не коснется рука, стремящаяся измѣнить его бытъ, религію и права!“

Мрачныя и грозныя эти внушенія народу наглядно видѣлись въ его понятія торжественной обстановкой процессіи

съ копей, на которомъ ѣхало божество, и верблюдомъ, везущимъ его обиталище. Удалившееся божество, вслѣдствіе усиленныхъ „моливъ и прошеній,“ какъ бы возвращалось въ калмыцкія степи и для новаго его жилища готова была уже и кибитка.... Просто и понятно! И калмыки глубоко вѣрили въ правдивость смысла и причинъ торжественныхъ процессій и служенія. Взвѣсивъ на коня и поклонясь ему, народъ думалъ, что „буланка“ есть дѣйствительно пегасъ небожителей и въ простотѣ души своей полагалъ, что духовенствомъ все такъ мудро устроено, что въ лицѣ укрѣпленной на сѣдлѣ фигуры бурхана дѣйствительно возвращается къ нимъ божество во всей своей славѣ и уже не карающимъ и гнѣвнымъ, а милостивымъ, готовымъ простить имъ прегрѣшенія и вѣдѣны; что оно поможетъ вновь воскреснуть къ прежней жизни по старому завѣту и дастъ къ тому силы; привилегированное сословіе вновь будетъ править калмыками и преобразованія не коснутся ихъ. Принося же покаяніе за прошлые нравственные и религіозные недочеты, народъ молитвенно и съ надеждой кланялся „коню и всаднику“ и просилъ привилегированное сословіе и духовенство не покидать его, не дѣлать безпомощнымъ и приниматься „за большой клантъ,“ чтобы все осталось по старому!

Небывалое торжество, притомъ такъ пышно обставленное, дѣйствительно производило, какъ того и ожидали,—сильное, впечатлѣніе на невѣжественныхъ калмыковъ, да и не только на нихъ. Даже русское населеніе, заинтригованное невиданнымъ ранѣ зрѣлищемъ, массой стекалось посмотреть на „моленіе твари“; глядя же, многіе вынесли сильное впечатлѣніе отъ торжественности и необычайности празнества и рѣшили, что оно *достойно вниманія, а не глумленія и на комедію не похоже*. Нѣсколько иронично отнеслись только къ мелкой особености „моленія,“ именно—всѣмъ казалось „неловкимъ“ то, что „тварь тычетъ лбомъ въ хвостъ коня, когда“.... и пр.

Да и какъ было не поразиться калмыкамъ.... Степь.... масса народа... богатая, необычайная по своей обстановкѣ про-

цессія, предводима многочисленнымъ духовенствомъ и охраняемая вооруженными стражниками и страшными масками.... громъ дикой, раздрающей душу, ошеломляющей своимъ заунывнымъ, монотоннымъ завываніемъ, музыки.... Божество, возвращающееся къ народу съ грядущими милостями.... поражающій глаза блескъ збруи пегаса... предвзятая мысль о причинахъ „моленія“ ... Все это, естественно, въ сильной степени должно было вліять на сердце и воображеніе калмыковъ, предварительно настроенныхъ на пзвѣстный ладъ. А при такихъ условіяхъ, разумѣется, легко было вести народъ къ намѣченной цѣли, не опасаясь за потерю своего авторитета.

Но, чтобы понять причины такой мѣры воздѣйствія на умъ и сердце калмыковъ и въ то же время судить объ экстраординарности поводовъ, вызвавшихъ ее, нужно помнить то поклоненіе представителямъ религій, точно какимъ то земнымъ божествамъ, какое калмыки оказываютъ имъ. Поклоненіе же это простирается до такихъ крайнихъ предѣловъ, какъ напримѣръ цѣлованіе мѣста, на которомъ сидѣлъ бакша, колесо его экипажа, слѣдовъ отъ ногъ, питье воды, которой онъ умывается во время священнодѣйствій и пр. И не было (не знаю, какъ теперь, т. е. послѣ 1893 г.) той жертвы, которой не принесли бы бакшѣ калмыки, если къ тому была хотя малѣйшая возможность. А если такъ, если таково вліяніе главы духовенства на народъ, то естественно спросить—зачѣмъ же было прибѣгать къ „коню и всаднику?“ Неужели опасно было опираться только на одинъ еще непоколебленный свой „авторитетъ“? Положимъ—обстоятельства были таковы (разумѣемъ конецъ старыхъ порядковъ), что требовалась сила авторитета и сила не заурядная. Еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ правительство возбудило вопросъ объ освобожденіи калмыцкаго народа отъ нойоновъ и зайсанговъ и о дарованіи имъ тѣхъ же правъ, кои предполагалось дать помѣщичьимъ крестьянамъ, т. е. права „свободныхъ сельскихъ обывателей.“ Но весьма важный этотъ вопросъ, по несчастью для него, попалъ для разработки въ мѣстныя комиссіи и

подкомиссія, стараніемъ членовъ конхъ лежнемъ и пролежалъ въ нихъ едва ли не „тридцать лѣтъ и три года.“ Понятно, что особенное усердіе къ убаюкиванію его предлагали войоны и зайсанги щедрыми подарками комиссіоннымъ нянькамъ, благодаря чему интересы самихъ нянекъ соотвѣтствовали желаніямъ войоновъ, чтобы вопросъ еще столько же, если не дольше, пролежалъ въ комиссіонной люлькѣ, не выгѣзалъ бы оттуда и не вторгался бы въ ихъ сытую жизнь. Кто, наконецъ, вспомнилъ о калмыкахъ и пробудилъ отъ летаргій вопросъ объ освобожденіи ихъ, вызвалъ его къ дѣятельной жизни и далъ ему настолько сильный толчекъ, что убаюкать его уже не было возможности и пришлось вынуть изъ люльки—не знаю... Но съ конца восьмидесятихъ годовъ обстоятельства сложились такъ, что лица, заинтересованныя въ неизбѣжномъ измѣненіи существовавшего въ улусѣ порядка, поневолѣ должны были хвататься за соломинку и пускаться въ ходъ все, чтобы только попытаться удержать, хотя бы только на время, гнилой, распатанный до основанія и видимо быстро разваливающійся строй калмыцкой жизни, но и гнилью своею выгодный привилегированному сословію и духовенству, ибо на немъ зиждлись значеніе, власть и богатство въ особенности перваго. Солидарное между собой и связанное общностью интересовъ духовенство и привилегированное сословіе осязательно почувствовало, что почва подъ его ногами сильно колеблется, былое величіе, вмѣстѣ съ соединенными съ нимъ благами земными, приходитъ къ концу и неизбѣжно должно рушиться.... Перемолохъ еще болѣе увеличился отъ того, что „вѣрные люди“ сообщали изъ Петербурга, что въ „высшихъ сферахъ“ серьезно принялись за разсматриваніе вопроса объ освобожденіи калмыковъ и дарованіи имъ *права* „свободныхъ сельскихъ обывателей.“ Одновременно съ этими слухами въ улусѣ вдругъ, совершенно неожиданно, крестилась кучка калмыковъ. Для этой „кучки,“ несмотря на ея ничтожную малочисленность (около пятнадцати семействъ) сразу же отводятся слишкомъ семь тысячъ десятинъ земли, на усиленные протесты противъ

„отвода“ которой ровно никакого вниманія не обращается; строятся церкви, создается поселокъ съ обособленнымъ своимъ управленіемъ отъ обще-калмыцкаго ¹⁾); о крещенныхъ усиленно заботятся; предоставляютъ имъ всяческія льготы и, оставляя въ тѣни остальную массу народа, даютъ имъ всѣ средства, даже съ излишкомъ, для занятія земледѣліемъ. Наряду съ этимъ, особенно въ разгаръ споровъ объ устройствѣ Князе-Михайловскаго поселка, слухи объ уничтоженіи правъ ноёона и зайсанговъ все болѣе и болѣе усиливаются, облекаются въ опредѣленную форму, назойливо проникаютъ въ народъ, приобрѣтаютъ силу вѣроятности, сбиваютъ калмыковъ съ толку, производятъ смуту и невольно заставляютъ народъ обратить вниманіе на поселокъ и задать вопросъ—не въ немъ ли выходъ изъ стиснувшей со всѣхъ сторонъ безтолковщины?... Понимая это, какъ было не смутиться—не калмыкамъ только, но въ гораздо большей степени—привилегированному сословію и духовенству? Какъ не ухватиться за соломинку?

Почувявъ же близкую бѣду, не желавшіе реформъ, стараясь ослабить впечатлѣніе, произведенное на калмыковъ фактомъ устройства Князе-Михайловскаго поселка, настойчиво увѣряли народъ, что такъ какъ крестились только „мошенники и разбойники“, то высшее правительство, разъ узнаетъ „подноготную“ крестившихся,—не только не обратитъ на нихъ вниманія, но напротивъ, разобравъ, въ чемъ дѣло, сошлетъ ихъ въ Сибирь, что относительно этого уже приняты мѣры и у ноёона (увы! крещенаго) есть всѣ средства и возможность съ фактами въ рукахъ доказать, кому слѣдуетъ, необходимость, для пользы калмыковъ (не крещенныхъ), ссылки „выкрестовъ“, что земля никогда не будетъ имъ отведена, если же теперь и „могутъ“, то за это „платятся“..., для доказательства послѣдняго и показывалась калмыкамъ копія съ телеграммы,

¹⁾ Крещеные калмыки Князе-Михайловскаго поселка управляются общегосударственными законами о сельскихъ обывателяхъ и уравниены съ ними въ правахъ, и только избавлены отъ воинской повинности.

посланной попономъ „министру“ о задержкѣ наръзки земли впредь до выясненія дѣла (фактъ). Далѣе утверждалось, что не только не будетъ существовать Князе-Михайловскаго поселка и разгонятся выкреды, но и устроители его будутъ преданы суду; церковь же и постройки „сломаются“ и слѣдъ ихъ уничтожится.....

По поводу всего этого и многого другого, въ связи съ вѣстями „оттуда“ (изъ Петербурга) о безуспѣшности „ходатайства“, калмыки сильно волновались. Туча виситъ—въ этомъ не было сомнѣнiя,—но чѣмъ она разразится,—для кого польется изъ нея благодѣтельный дождь и кого осыплетъ она градомъ—никто не зналъ; не зналъ же по тому, что потеряна была вѣра въ толкователей „слуховъ.“ Что же касается волненiя среди калмыковъ, то онѣ были не совсѣмъ въ пользу привилегированнаго сословія, въ особенности, когда всѣ воочию убѣдились, что крещеные калмыки спокойно сидятъ на своихъ усадьбахъ, что попытки ихъ выселить ни къ чему не привели, что Князе-Михайловскій поселокъ—не только не уничтожается, но напротивъ увеличивается и капитально обстраивается, что наръзка земли въ его пользу есть уже совершившійся фактъ; что похвальбы въ успѣхѣ ходатайствъ въ г. Тифлисѣ предъ Главноначальствующимъ на Кавказѣ и „тамъ“¹⁾, равно и посулы настоять на оставленiи нетронутыми „старыхъ порядковъ“—остались *только похвальбами* и всѣ доподлинно узнали объ этомъ. Все это поставило привилегированное сословіе въ крайне неловкое положенiе по отношенiю къ калмыкамъ и въ сильной степени подорвало увѣренность народа въ значенiи „тамъ“, т. е. въ Петербургѣ, его представителей. Явились недовольные, рѣшившіеся открыто и смѣло заявлять протесты, нашелся выходъ изъ вѣкового гнета и народъ при малѣйшемъ „прижимѣ“ началъ безбоязненно заявлять о томъ, что онъ, „если что“, то и „старину

¹⁾ Зайсангъ М. ѣздая уполномоченнымъ въ г. Тифлисѣ ходатайствовать объ уничтоженiи поселка. Ѣздая и въ Петербургъ.

бросить“ и *пойдетъ* „*въ крещеніе*,” гдѣ сдѣлается недосигаемымъ для притѣснителей. Словомъ, „*предержація власти*“ оказались не только сконфуженными, но и окончательно выбитыми изъ привычной колеи, по которой онѣ шли столѣтія во благо своему и нищетѣ народа, но мириться съ такимъ положеніемъ не хотѣли и въ то же время хорошо понимали, что для того, чтобы „*устоять*“—пужно, если не чудо, то какія либо чрезвычайныя мѣры. Всѣмъ понятно стало, что однимъ авторитетомъ ничего уже не подѣлаешь съ народомъ, вступившимъ на путь сомнѣній и недоувѣрчивости къ словамъ и посуламъ привилегированнаго соловія. За неимѣніемъ же другихъ наличныхъ средствъ къ возвращенію народа „*если*“ вожаки обратились къ религіи и именемъ ея устроили „*чрезвычайную мѣру*,” именно—необычно торжественныя процессіи водворенія божества среди покинутого имъ народа. Весь фокусъ такой мѣры состоялъ въ томъ, чтобы направить мысли калмыковъ на прошлое, затронуть въ нихъ религіозную струнку, оживить и освѣжить любовь къ своей національности; ярко освѣтить грѣховность измѣны завѣтамъ отцовъ и тѣмъ, хотя и косвенно, но вѣрно, побудить народъ—не только къ устойчивости въ желаніяхъ сохранить все „*по старому*,” но и къ ходатайствамъ и жертвамъ на то, чтобы „*калмыки остались калмыками*,” иначе говоря, чтобы привилегированное сословіе попрежнему царило бы надъ ними. Для выщого же успѣха, „*пускались слухи*“ и запугиванія солдатчиной, отобраніемъ, землей, насильнымъ крещеніемъ и проч. и проч.

Авторитетъ религіи, разумѣется, въ сильной степени повліялъ на калмыковъ, заставилъ временно забыть о томъ гнетѣ, какой онѣ несли, благодаря безправію своему и рабской покорности привилегированному сословію, настолько повліялъ что ловко пущенная въ народъ мысль о перекочевкѣ въ Монголію, какъ то сдѣлали ихъ предки при Убуши ханѣ, начала бродить между калмыками и она нешуто занялась „*помышленіями*“ объ этомъ важномъ шагѣ.

„Мы не о себѣ хлопочемъ,“ увѣряли калмыковъ...

„Намъ чтó.... Васъ же скоро заберутъ въ солдаты... припишутъ къ крестьянамъ.... перекрестать“...

„Въ Монголіи же вы останетесь такими же калмыками, какъ были и есть... Русскій попъ не даромъ поселился“.....

Извѣстно же, что пнертный народъ на многое можетъ рѣшиться, когда неумѣлой, чисто колицейской проповѣдью чуждой ему религіи пробудятъ его духъ отъ неподвижной спячки и затронуть самыя дорогія и святыя его чувства.

Положимъ, отъ нищаго, забитаго, рабски покорнаго своей судьбѣ народа трудно было ожидать твердой рѣшимости поспѣдовать примѣру своихъ предковъ; если калмыки и „храбрились,“ указывая на примѣръ выселенія кавказскихъ горцевъ въ Стамбулъ, то этимъ они только подбодряли себя, желая показать, что и они не манекены.... Тѣмъ не менѣе, хотя калмыки и не „черкесы,“ все таки могли произойти очень и очень нежелательныя осложненія со скверными послѣдствіями для народа, если бы броженіе это не прекратилось встати подоспѣвшимъ объявленіемъ закона 15 марта 1892 г., по которому „калмыки простолюдины“ освобождались отъ обязательныхъ отношеній къ своему привилегированному сословію и въ своихъ правахъ сравнивались со свободными сельскими обывателями.—Законъ этотъ далъ новый толчекъ предположеніямъ калмыковъ:—

Ознакомившись съ упомянутымъ закономъ, калмыки начали понимать, что всѣ страхи ихъ были напрасны, что нѣтъ „приказа“—ни крестить ихъ насильно, ни въ солдаты отдавать; ни земли не отбираютъ, ни русскими не называютъ; не трогаютъ и хуруловъ, а только *койоны и зайсанги разъ на всегда лишаются права собирать съ народа албанъ въ свою пользу, устраняются отъ административной и всякой другой власти надъ народомъ и дѣлаются совершенно посторонними людьми по отношенію къ правамъ и обязанностямъ калмыковъ—изъ прежнихъ владыкъ ихъ обращаются въ ничто для формальной стороны жизни и даже уравниваются съ*

ними *отъ правъ, какъ со свободными гражданами.*—Словомъ,— наступилъ только конецъ юридическому рабству во всѣхъ его проявленіяхъ. Самъ же народъ, получая свободу и права, не лишается прежнихъ своихъ льготъ по владѣнію землей, по самоуправленію и не привлекается къ отбыванію военной повинности натурой.*

Кажется все просто, ясно и удобопонятно. Тѣмъ не менѣе, религиозныя процессіи и иные воздѣйствія на калмыковъ со стороны не желавшихъ новаго закона не прошли безслѣдно и заявили о себѣ даже въ такую торжественную минуту, какъ объявленіе самаго закона. Въ день объявленія закона собрана была масса калмыковъ. Послѣ „служенія,“ совершеннаго по желанію главнаго пристава даже съ „конемъ и всадникомъ его,“ послѣ обѣда, рѣчей, выпивки и проч.— калмыки все таки, выслушавъ всѣ „теплыя“ слова и начальственныя пожеланія—*обратились къ главному приставу съ просьбой: нельзя ли сослѣдовать общественный приговоръ, чтобы все осталось по старому. „Дѣлать слишкомъ лѣтъ.. наши отцы.... дѣды.... отъра“....* слышалось со всѣхъ сторонъ.

Но это было уже предсмертной вспышкой желаній окончательно потерявшихъ свои права и привилегіи. Жаль только, что главный приставъ позволилъ себѣ не принять подававшегося ему прошенія отъ имени калмыковъ о возстановленіи правъ нойона и вообще объ отмѣнѣ закона 15 марта 1892 г. Жаль во первыхъ потому, что многіе убѣдились бы въ бесполезности „праздничныхъ“ разглагольствованій, красивыхъ формъ и безсодержательныхъ по существу; а во вторыхъ, и особенно потому, что прошеніе это было бы въ своемъ родѣ важнымъ историческимъ документомъ—не въ смыслѣ выражителя дѣйствительныхъ желаній калмыковъ и ихъ чувствъ къ нойону и зайсангамъ,—даже и не въ смыслѣ показателя пониманія народомъ значенія въ его бытѣ только что совершившагося факта—нѣтъ, прошеніе это явилось соломинкой, за которую силнось ухватиться утонувшее прошлое нойоновъ и зайсанговъ, соломинкой, предусмотрительно приготовленной ими отъ имени бывшихъ ихъ рабовъ—это одна сторона

дѣла. Съ другой же фактъ подачи калмыками прошенія ясно свидѣтельствовалъ объ умѣнїи улусныхъ властей обращаться съ народомъ, „вдалбливать ему пониманіе,“ говорилъ объ ихъ авторитетности, значенїи и довѣрїи къ нимъ. Въ подачѣ прошенія вылилось все прошлое отношенїи къ калмыкамъ приставовъ и попечителей и вполнѣ заслуженно поставило ихъ въ комическое положенїе въ самую, такъ сказать, патетическую минуту ихъ фигурированія предъ народомъ.....

Затѣмъ—соломинка эта сожглась бы самими калмыками вскорѣ же послѣ объявленїя „закона,“ если бы объявившіе его имѣли осторожность не допустить въ день объявленїя безтактности, повлекшей за собой недовольство калмыковъ, разныя кривотолки и протесты, коими впоследствии и сумѣли воспользоваться недовольные. Безтактность же эта настолько важна по своимъ послѣдствїямъ, что мы о ней не умолчимъ. Состояла она, во первыхъ, въ рѣчахъ, въ конхъ „начальство,“ несмотря на болѣзненную подозрительность калмыковъ, сразу заговорило о крещенїи, солдатчинѣ и пр.; во вторыхъ, устроители „общественнаго обѣда“ слишкомъ понадѣялись на безапелляціонность своего авторитета, простоту калмыковъ и послушанїе приказамъ. Понадѣявшись же, самовольно, не имѣя на то права, всѣ расходы по устройству „обѣда“ отнесли на счетъ общества, даже не предупредивъ его о томъ и не спросивъ согласїа, но, дабы оформить расходъ и законно вывести его по приходо-расходнымъ книгамъ, велѣли составить общественные приговоры. Такимъ исходомъ дѣла общество калмыковъ поставлено было въ тупикъ потому, что всѣ думали и были увѣрены въ томъ, что ихъ угощаютъ не на общественныя деньги. Думать же такъ калмыки имѣли основанїе, благодаря прозрачнымъ начальственнымъ намекамъ на то въ день обѣда.—

Разочаровавшись въ увѣренности, что „на даровщину по обѣдали,“ калмыки начали роптать, и ропотъ свой часть болѣе смѣлыхъ родовыхъ обществъ облекла въ общественные приговоры, коими прямо отказывалась „платить за угощенїе“ и смѣло высказывала недоумѣнїе—почему раньше не спросили

ихъ — „желаетъ ли народъ тратиться на угощеніе?“ Вышло неприятное *qui pro quo*.... Въ концѣ концовъ власть вала, разумѣется, свое. Но въ народѣ пошла молва: „*мажъ съ нами всегда поступаютъ; что хотятъ, то и дѣлаютъ... Теперь пойденовъ нѣтъ и защитимъ некому... кто поддержитъ старину?*“ Благодаря такому исходу „угощенія“, калмыки не избавились и отъ проницескихъ замѣчаній со стороны своихъ сородичей, не бывшихъ на *торжественъ*. А что? Хорошо уюстили васъ? Платитесь-ка теперы!“ Къ этой бестактности вскорѣ же прибавилась еще худшая — именно, не давши народу одуматься и осмотрѣться, повать суть своего новаго положенія; не давши улечься взбудораженнымъ страстямъ, успокоиться отъ вольныхъ и невольныхъ волненій и притупить вниманію къ самымъ разнообразнымъ, въ большае неслѣпымъ, слухамъ, — главный приставъ рѣшилъ наложить свое veto на полученіе самими калмыками доходовъ съ отведенной въ ихъ пользованіе земли и на право распоряжаться по своему желанію не только излишкомъ ея, но даже и *пайками*. Вредныя послѣдствія такого распоряженія не только перепутали, какъ увидимъ, всѣ экономическіе устои быта калмыковъ, поставили ихъ во враждебныя отношенія къ русскому сосѣднему населенію, съ коимъ связаны были интересы первыхъ, и перепутали всѣ ихъ долговныя обязательства, но и заставили задуматься надъ своей дальнѣйшей участью, ибо обычный источникъ средствъ къ жизни взмахомъ пера вырванъ былъ изъ рукъ народа и калмыки окончательно сѣли на мель. Лишившись же правъ распоряжаться землей по своему усмотрѣнію, народъ невольно поставилъ себѣ подсказанный другими (а можетъ быть и самъ по себѣ) вопросъ: „*позволятъ ли ѣсть, что хочется и когда хочется; не заставятъ ли переменить покрой одежды? Не запечатаютъ ли хурулы?*“.... Пошли толки, что „*если бы мы были, то не было бы этого.*“ Народъ вновь остановился на своемъ прошломъ; рѣшилъ, что пережитое не такъ страшно, какъ грядущее невѣдомое, вновь возложилъ свои упованія на „*боня и всадника,*“ забылъ прежнія

обиды.... и применилъ къ „депутаціи въ Петербургъ“; дома же, въ улусѣ началось открытое высказываніе недовольства „установленнымъ порядкомъ“ и сожалѣніе о „доброе старомъ времени.“ А такъ какъ выше указанная нами „мѣра“ главнаго пристава составляетъ, если можно такъ выразиться, эру въ экономической жизни калмыковъ, то мы подробно и рассмотримъ ее, когда будемъ говорить о способахъ пользованія калмыками земель; теперь же окончимъ рассказъ о ноюнахъ и зайсангахъ.

Благодаря разнымъ „ошибкамъ“ и преждевременности нѣкоторыхъ мѣръ, настойчиво проводимыхъ въ бытѣ калмыковъ, вліяніе привилегированнаго сословія на простолюдиновъ пока еще не устранено и только формально оно „отторгнуто“ отъ послѣднихъ. Тѣсная связь эта будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока улусная администрація не будетъ замѣнена другимъ, болѣе подходящимъ органомъ управленія, не имѣющимъ ничего общаго съ институтомъ главныхъ приставовъ, попечителей и т. п. Новый органъ управленія навѣрное пойметъ, что и калмыки имѣютъ права, умѣютъ имѣть законныя желанія и не нуждаются въ нянькахъ типа ноюновъ и попечителей съ главнымъ приставомъ во главѣ, пойметъ, что излишне строгая опека убиваетъ энергію, инициативу, предприимчивость и вообще расслабляюще вліяетъ на волю и умъ.... Къ чему давать право принимать поговорку: „изъ огня да въ полымя“.....

Не безъинтересно знать, что закономъ 15 марта 1892 г. калмыки освободились отъ привилегированнаго сословія чрезъ посредство выкупа съ уплатой ноюну около семидесяти тысячъ рублей, т. е. суммы, составляющей пятилѣтнюю сложность ежегодно получавшагося имъ албана; такой же точно расчетъ произведенъ былъ и зайсангамъ, сообразно съ причитавшимся имъ албаномъ. Но получили выкупъ только аймачные зайсаны, т. е. тѣ, которые владѣли родами. Кромѣ выкупа, еще въ 1871 году ноюны получили земельный надѣлъ въ 1775 десятинъ, аймачные же зайсанги по 400 д. и безъ-

абмачные по 200 д. на душу. Выкупныя деньги уплачены, какъ уже говорилось, не изъ государственнаго казначейства, а изъ калмыцкаго общественнаго капитала,—иными словами калмыки сами себя выкупили, что съ большимъ успѣхомъ можно было бы сдѣлать и гораздо раньше....

Что же касается земли, отведенной нойону и зайсангамъ въ ихъ *пользованіе*, то вопросъ о ней еще не оконченъ, почему и неизвѣстно, признаются ли права на нее потомственными или же она останется во временномъ пользованіи.

Въ виду нерѣшенности вопроса о правахъ на землю позволимъ себѣ высказаться, что, по нашему мнѣнію, усадебная земля должна быть потомственной, остальная же только во временномъ пользованіи,—иначе за что же данъ выкупъ? Одно что нибудь—или земля, или деньги. Положимъ, оставить привилегированное сословіе совсѣмъ безъ земли нельзя. Тогда пусть оно получить такой же душевой надѣлъ, какъ и прочіе калмыки. Вѣдь уравнили же нойоновъ и зайсанговъ съ „простолюдными“ въ дѣлѣ взноса „подымной подати“—тѣ и другіе теперь одинаково вносятъ по шести рублей въ годъ съ *китки*, а не съ *имущества*. Почему же не уравнять и въ правахъ на землю? За что давать ей больше, да еще въ такомъ не пропорціонально громадномъ количествѣ? Въ уравненіи правъ на одинаковое количество земли всѣхъ безъ исключенія калмыковъ справедливость ни въ какомъ отношеніи не была бы нарушена. Земля не есть—ни родовая, ни жалованная, ни благопріобрѣтенная, а данная въ 1871 году *во временное пользованіе*. Слѣдовательно, въ признаніи временности правъ на землю и въ незакрѣпленіи ея за потомствомъ бывшаго привилегированнаго сословія нигдѣ и ни въ чемъ не будетъ посягательства на *чужія права собственности*, ибо всѣ калмыки пока имѣютъ только временныя права пользованія занимаемой ими землей. Зачѣмъ же допускать исключеніе для бывшихъ нойоновъ и зайсанговъ? Справедливость заставляетъ предполагать, что такъ и будетъ поступлено, тѣмъ болѣе, что не придется—ни уничтожать документовъ,

ни считать ихъ недѣйствительными, ибо никакихъ документовъ на эту землю, говорящихъ о потомственности правъ на нее—нѣтъ и не было.

Закончимъ курьезомъ. Закономъ 15 марта привилегированное сословіе привлечено ко взносу въ казну податей наравнѣ съ простолюдинами и по одинаковому съ ними окладу (6 р. въ годъ). Такое уравненіе показалось обиднымъ для „сословія“, какъ бы унижающимъ его достоинство по происхожденію. „Какъ! нойона, его сіятельство! насъ, зайсанговъ! и пр. сравнять съ простолюдинами?“ „Да берите съ насъ вдвое, втрое, только отличите насъ“....

Такъ говорили обиженные и въ такомъ смыслѣ возбуждали ходатайство предъ министромъ государственныхъ имуществъ; для поддержанія же ходатайства послали холоковъ въ Петербургъ. Но, какъ и слѣдовало того ожидать, ходатайство окончилось ничѣмъ, хотя и не угомонило разгнѣваннаго самолюбія не славныхъ потомковъ славной и могучей когда то орды Чингисъ-хана.

Такъ миновала власть и богатство порабитителей калмыцкаго народа и есть надежда, что съ уничтоженіемъ разныхъ инородческихъ приставовъ калмыки страхнуть съ себя плѣсень прошлаго. Избавившись же отъ ненужныхъ, но самолюбивыхъ и властолюбивыхъ мундирныхъ янзекъ, они вскорѣ уравниются съ крестьянами, и затѣмъ умѣло и охотно приналягутъ на землю, въ обработкѣ которой ихъ спасеніе....

Обратимся теперь къ калмыцкой чиновной администраціи и посмотримъ, что она сдѣлала и какъ относилась къ калмыкамъ.

V.

Законъ 15 марта 1892 г., похоронивъ власть и права нойоновъ и зайсанговъ по отношенію къ калмыкамъ, вислолько не коснулся административнаго управленія ими,—оно во всѣхъ

частяхъ своихъ осталось прежнимъ, покойщимся на „Положеніи объ управленіи калмыками,“ изданномъ въ 1847 году, и только усилилъ и расширилъ права попечителя улуса передачей ему обязанностей ноёона. Въмѣсто послѣдняго во главѣ улуснаго управленія сталъ попечитель улуса и два его помощника.

„Положеніемъ“ 1847 года кругъ дѣятельности попечителя улуса и его помощника сводился главнымъ образомъ къ чисто полицейскимъ обязанностямъ. Громкое же и многозначное названіе должности: „попечитель“ въ сущестѣ дѣла оставалось пустымъ звукомъ. И это потому, что тѣмъ же „положеніемъ“ ноёону предоставлено было право предсѣдательства въ улусномъ управленіи и вмѣнялось въ прямую и непосредственную его обязанность: „вѣдать калмыцкими землями, распоряжаться мѣстами кочевыхъ стойбищъ, заботиться о продовольствіи народа, развитіи скотоводства, склоненіи калмыковъ къ осѣдой жизни и занятію земледѣліемъ, ходатайствовать объ удовлетвореніи ихъ законныхъ нуждъ, увеличивать общественный капиталъ, заботиться о благосостояніи народа и добромъ его поведеніи“. Словомъ, вся судьба народа и по преимуществу экономическое его положеніе находились въ рукахъ ноёона; попечитель же улуса являлся какъ бы чѣмъ то приточнымъ къ ноёону, со второстепенными, мало значащими правами, и могъ дѣйствовать не иначе, какъ *по соотному съ ноёономъ*, но только съ правомъ входить въ критическую оцѣнку „дѣйствій“ его, „несогласныхъ съ закономъ,“ о чемъ и доносить высшему начальству. Иначе говоря, попечителю вмѣнялось въ обязанность быть улуснымъ „недреманнымъ окомъ,“ долженствующимъ зорко смотрѣть за всѣмъ, что дѣлается въ улусѣ, и если этому недреманному оку приходилось узрѣть что либо несурзное и противное законамъ, оно должно было спѣшить съ „доношеніемъ,“ дабы тѣмъ оградить интересы варода и предотвратить могущіе быть ущербы казны.“ Роль незавидная, если смотрѣть на нее съ „формальной точки зрѣнія.“ Но при желаніи поступать великодушно

и дѣйствовать не токмо за страхъ, но и за совѣсть—попечитель, помимо его чисто полицейскихъ обязанностей, могъ многое дѣлать и въ пользу, и во вредъ калмыкамъ, могъ быть дѣйствительнымъ ихъ попечителемъ и ограждать интересы народа отъ произвола ноёоновъ и зайсанговъ. Оставляя въ сторонѣ форму и основываясь на точномъ смыслѣ „Положенія“ 1847 года, попечитель сосредоточивалъ въ лицѣ своемъ и мирового посредника, и нотариуса ¹⁾, до введенія же судебной реформы въ Ставропольской губерніи онъ былъ и мировымъ судьей по „смѣшаннымъ“ дѣламъ (т. е. въ тяжбахъ калмыковъ съ русскими), и судебнымъ слѣдователемъ. Но на бѣду калмыковъ улусное око всегда было вообще подслѣповато и обладало способностію зорко видѣть только свою пользу. Что же касается полицейскихъ дѣлъ, то въ сферѣ ихъ попечитель пользовался совершенно независимой отъ ноёона властью, и раздѣлялъ такую со своимъ помощникомъ, не имѣвшимъ никакого самостоятельнаго значенія въ улусѣ.

Затѣмъ въ штатѣ улуснаго управленія состоялъ и состоятъ еще письмоводитель, писецъ, письменный переводчикъ и толмачъ.

О письмоводителѣ говорить нечего, обязанность его одинакова во всѣхъ канцеляріяхъ. Но зачѣмъ „сн два“: толмачъ и письменный переводчикъ? Выходитъ, какъ будто одинъ пишетъ и переводитъ, а другой толмачитъ переведенное. Интереснѣе же всего то, что много уже лѣтъ служащій при управленіи толмачъ ни одного слова не знаетъ по калмыцки.

Всѣ „чины улуснаго управленія“ въ матеріальномъ отношеніи болѣе чѣмъ обезпечены. Такъ, попечитель улуса получаетъ до 1800 р. въ годъ, его помощникъ около 1200 руб., письмоводитель до 600, писцы и толмачи отъ 25 р. до 40 р. въ мѣсяцъ. Весь этотъ расходъ пополнялся изъ калмыцкаго

¹⁾ Договоры, не засвидѣтельствованные въ улусномъ управленіи, равно и контракты, считаются не дѣйствительными и не должны быть свидѣтельствуемы нотариусами.

общественнаго капитала; изъ него же черпались средства и на всѣ другіе расходы по содержанію улуснаго управленія и канцеляріи его, такъ что собственно казні камишки и управленіе ими ничего не стоило.

Къ числу улусной администраціи, хотя уже и не чиновной, слѣдуетъ отнести также и родовыхъ писарей, получающихъ отъ пятнадцати до двадцати пяти рублей въ мѣсяцъ.

Затѣмъ верховнымъ жрецомъ всей этой „улусно-полицейской команды“ состоитъ главный приставъ, живущій въ Ставрополѣ-Кавказскомъ и завѣдующій также „магометанскими народами, кочующими въ предѣлахъ Ставропольской губерніи“, какъ то: эдисанцами, эдишкульцами и др. Права и обязанности главнаго пристава можно точно обозначить слѣдующими немногими словами: „надзирать, направлять, разрѣшать, карать, охранять и сохранять“. Охраняетъ онъ одни общественные капиталы, всѣ же остальные обязанности сводятся къ операціямъ надъ народомъ и „чинами“. За исполненіе этихъ обязанностей онъ получаетъ до пяти тысячъ рублей въ годъ изъ общественныхъ суммъ. Жалованье огромное и.... напрасное. Вообще всѣ служащіе въ инородческомъ управленіи получаютъ, какъ говорятъ ставропольцы, „не русскіе, а инородческіе оклады“.

Оставляя въ сторонѣ помощниковъ попечителя улуса и ниже ихъ стоящихъ на улусной служебно-іерархической лѣстницѣ, по причинѣ несамостоятельности круга ихъ дѣйствій, обратимся къ попечителю улуса—не какъ къ лицу, а какъ къ должности. Эта оговорка необходима, ибо мѣткое замѣчаніе Гоголя, что стоитъ произнести печатно бранное слово и навѣрное найдется кто либо изъ желающихъ принять его на свой счетъ—и теперь справедливо. Итакъ, мы будемъ говорить о должности, а не о лицахъ.

Въ долгій періодъ господства нойоновъ, въ особенности до 1871 года (до разверстки земли), попечителю улуса жилось хорошо, даже очень хорошо. По словамъ зватововъ ихъ жизни выходитъ, что у нихъ каждый день была масляница и затѣмъ

во всю последующую свою жизнь они не знали поста, если были умны и хранили масло и сыр про черный день. Единственно, что дѣлало порой масло горькимъ и сыръ соленымъ, это неизбежныя столкновения съ войномъ и зависимость отъ него, если и не служебная, то чрезъ посредство „вліяній въ губерніи“. Суть въ томъ, что, по служебному своему положенію, попечитель долженъ былъ быть, какъ мы уже сказали, „недреманнымъ окомъ“, что войнамъ не всегда было по вутру. Для того же, чтобы „дѣло“ шло на ладъ, попечителю, если онъ былъ не врагъ себѣ и не „разоритель семьи“, приходилось входить въ сдѣлку со многими изъ нравственныхъ требованій и заключать нѣмое, но выгодное по своимъ послѣдствіямъ, соглашеніе съ войномъ—вродѣ, напримѣръ, такого: „Ты молчи и закрой око“, мнимически показывая войнѣ попечителю, „и благо ти будетъ и долголѣтенъ будешь въ улусѣ“.

„Ладно! не мѣшай только пахать масло“, отвѣчалъ попечитель, „да хвали меня гдѣ слѣдуетъ“.

Исторія попечителей свидѣтельствуетъ, что почти всѣ они не были себѣ врагами, имѣли здравый умъ, практическую сметку, почему и предпочитали лучше дремать, ежели витаращивать глаза и входить въ пререканія съ войнами. Къ тому же послѣднее было весьма и весьма опасно. Войнѣ получалъ болѣе двѣдцати тысячъ рублей въ годъ, дохода этого не могъ лишиться, пользовался полной доступностію во всѣхъ „домахъ“, имѣлъ вѣсь въ губерніи и слово его принималось въ резонъ. А все это были настолько вѣскія данныя, что попечителю, какъ чиновнику, притомъ не сановному, трудно было бороться съ войномъ и идти наперекоръ его желаніямъ. На случай же пробужденія недреманнаго ока и помѣхи въ чемъ либо, войны имѣли полную возможность залѣпить око и сдѣлать его на вѣки безвреднымъ для себя. Соображаясь съ этимъ, попечитель обыкновенно смирялся,—особенно на первыхъ порахъ службы въ улусѣ, не перечилъ войнамъ, не раздражалъ ихъ самолюбія и... благо ему было.

Но такъ ужъ устроенъ человекъ, что чуть только онъ „оперится“ и почувствуетъ ожирѣніе кармана, какъ и начнеть колобродить. Истина эта оправдывалась, между прочимъ, почти на всѣхъ попечителяхъ, бывшихъ въ улусѣ. „Поджившись“ (такъ характеризуютъ мѣстные обыватели результатъ взятки) и „насытившись“, даже и не всегда „до отвала“, всѣ они кончали „подрываніемъ корня“— иначе говоря, такъ или иначе начинали ссориться съ нойонами, „подкапываться подъ нихъ“ и заявлять кстати и не кстати о томъ, что, у нихъ есть чиновничье самолюбіе и заплывшее чужимъ жиромъ понятіе о „чести мундира“. Попытку, что изъ такихъ „пререканій“ съ нойонами толку для народа не выходило и попечители, по настоянію нойоновъ, такъ или иначе „вылетали изъ улуса“. Одинъ же изъ нихъ, выражался мѣстнымъ жаргономъ, даже былъ взбитъ калмыками, но уже по собственной инициативѣ послѣднихъ, безъ всякаго въ томъ участія привилегированнаго сословія.

Вообще говоря, причиной ссоръ нойоновъ съ попечителями улуса было отнюдь не „стояніе ихъ на стражѣ калмыцкихъ интересовъ“— нѣтъ. „Соблюденіе закона и защита народа отъ притѣсненій“ служили только канвой, на которой плелись, сплетались и переплетались личныя страсти, мелкое самолюбіе, зависть къ „наживѣ“ другого, „поддѣвка“ другъ друга на почвѣ взяточничества и другихъ хищеній. Затѣмъ съ теченіемъ времени личныя недоразумѣнія и недовольство переходили въ ссору, оканчивавшуюся традиціоннымъ: „мы съ вами служить вмѣстѣ не можемъ“. Народъ же, его интересы, защита отъ несправедливостей и забота объ его благосостояніи въ ссорахъ попечителей съ нойонами не играли никакой роли.

Судя по воспоминаніямъ калмыковъ и, съ не меньшей достовѣрностью, по разсказамъ арендаторовъ калмыцкой земли— попечители никогда не были для калмыковъ *попечителями* въ томъ смыслѣ, какъ понималъ и понимаетъ эту должность законъ и какъ слѣдуетъ понимать, зная значеніе этого слова. По общему отзыву всѣхъ и каждого, попечители улуса считали

ниже своего достоинства заговаривать съ калмыками человѣческимъ языкомъ. Брань, кулаки, плети, казачьи нагайки, „сидѣніе въ казармѣ“, оплеухи и „затрещины“ „по поводу и безъ онаго“—вотъ что „преподносилось твари“ (мѣстное выраженіе) вмѣсто „языка“ при всѣхъ сношеніяхъ съ народомъ. Особенно же памятно народу „сидѣніе въ казармахъ“, о которомъ калмыки безъ нервнаго содраганія и вспомнить не могутъ; по ихъ словамъ, за часъ „сидѣнія“ въ казачьей казармѣ они готовы были заплатить годомъ тюремнаго заключенія, до того оно было ужасно.

Расскажемъ о немъ.

При улусномъ управленіи, расположенномъ на самой отдаленнѣйшей окраинѣ Больше-Дербетскаго улуса, именно въ селѣ Ивановкѣ, устроены были казачьи казармы для помѣщенія казаковъ, высылаемыхъ въ улусъ изъ Кубанской области для отправленія военно-полицейской службы. Казаки всегда были слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ попечителей улуса, всякое приказаніе ихъ исполнялось *точно*, несмотря ни на противозаконность его, ни на жестокость. Такъ вотъ, если бывало калмыкъ въ чемъ либо провинится или же только будетъ заподозрѣнъ въ совершеніи преступленія, даже и безъ основаній къ тому, то его вызывали въ улусное управленіе и, въ случаѣ „амирательства“, посылали „одуматься“ и „подумать“ въ казарму. Казаки же хорошо знали, что нужно дѣлать съ приславнымъ къ нимъ калмыкомъ. Такого несчастнаго не только били и истязали, но и всячески надѣвались надъ нимъ... Не было той жестокости, не было той „издѣвки“ и „надругательства“, котораго не производили бы надъ калмыками тароватые на это казаки, видѣвшіе въ лицѣ своей жертвы—не равнаго себѣ человѣка, а *жестъ*, мучить которую они не считали для себя ни грѣхомъ, ни жестокостью. Истинно звѣрская жестокость казаковъ и теперь еще съ болью въ сердцѣ отзывается у калмыковъ при воспоминаніяхъ о „казарменной бивальщинѣ“.

Все искусство въ истязаніяхъ надъ „тварью“ должно было состоять въ томъ, чтобы не оставалось на тѣлѣ „знаковъ“, кои могли бы изобличить казаковъ,—разумѣется не предъ попечителями, а такъ, на всякій случай,—въ томъ, что они „продѣлывали“ съ тварью.

Понятно, что послѣ такой „побывки“ въ казармѣ, калмыкъ „одумывался“ и, лишь бы избавиться отъ казармы и сдѣвнїя въ ней, *охотно* возводилъ на себя все, что нужно было и угодно попечителю и *сознавался* въ совершеніи такихъ преступленій, о коихъ и понятія не имѣлъ. Но попечителямъ не было дѣла до того, правдивы ли показанія, сдѣланныя подъ страхомъ и болью отъ истязаній; имъ нужно было только то, чтобы преступникъ былъ на лицо и сознался въ совершеніи взводимаго на него преступления. Нужно же это было для того, чтобы официально доказать, что *власть не бездѣйствуетъ, напротивъ энергично заботится о раскрытіи преступленій, предупрежденіи и пресѣченіи ихъ*. Затѣмъ, если на судѣ калмыкъ и отказывался отъ своихъ показаній, придуманныхъ имъ въ казачьей казармѣ,—не бѣда. „*Всѣ калмыки и всегда врутъ; воры же они завѣдомые*“—вотъ коверъ, на которомъ попечители всегда и выѣзжали благополучно, не спотыкаясь на обвиненія ихъ калмыками въ жестокостяхъ и истязаніяхъ.

„Въ зубы ему, вору, въ зубы дать бы, да хорошенько—тогда онъ и сознался бы... А то нѣжности!.. Вы, Джембиновъ, что скажете?... вы, Соктогоровъ, что знаете?... Да развѣ можно такъ обращаться съ тварью?“

Такъ и въ такихъ словахъ негодовали попечители улуса, присутствуя въ окружномъ судѣ въ качествѣ свидѣтелей по калмыцкимъ дѣламъ, и почти вслухъ высказывали свое *негодование на мягкое обращеніе членовъ суда съ „качоржной тварью“*; мало этого, въ этой *мягкости обращенія* видѣли потворство преступленіямъ и убѣждали другихъ, что *судъ мѣшаетъ имъ, попечителямъ, искоренять преступленія въ улусѣ*.

„Если бы и на судѣ, какъ въ улусѣ, трещали калмыцкіе зубы и скулы и трещали бы за все, за самаглѣйшіе пустяки, тогда дѣло другое. Можно было бы бороться съ „поганью“ и выбить изъ нея привычку воровать“....

Эта теорія искорененія преступленій всецѣло царяла въ улусѣ. Били калмыковъ и войовы, и попечители улуса, и ихъ помощники, и писаря; съ ихъ же *легкой руки* били и всѣ, кто только хотѣлъ, такъ что, по словамъ самихъ же калмыковъ, не билъ ихъ только лѣнивый. Отъ нарочитыхъ же жалобъ *начальству*, еромѣ заявленій у „мирового“, на побой, калмыки положительно отучены и даже со страхомъ помышляютъ о нихъ, ибо изъ горькаго опыта знаютъ, что имъ своей же „шкурой“ придется отвѣчать за подачу „*прошеній*“ (прошеній).

Мы уже упоминали о томъ, что за послѣднее время не было случая, чтобы кто либо—не только изъ попечителей улуса, но даже и изъ частныхъ лицъ,—отвѣтилъ за побой калмыковъ. Начиная съ самаго отдаленнаго прошлаго, калмыки знаютъ только одинъ случай, когда помощникъ попечителя улуса А. былъ сосланъ въ Сибирь за то, что до смерти „застыкъ *подъ розгами*“ одного изъ нихъ. Другой же случай жалобы, тоже на „помощника“ Р. главноначальствующему на Кавказѣ за истязанія и побой—окончился ничѣмъ. Дѣло затерли, замазали, исказили и виновникъ оказался кроткимъ агнцемъ. Если же письмоводитель Я. и заплатилъ по приговору мирового судьи сто рублей калмыку за побой, то это исключительный случай, исключительный потому, что Я. никто не захотѣлъ *поддержать*. И только недавно, именно въ 1893 году, попечитель улуса Г. въ своихъ истязаніяхъ калмыковъ настолько перешелъ всѣ возможныя границы, что дѣло о немъ не могло быть *скрыто*, почему и попало въ руки судебного слѣдователя. Исхода его мы не знаемъ, но оно такъ характерно и настолько, повидному, неправдоподобно, что мы считаемъ нужнымъ предать его гласности, не сгущая, а напротивъ, смягчая краски.

Въ 1893 году калмыки Пентуктунова рода, нуждаясь въ деньгахъ на покупку корма для скота, который въ ту необычайно суровую зиму, со страшными ея вьюгами и метелями, массама пропадалъ съ холода и голода,—твердо рѣшили не вносить въ улусное управленіе для храненія собственныхъ своихъ денегъ, слѣдующихъ имъ съ арендаторовъ за землю, на что, разумѣется, и имѣли безспорное право. Попечитель же улуса Г., несмотря на всю очевидность нужды народа въ деньгахъ, настаивалъ на своемъ и, опираясь на распоряженіе главнаго пристава, требовалъ отъ калмыковъ и ихъ арендаторовъ, чтобы деньги были отданы ему. Послѣ неоднократныхъ, но безуспѣшныхъ пререканій, попечитель созвалъ общественный сходъ. А такъ какъ калмыки и на сходѣ заявили, что они не могутъ дать нужныхъ имъ денегъ и не понимаютъ даже права, по которому хотѣли отобрать отъ нихъ ихъ же собственныя деньги, то Г. вмѣсто того, чтобы разъяснить калмыкамъ смыслъ своихъ требованій и сказать имъ что либо болѣе разумное, чѣмъ: „такъ требуетъ главный приставъ, а вы должны подчиняться и выворачивать свои карманы, а не разсуждать о какихъ то своихъ глухихъ нуждахъ и правахъ на свои деньги“,—велѣлъ сходу собраться на другой день, но не предупредилъ, для чего. Собранный на завтра народъ сбился въ кучу вызванные ночью казаки. На вопросъ Г., „желаютъ ли отдавать деньги“, калмыки скромно заявили, что не могутъ — иначе „лишимся скота и сами голодны будемъ“. Слова эти показались возмущеніемъ и Г. велѣлъ казакамъ обнажить шаши и „взять подлую тварь въ нагайки“. Приказъ былъ въ точности исполненъ. Несмотря на то, что струсившіе калмыки не оказывали никакого „сопротивленія“,—казаки все таки „аттавовали“ ихъ, избивли нагайками и исполосовали саблями, одному же изъ нихъ даже ранили лицо. При этомъ самъ Г., не отставалъ отъ казаковъ и принималъ самое дѣятельное участіе въ избіеніи „паршивцевъ“, т. е. калмыковъ. Мало этого, въ то время, какъ казаки громили „поганцевъ“,—Г.

успѣлъ ворваться въ хату арендатора земли, привался кричать, грозить „казаками“ и лѣзть ко всѣмъ съ кулаками „доморды“. Словомъ, надѣлалъ такого переполоху, что одна изъ хозяекъ квартиры, женщина беременная, съ перепугу „тонулась умомъ“ и вскорѣ же преждевременно родила.

Понятно, что послѣ такого разгрома перепуганные и избитые калмыки, арендаторъ и его семья, не только отдали Г. деньги, но готовы были отдать ему и послѣднее свое достоинствѣ, лишь бы избавиться отъ казацкихъ нагаекъ.

Деньги получены, калмыки избиты... кажется бы и конецъ исторіи. Такъ нѣтъ же—Г. этимъ не ограничился. Онъ считалъ необходимымъ еще и арестовать старшину и двухъ „почетныхъ стариковъ“, которыхъ торжественно, какъ трофей своей побѣды, и повезъ съ собой въ г. Ставрополь-Кавказскій, чтобы посадить въ тюрьму „за бунтъ и сопротивленіе власти“. Къ счастью, губернаторъ иначе взглянулъ на дѣло; не допустилъ послѣдняго издѣвательства надъ ни въ чемъ неповинными калмыками и „арестантами“ дана была свобода. Поступокъ же Г. остался безнаказаннымъ и онъ продолжалъ служить попечителемъ улуса до конца іюня мѣсяца, т. е. до времени когда онъ самъ сознался главному приставу, что растратилъ казенныя деньги..!

Не правда ли, что все это настолько дико, что съ трудомъ вѣрится въ возможность такихъ фактовъ? Между тѣмъ все это было—и было, случившаяся не гдѣ нибудь въ медвѣжьемъ углу, не на окраинахъ нашихъ, а близехонько и *въ 1893 году*. Естественно возникаетъ вопросъ, что же раньше происходило?...

Кстати расскажем интересный конецъ службы Г. въ Больше-Дербетскомъ улусѣ, такъ какъ конецъ этотъ весьма характеренъ для „попечителя“.

Растративъ около шести сотъ рублей общественныхъ калмыцкихъ денегъ, Г. въ іюль мѣсяцѣ 1893 года уѣхалъ въ г. Симферополь, а затѣмъ уже въ 1894 году ухитрился изобразить изъ себя начальника пограничной стражи,

полковника П. и по подложным ассигновкамъ на его имя пытался получить изъ армавирскаго казначейства (Кубанской области) сто тысячъ рублей изъ числа двухъ сотъ тысячъ, аккредитованныхъ на сформированіе пограничной бригады. Документы и ассигновки такъ ловко были поддѣланы, что у казначея не было основанія заподозрить Г. въ мошенничествѣ и подлогахъ, тѣмъ болѣе, что изъ г. Тифлиса отъ тамошнихъ властей получены были телеграммы, подтверждавшія фактъ необходимости выдачи денегъ, а изъ Ставропольскаго казначейства высланы деньги на усиленіе средствъ армавирскаго казначейства же. Словомъ, все подготовлено было настолько искусно, что Г. непременно получилъ бы деньги, если бы на бѣду его въ числѣ служащихъ въ армавирскомъ казначействѣ не оказался одинъ изъ товарищей ловкаго плута, который, узнавъ Г., секретно далъ знать о томъ казначею, а затѣмъ и атаману кубанскаго казачьяго войска, который немедленно и арестовалъ мнимаго П.

О крайне интересныхъ подробностяхъ этого дѣла мы не будемъ говорить. Ими переполнены всѣ кавказскія газеты за февраль и мартъ мѣсяцы 1894 года.

Предъ послѣднимъ мошенничествомъ Г., разумѣется, поблѣднѣетъ на судѣ дѣло объ истязаніи имъ, чрезъ посредство казачьей команды, калмыковъ Икпуктунова рода и оно затрется „въ совокупности преступленій“ его, хотя, по нашему мнѣнію, оно важнѣе мошенничества въ армавирскомъ казначействѣ.

Говоря вообще о всѣхъ попечителяхъ Больше-Дербетскаго улуса и оставаясь только въ предѣлахъ правды, безъ преувеличенія фактовъ, нужно замѣтить, что всѣми ими принималось за систему—видѣть калмыковъ всегда и во всемъ виноватыми и признавать, что несправедливыхъ жалобъ на нихъ не бываетъ. Исходя изъ этой точки зрѣнія, хорошо извѣстной крестьянамъ и арендаторамъ, имѣющимъ непосредственныя сношенія съ калмыками, каждый попечитель принималъ за истину всякія небывлицы отъ „жалующихся на тварь“ и, не

входя въ дальнѣйшія разбирательства, по своей расправлялся съ „ворамъ и мошенниками отъ чрева матери своей“, что и ставилъ себя въ особенную заслугу и гордился предъ другими своею строгостью, авторитетно заканчивая свои филиппики въ защиту нравственно-воспитательнаго значенія собственнаго кулака и казачьей плети—увѣрениемъ, что „иначе ничего не подѣлаешь съ этой поганью—калмыками. Слово она не понимаетъ; только кулакъ и плеть и могутъ научить ее восьмой заповѣди“...

Не ограничиваясь такъ сказать единичными, собственно личными и казарменными расправами съ „калмыцкой поганью“,—попечители и главные пристава періодически устраивали еще и „общественныя порки“, „на міру“ показывали, какъ законъ караетъ преступниковъ.

„Порки“ эти устраивались обыкновенно такъ.

Во время „служебной поѣздки“ главнаго пристава по вечерамъ въ каждомъ родѣ, въ заранѣ назначенные для того дни, собирались общественныя сходки, не изъ однихъ только выборныхъ отъ рода, а со всего мужского взрослога населенія. На сходкахъ, въ присутствіи „всѣхъ чиновъ“ улуснаго управленія и казаковъ, сначала „разговоры разговаривались“, какъ говорятъ калмыки, знающіе русскій языкъ, или же „переливалось изъ пустого въ порожнее“, какъ отзывались о томъ же русскіе крестьяне,—и все въ „мягкомъ“, заигрывающемъ тонѣ „съ посулами“. Послѣ такой предварительной подготовки, приступалось къ „вычитыванію“ калмыцкихъ злыхъ дѣяній, но уже повышеннымъ тономъ; въ концѣ причитаній объявлялось, что „проступковъ и преступленій безъ наказанія нельзя оставить“..., а посему: „такъ одумайтесь же, мы васъ оставляемъ и на время уйдемъ, потолкуйте между собой, укажите намъ порочныхъ своихъ родовичей и тогда составимъ приговоръ о наказаніи ихъ розгами, дабы это послужило добрымъ урокомъ не токмо для воровъ и преступниковъ, но и для всѣхъ остальныхъ, у коихъ не чиста совѣсть“.

„Ну что?.. поняли? Смотрите, чтобы не пришлось вамъ казаться, если не укажете на негодеевъ изъ вашего общества...“, грозно заканчивалось начальническое воззваніе къ „чести общества“.

Родознчи, жалѣя своихъ собратовъ, „переминаются“, отказываются выдавать, увѣряютъ, что въ средѣ ихъ нѣтъ особенно порочныхъ членовъ, что всѣ они „богу грѣшны и начальству виноваты“, но непремѣнно постараются исправиться къ лучшему и т. д.

Такія „отнѣкиванія“ раздражаютъ начальство и оно уже гнѣвно, съ „прыскомъ“ и внушительными жестами замѣчаетъ:

„Напрасно время тратете. Мы знаемъ, кто изъ васъ воры и таковыхъ сами накажемъ; но тогда вамъ же всѣмъ хуже будетъ. Сгонять ваши кибитки въ одну кучу, поставить казаковъ и никуда никого не будутъ отпускать. Одумайтесь. И безъ вашего приговора имѣемъ право выпоротъ, кого захотимъ, ибо *вы все воры наголо*.—Но вамъ же лучше будетъ, если вы сами укажете своихъ негодеевъ. Это будетъ свидѣтельствовать о томъ, что среди васъ нѣтъ потворщиковъ ворами и мошенникамъ, что сами вы способны къ исправленію и пощмасте, что законъ запрещаетъ укрывать преступниковъ“ и пр. въ этомъ же родѣ. Калмыки убѣждаются, наконецъ, въ томъ, что имъ нѣтъ возможности отклонить бѣду, что милости имъ никакой не будетъ и по общему между собой совѣту избираютъ изъ среды своей двѣ три жертвы искупленія вину всего рода и обрекаютъ ихъ на удовлетвореніе начальническихъ понятій „*объ искорененіи зла отъ народа и держаніи его отъ почительномъ страхѣ и упренности, что законъ не дремлетъ и власти бдятъ, стоя на стражѣ его*“. Быть можетъ, калмыки были бы и устойчивѣе въ дѣлѣ защиты своихъ собратовъ отъ розогъ, но угроза „сбить“ кибитки въ одно мѣсто всегда оказываетъ сильное давленіе на рѣшительность отказа въ выдачѣ „виновныхъ“. Сборъ кибитокъ въ „кучу“ равносильна обреченію народа на голодъ, въ особен-

ности лѣтомъ.—Колодець нѣтъ, корма для скота тоже; отлучаться изъ хотона не смѣй, если не отпустить начальство—словомъ, томись безъ воды и пищи скоть и люди. Во избѣжаніе такой перспективы, не разъ уже извѣданной калмыками, волей—неволей обществу, дабы не страдать массой, приходится удовлетворять требованію начальства и указывать, какъ на воровъ, на безотвѣтныхъ своихъ членовъ, по преимуществу бѣдняковъ, наказаніемъ которыхъ приобрѣтается общественное спокойствіе и вестѣшная жизнь.

Выдачей „негодяевъ“ начальство остается довольнымъ и даже не интересуется узнать ихъ *supplicium vitae*, а просто велитъ попечителю улуса „начернить“ общественный приговоръ о желаніи наказать розгами воровъ, проредактируетъ его, исправитъ текстъ, въ мѣстахъ, гдѣ не сильно отбѣнены причины наказанія, сдѣлаетъ добавленія и со словомъ: „взайте“ отдастъ писарю „набѣлеть“, т. е. переписать приговоръ „начисто“; покуда же писарь пишетъ... „по сему, по общему нашему согласію, мы единогласно приговорили подвергнуть такихъ то двадцати пяти ударамъ розогъ...“, на сцену являются казаки и стелется солома, на которой по очереди и распластываются обреченные на истязаніе. По обѣимъ сторонамъ обнаженной части тѣла становятся казаки съ пучками розогъ и по командѣ „ассистента экзекуціи“, мѣрно, не торопясь, дабы ассистентъ не сбился со счета, хлещутъ по нимъ въ чемъ не повинному тѣлу. Раздается отвратительный свистъ розогъ и жалобный стонъ жертвы, но ассистента это не смущаетъ; свистъ и стонъ не отзывается болѣзненно въ сердцѣ его; напротивъ, онъ какъ бы съ особеннымъ смакомъ считаетъ удары и при этомъ, приказывая казакамъ бить „порѣже, да покрѣпче надавать“, „вычитываетъ“ вину наказуемаго. Но и этого мало,—считающій удары розогъ умышленно сбивается со счета и ошибку свою поправляетъ злораднымъ приговариваніемъ:

„А это тебѣ за то, чтобы не жаловался, не жаловался, не жаловался... не будешь, не будешь, не будешь влзунни-

чать... Не воруй, не воруй, не воруй... Не вводи, не вводи меня въ грѣхъ... Сыпь, сыпь, сыпь ему канальѣ. Жарь, жарь, жарь ¹⁾».

По мѣрѣ же произнесенія этихъ словъ казаки „въ двѣ руки“ продолжаютъ „сыпать удары“ и „жарить“ издающаго стоны калмыка. Благодаря же такимъ „ошибкамъ“ въ счетѣ, наказуемый получаетъ двойную порцію. Замѣчательно, что калмыки считаютъ для себя большимъ позоромъ кричать подъ ударами розогъ. Они только глухо стонуть, нѣкоторые же, дабы не издавать и стоновъ, предъ наказаніемъ розгами берутъ палку въ ротъ и грызутъ ее, что сердобольнымъ улуснымъ начальствомъ и не возбраняется.

Къ числу давно уже забытыхъ въ Европейской Россіи особенностей наказанія калмыковъ розгами нужно отнести и ту предварительную подготовку къ нему, какою занята бываетъ улусная администрація.

По мѣрѣ усиленія воровства въ улусѣ располагается и переписка съ разными „мѣстами и лицами“—то о поимкѣ воровъ и грабителей, то съ объясненіями „причинъ усилившагося воровства“, то пишутся проекты „объ уничтоженіи грабежей и разбоевъ“, то составляются цѣлѣ соединенные комитеты для выработки „руководящихъ началъ, принявъ кои за основу можно надѣяться, что хищничество и воровство, если не уничтожится въ Больше-Дербетскомъ улусѣ, то значительно ослабѣтъ“. Но конечнымъ результатомъ всѣхъ разсужденій и переписокъ являются ничѣмъ незамѣнима, какъ самая радикальная исправительная мѣра наказанія, все тѣ же розги. И нужно замѣтить, что характернымъ признакомъ многоплодности переписки служитъ число наказанныхъ розгами калмыковъ. Чѣмъ обильнѣе переписка, тѣмъ больше „полосуютъ тварь“. Последнимъ „номеромъ бумагъ“ исходитъ предписаніе попечителю улуса—къ назначенному числу при-

¹⁾ Передается фактъ, видѣнные нами лично.

готовить должное количество розогъ. Вотъ тутъ то и начинается комико-трагическая дѣятельность улуснаго начальства. Извѣстно, что въ калмыцкой степи нѣтъ „матеріала для заготовленія орудій наказанія педагогической части тѣла“. Не только лѣсовъ, но и кустарниковъ не водится. Въ приходо-расходной же смѣтѣ на этотъ предметъ нѣтъ назначенія,— „хоть на свои покупки“, ибо нельзя же составлять общественныхъ приговоровъ объ отпускѣ родовыхъ суммъ на предметъ покупки въ г. Ставрополѣ розогъ. Въ этомъ случаѣ выручаютъ попечителей изъ бѣды метлы, ежегодно закупаемыя цѣлыми возами въ г. Ставрополѣ—Кавказскомъ для „уничтоженія пруса“ Дня за три—четыре до приѣзда въ родъ главнаго пристава, попечитель улуса дѣлаетъ распоряженіе: „защитъ въ рогожи требуемое количество розогъ, выбранныхъ изъ метель“, причемъ обращается вниманіе на длину и гибкость прутьевъ. Защиты въ рогожу розги *секретно* развозятся по родамъ, въ копѣхъ назначено „быть поркѣ“. Секретно это дѣлается для того, чтобы калмыки „не провиюхали“ о предстоящемъ имъ наказаніи и не разбѣжались бы.—Опасаясь этого, съ розгами и возятся какъ съ писаной торбой, сохраняя серьезность и таинственность такого важнаго въ глазахъ улусной администраціи событія, какъ „порка“ калмыковъ.

При „сѣканціи“ калмыковъ не обходилось дѣло и безъ игры въ великодушіе. Такъ, „по приговору“ назначено было высѣчь одного старика въ числѣ другихъ пяти жертвъ, что и было объявлено ему; конфиденціально же рѣшили, въ виду старости его и болѣзни, не наказывать розгами. Несмотря же на такое рѣшеніе бѣднягу все таки „обнажили“, когда пришла его очередь, положили на солому, велѣли казакамъ „приготовиться“, т. е. поднять руки съ розгами для удара, и въ тотъ мигъ, когда онѣ готовы были опуститься на тѣло испытывающаго муки ожиданія перваго удара, раздалась команда „стой“. Казаки опустили розги, старика подвiali, дали ему, дрожащему отъ страха и позора, возможность одѣться, прочли должную нотацію, дали повать, что онѣ обязанъ восчувство-

вать все великодушіе милости начальства, обратили на это вниманіе всего общества и, самоуслаждаясь великодушіемъ своего поступка, подтвердили, что въ ихъ рукахъ „право и мловать и наказывать“. Старикъ и все общество слушали... молчали... минута была тяжелая и кончилась тѣмъ, что старикъ палъ въ ноги начальству;—общество же, какъ бы очнувшись отъ кошмара, кланялось и благодарило за избавленіе старика отъ позора... Въ общемъ получилась картина, *умилительная* для экспериментаторовъ, гнетущая для посторонняго зрителя и бессмысленная, но тяжелая для калмыковъ, справедливо удивлявшихся и не понимавшихъ причинъ, побудившихъ къ „*продълживию комедіи раскладыванія и прощенія*“. Устроители же этой комедіи вѣроятно не знали, что для чрезвычайно стыдливыхъ калмыковъ самымъ тягчайшимъ наказаніемъ служить именно *обнаженіе „позорныхъ частей тѣла“*, а не побои въ какомъ бы то ни было видѣ. Побои для нихъ—ничто; они привыкли къ нимъ, но не привыкли обнажать то, что не принято обнажать и что по взглядамъ ихъ считается величайшимъ позоромъ. Слѣдовательно—*для помиллованнаго старика*, въ существѣ дѣла, никакой милости не было въ освобожденіи отъ тѣлеснаго наказанія, разъ тѣло бѣдника было обнажено. Напротивъ — онъ перенесъ жесточайшую нравственную пытку. Перенесши же ее, что называется, до конца,—вынужденъ былъ еще и *кланяться въ ноги и благодарить*—иначе говоря, долженъ былъ прибавить плюсъ униженія къ испытанной уже пыткѣ позора... Что долженъ былъ чувствовать старикъ, кланявшійся въ ноги своимъ милостивцамъ—думаю и безъ словъ повятно...

Но быть можетъ, несмотря на всѣ выводы науки о вредѣ тѣлесныхъ наказаній вообще для всѣхъ людей,—по отношенію къ калмыкамъ, въ видѣ исключенія, эти выводы оказываются ложными и калмыковъ можно нравственно воспитывать только чрезъ посредство кулаковъ, плетей, розогъ, казарменныхъ сидѣній,—въ особенности же розогъ, какъ наиболѣе дѣйствительной мѣры исправленія?... Посмотримъ,

что на этотъ вопросъ отвѣчаютъ всѣмъ извѣстныя въ улусть факты и факты непреложныя.

Послѣ одной изъ вышеописанныхъ „публичныхъ экзекуцій“, участвовавшіе въ общественномъ сходѣ калмыки, разѣзжаясь по своимъ хотонамъ, напали на отару овецъ, распугали ее и захватили изъ нея нѣсколько штукъ. Фактъ весьма важный. Не вдолгъ спуста, а сейчасъ же послѣ созерцанія начальническихъ приемовъ „внѣдренія нравственности въ народъ чрезъ посредство розогъ“, находясь подъ свѣжпмъ, не потерявшимъ еще своей остроты впечатлѣніемъ отъ процесса наказанія, со звономъ еще въ ушахъ отъ выслушанныхъ правоченій, свиста розогъ и угрозъ, что „если воровство будетъ повторяться, то примутся еще болѣе строгія мѣры“— калмыки, едва успѣли показать свои спины, скрыться съ глазъ исполнившихъ свой административный долгъ и покينуть мѣсто своего позора, какъ, ни мало не медля, совершили воровство, т. е. какъ разъ именно то, за что ихъ „пороли“ часъ тому назадъ и за что обѣщали „еще строже наказать“. Мало этого. Въ сосѣднемъ родѣ собранные въ тотъ же день и для той же цѣли калмыки,—зная, что происходитъ у сосѣдей и что ихъ вскорѣ же ожидаетъ,—„соскучились“ ожидать, томиться и голодать *и... со степи украли быка, зарытали, съели и затѣмъ уже апатично выжидали приѣзда начальства!* Не знавшее же объ этомъ ничего начальство точно также продѣлало съ ними все то, что и съ первыми. Разговоры, увѣщанія... отказы... общественный приговоръ... розги... только, кажется, не было акта великодушія... калмыки точно также слушали... молчали... кланялись... обѣщали... благодарили... и... несомнѣнно смѣялись въ душѣ и глумились надъ *комедіей*, чувствуя сытость въ желудкѣ отъ только что съѣденнаго быка, раздобытаго способомъ, который такъ красно порицается и такъ жестоко наказывается. То же, что они думали, глядя на устроителей публичнаго позорища,—было бы весьма поучительно знать для послѣднихъ. Навѣрное, узнавъ, они почувствовали бы, по меньшей мѣрѣ, неловкость и впредь не рѣшились бы ста-

новиться въ такое комическое положеніе, какъ то было съ ними въ дѣйствительности...

Приводить другіе факты не будемъ. Разсказанные нами на столько характерны и такъ ясно иллюстрируютъ пользу и практическую пригодность плетей и розогъ для исправленія калмыковъ, что рѣшительно нѣтъ нужды ни прибавлять отъ себя что либо для поясненія ихъ, ни касаться другихъ фактовъ, однородныхъ съ приведенными. Развѣ только добавимъ, что послѣ одной изъ такихъ расправъ калмыки, высказывая свои сужденія о личности и характерѣ устроителя расправы, между прочимъ не безъ ироніи замѣтили, что у него „старые штаны“ и по этому поводу пришли къ заключенію, что „она за тѣмъ такой сердита, что хочетъ новый штаникъ... нажмется новый штаникъ—будетъ мякка“... Горькимъ опытомъ приобрѣтена эта многознаменательная увѣренность въ возможности измѣненія правилъ челоуѣка, развѣ у него заведутся „новыя штаники“! И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ указанныя нами выше мѣры исправленія нравственности народа вели и ведутъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Калмыки, какъ и слѣдовало того ожидать, обтерпѣвшись и присмотрѣвшись ко всякаго рода наказаніямъ, потеряли всякій страхъ къ нимъ и только тѣмъ не выносятъ тюремнаго заключенія, платясь за него чахоткой. Но это послѣднее происходитъ не въ силу какихъ либо нравственныхъ мукъ, связанныхъ съ понятіями калмыковъ о лишеніи свободы и о позорѣ за то, а въ силу отиѣченной уже нами неприспособленности ихъ организма къ жизни въ нихъ, кромѣ кибитки, помѣщенійхъ. Вообще же наказанія ни въ какой мѣрѣ и ни въ какомъ отношеніи, несмотря на всю ихъ жестокость и разнообразіе, отнюдь не исправляли калмыковъ и не удерживали ихъ отъ совершенія преступленій, а только изощряли способности въ выборѣ способовъ совершенія хищничества и воровства и содѣйствовали укрѣпленію обычая взаимно поддерживать другъ друга. Достаточно сказать, что строгости никогда не вели къ дѣйствительному раскрытію преступленій среди

калмыковъ. Несли же наказаніе по суду не изобличенные полиціей и не разысканные „чинами“ ея, а только попавшіеся на мѣстѣ совершенія преступленія, или же съ поличнымъ. Всѣ же вообще преступленія, безъ этихъ важныхъ условій, оставались и остаются нераскрытыми.

О причинахъ скрытія преступленій калмыками мы уже говорили. Калмыки, благодаря общей солидарности между собой, не только умѣло скрываютъ слѣды преступленій, но всегда охотно и также умѣло скрываютъ и преступниковъ, бѣжавшихъ не только изъ остроговъ, но даже и съ каторги и послѣдніе совершенно свободно живутъ среди своихъ сородичей, даже обзаводятся семьей и хозяйствомъ. Всѣ ихъ знаютъ, только для улусной администраціи они какъ будто ходятъ въ шапкахъ—невидимкахъ. Мало этого—благодаря тому, что при улусномъ управленіи, по непонятной причинѣ, никогда не велось, какъ не ведется и теперь, метрическихъ записей, калмыки имѣютъ полную возможность выступать официально подъ псевдами и фамиліями умершихъ своихъ сородичей, ни въ чемъ никогда не заподозрѣваемыхъ, что и практикуется всѣми калмыками съ большимъ успѣхомъ въ случаѣ неудобства называть свое имя и прозвище. Въ такихъ случаяхъ у полиціи нѣтъ никакихъ данныхъ для установленія личности того или другого калмыка и ей поневолѣ приходится вѣрить на слово и свидѣтельствовать, что такого то зовутъ положимъ *Манжикомъ*, а не *Бадьмой*, и что Бадьма умеръ, а Манжикъ живъ,—тогда какъ на самомъ дѣлѣ именно Манжикъ умеръ, а Бадьма живъ. Калмыки же свободно могутъ доказать противное.

Съ своей стороны русское населеніе не способствуетъ администраціи къ раскрытію преступленій, ибо каждый, соприкасающійся съ „калмыцкими дѣлами“, изъ опыта знаетъ о формальномъ отношеніи полиціи къ дѣлу преслѣдованія преступленій, сопровождающагося только бесполезными побоями калмыковъ. Зная это, крестьяне, въ большинствѣ случаевъ, сами „раздѣляются“ съ ворами и хищниками и рѣдко,

развѣ только для очистки совѣсти, доносить начальству. Не заявляютъ же отчасти по безполезности такихъ заявленій, но больше изъ боязни мести. Последняго особенно боятся арендаторы калмыцкихъ земель. Положимъ и есть отъ чего имъ трусить. Извѣстно, что калмыки мстятъ не только за себя и своихъ родныхъ, но и за всѣхъ вообще родовичей. Обычнымъ средствомъ мести служатъ поджоги сѣна и хлѣба, кража овецъ, скота и лошадей. Дабы оградить себя отъ такихъ „случайностей“, арендаторы стараются не раздражать калмыковъ и имѣть у себя пастухами не русскихъ, а калмыковъ, кои и служатъ какъ бы порукой за цѣлость скота и овецъ. Администрація же почти всегда безсильна оградить русское населеніе калмыцкой степи отъ мести кочевниковъ, точно также безсильна и преслѣдовать преступленія. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что никто не добирается почителю улуса и, въ совершенствѣ зная всю „уть“ многихъ преступленій, равно и мѣста укрывательства преступниковъ, никто не хочетъ содѣйствовать властямъ въ поимкѣ воровъ и хищниковъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ или другой арендаторъ имѣетъ фактическія доказательства въ рукахъ.

Изъ видовъ справедливости нужно замѣтить, что господствующими преступленіями среди калмыковъ служатъ только воровство и грабежи скота, лошадей и овецъ со всеми послѣдствіями этихъ преступленій, исключая убійствъ, которыя весьма рѣдки. Другого же рода преступленія по и единичны, что рѣзко отличаетъ калмыковъ отъ сосѣдняго съ ними крестьянскаго населенія, во все говорятъ о томъ, что въ скоромъ времени всѣ пороки и преступленія пышно расцвѣтутъ среди выбитыхъ изъ обычной коши калмыковъ. Что же касается статистическихъ данныхъ о количествѣ преступленій въ разныхъ ихъ видахъ, то къ настоящае время такими въ гораздо большей степени предвѣтаютъ среди крестьянскаго населенія, чѣмъ среди калмыковъ. Если же взять во вниманіе податливость калмыковъ, то если бы улусная администрація стала въ другихъ отношеніяхъ къ нимъ и оставила бы излюбленный

ею способъ „пресѣкать и предупреждать, а равно и опекать“, то не было бы ничего удивительнаго въ томъ, что калмыки, измѣнивъ свой образъ жизни, что неизбежно въ скоромъ времени и совершится, въ общемъ не были бы такъ преступны, какъ то есть теперь и какъ то приписывается имъ. Для этого же нужно кореннымъ образомъ измѣнить всю обветшалую уже, останушую позади современной жизни систему управленія калмыцкимъ народомъ, перестать смотрѣть на него, какъ на вѣчто неспособное, нуждающееся въ опекѣ архаическихъ попечителей и главныхъ приставовъ, обратить калмыковъ въ дѣйствительно свободныхъ сельскихъ обывателей и преобразовать весь строй управленія имъ, дабы и самое названіе настоящаго управленія изгладилось изъ памяти народа и не напоминало бы калмыку о быломъ прошломъ. Иначе калмыки, оставаясь въ настоящемъ своемъ положеніи относительно неупорядоченія правъ и управленія, окончательно извратятся и преступления въ средѣ ихъ разовьются въ сильной степени; изъ простыхъ воровъ они обратятся въ разбойниковъ и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи на этомъ пути усвоятъ всѣ роды преступленій, наклонность къ чему уже замѣчается. При этомъ люди, хорошо знакомые съ бытомъ калмыковъ, прямо говорятъ, что если калмыки останутся подъ такимъ же управленіемъ, какое есть теперь, то улусъ обратится въ открытый острогъ. Нищета, лишеніе права самостоятельно распоряжаться доходностью съ земли, ненужное вмѣшательство въ имущественныя дѣла и строгая во всемъ опека надъ калмыками прямо ведетъ къ крайне вреднымъ послѣдствіямъ и усиливаетъ развитіе наклонностей къ воровству и всевозможнаго рода и вида преступленіямъ.

Но если попечители улуса не только бесполезны для калмыковъ, а даже въ вѣкоторомъ отношеніи и прямо вредны, какъ задерживающіе естественное развитіе народа, то, быть можетъ, они оправдываютъ свое существованіе въ другомъ какомъ либо отношеніи, находящемся внѣ обязанностей „предупреждать и пресѣкать преступления“? Быть можетъ, они

ограждают матеріальные интересы калмыков и содѣйствуютъ поднятію ихъ крайне жалкаго экономическаго положенія? Праздный вопросъ!

Мы уже знаемъ, что прежніе попечители улуса, находясь въ экономической и отчасти служебной зависимости отъ бывшихъ нойоновъ—владѣльцевъ улуса, не рѣшались оправдывать свое назначеніе и не входили въ активное разбирательство отношеній нойона къ народу, хотя на послѣднее имѣли всѣ права и это составляло прямую ихъ служебную обязанность, какъ *попечителей*. Но „шкурный вопросъ“ всегда отодвигалъ ихъ заботу о „благѣ народа“ далѣе, чѣмъ на задній планъ. Слова вѣтъ, что всѣ попечители улуса всячески извлекали и притомъ умѣло извлекали всѣ выгоды изъ своего положенія, но не въ пользу народа, а въ свою собственную, не брезгуя въ этомъ направленіи ничѣмъ. Недаромъ же среди высшей ставропольской администраціи и въ обществѣ составилось представленіе объ инородческомъ управленіи, какъ о воровскомъ; недаромъ же до принятія обязанности главнаго пристава уважаемымъ А. А. Самойловымъ (конецъ семидесятыхъ годовъ) мѣсто попечителя улуса и его помощника покупалось за тысячи рублей! Да—недаромъ! Еще свѣжи рассказы,—такъ свѣжи, что какъ будто это было вчера,—о томъ, какъ попечители жили, поживали и добро наживали въ улусѣ. „Веселья“ не прекращались, шампанское и „заморскія вина“ лились рѣкой; по рѣкѣ Ягурмыку, на берегу котораго была улусная ставка (мѣсто сосредоточенія управленія улусомъ) устранивались лѣтомъ „увеселительныя флотиліи“ съ казакми-гребцами, пѣсенниками, музыкой и разумѣется дамами „разнаго калибра“; зимой же „шли балы за балами“, на которыхъ „солидные мужчины“ (разумѣй „чины“ улуснаго управленія) проигрывали въ „тримку“ цѣлыя состоянія... Живы еще участники этихъ роскошныхъ пировъ попечителей, и съ сожалѣніемъ вспоминаютъ они о быломъ прошломъ величій этихъ опекуновъ калмыцкаго народа... Слушая же рассказы о изобиліи млека и меда въ калмыцкой степи для попечителей,

понимашь, почему всё такъ жадно ловили мѣста въ улусѣ и за право ловли платили громадныя деньги.....

Но откуда же брались средства на покушку служебныхъ мѣстъ въ улусѣ и на обращеніе личной жизни въ пемѣ въ непрерывную масленицу съ ея пирами и весельемъ?..

До 1871 года, т. е. до разверстки земли между калмыками Больше-Дербетскаго улуса, вся степь была въ общемъ пользованіи кочевниковъ, излишекъ же ея они не имѣли права отдавать кому либо въ аренду даже на годовой срокъ, равно и вообще лишались права пользоваться доходностью съ нея путемъ не личнаго, а чужого труда. Положеніемъ объ управленіи калмыцкимъ народомъ право извлекать доходы изъ земли предоставлялось улусному управленію, т. е. попечителю улуса и ноюну; но ноюны устривались отъ сбора денегъ за землю и пріятная эта обязанность всецѣло возлагалась на попечителя улуса и, по его довѣрію, на помощника попечителя. Всякій, нуждающійся въ калмыцкой землѣ—для распашки ли ея, для выпаса ли на ней скота, овецъ и сѣнокосенія—долженъ былъ сначала обратиться къ попечителю улуса, получить отъ него „бланку“ на дозволеніе пользоваться землею и за срочное право пользованія ею взнести произвольно условленную плату, а затѣмъ уже пахать и выпасывать скотъ, не входя ни въ какіе переговоры съ калмыками. При этомъ контроля надъ дѣйствіями попечителя не было никакого. Никто не учитывалъ ни скота, пущеннаго на выпасъ, ни десятинъ земли, сданной подъ распашку и сѣнокосеніе,—пробѣжалась только записъ въ приходорасходныхъ выпискахъ и то не по существу, а чисто съ внѣшней, формальной стороны. Обращалось вниманіе по преимуществу на то, вѣтъ ли гдѣ подчистокъ, помарокъ и правильно ли выведены итоги и транспорты. Такая ревизія была весьма выгодна для попечителей улуса въ томъ отношеніи, что они имѣли полную возможность безнаказанно входить во всякія личныя сдѣлки съ нанIMATEЛЯМИ земли. Условившись съ арендаторомъ, попечитель улуса совершенно свободно и безбоязненно показывалъ

валъ въ книгахъ самую минимальную часть арендной платы, остальную же часть „приспособлялъ“ въ свой карманъ. Сами калмыки, какъ очевидцы, а также чабаны, гуртовщики скота, овцеводы, рассказываютъ, что попечитель и его помощникъ во время весенняго объѣзда степи для дозора—нѣтъ ли на ней самовольно выпасивающихъ свой скотъ и овецъ, равно и не распахиваютъ ли ее—*„собирали полную шкатулку бумажекъ, было также серебро и золото“*. Сборъ этотъ былъ независимъ отъ того, какой получался попечителемъ, снѣда на мѣстѣ, т. е. въ улусномъ управленіи. Такимъ путемъ не десятки, а сотни тысячъ скота и овецъ ежегодно выкармливалось на калмыцкой степи, и не сотни, а десятки тысячъ десятинъ распахивалось калмыцкой землей и только развѣ сотая доля получаемаго со всего этого дохода попадала въ пользу общественнаго калмыцкаго капитала, остальная же львиная доля расплзалась по карманамъ попечителей улуса и ихъ помощниковъ. Насколько великъ былъ доходъ попечителя улуса и чиновъ управленія во главѣ съ патрономъ его, имѣемымъ главнымъ приставомъ, можно судить по тому, что калмыцкій общественный капиталъ, несмотря на всѣ хищенія и утайки попечителей, все таки смогъ возрасти до двухъ сотъ съ половиною тысячъ рублей. Положимъ, въ пользу его собиралось ежегодно по двадцати семи копѣекъ съ кибитки; но эти копѣйки—капля въ морѣ сравнительно съ тѣмъ, что давала земля и изъ чего только крупяцы попадали по своему назначенію,—и все таки крупяцы эти составили двѣ трети общей суммы капитала. Впослѣдствіи мы скажемъ, что благодаря этой статьѣ дохода, т. е. взиманію арендной платы за землю, почти вся калмыцкая степь давно уже распахана самымъ хищническимъ способомъ и цѣлѣнная земля встрѣчается какъ рѣдкость, несмотря на то, что владельцы ея—калмыки—не земледѣльцы. Нѣтъ слова, что съ 1871 года доходность съ земли собственно для попечителей и другихъ чиновъ улуснаго управленія въ значительной степени сократилась и совершенно измѣнился способъ извле-

чспія ея,—но все таки нажива по этой статьѣ осталась весьма крупной и вотъ въ какомъ отношеніи.—

Извѣстно, что послѣ наръзки земли, что было въ 1871 году, калмыки получили право сдавать излишекъ душевого надѣла въ аренду отдѣльными участками по своимъ общественнымъ приговорамъ на срокъ до двѣнадцати лѣтъ. Такіе приговоры приводились въ исполненіе не иначе, какъ послѣ „разсмотрѣнія законности ихъ попечителемъ улуса и санкціи главнаго пристава“. Вотъ въ этомъ то и заключается главный секретъ. Секретъ же этотъ вполне будетъ понятенъ, когда мы скажемъ, что *калмыцкая земля сдавалась въ аренду отъ семи копѣекъ въ годъ за десятину подъ распаху и сѣнокосеніе, тогда какъ дѣйствительная стоимость той же десятины между крестьянами никогда не была ниже пятидесяти коп. въ годъ*. Пониженіе стоимости земли, разумѣется, было обратно пропорціонально личной доходности попечителей улуса. Но еще болѣе мы поймемъ суть секрета, когда узнаемъ, что попечители улуса, по соглашенію съ арендаторами, съ успѣхомъ реформировали единицу мѣры земли и казенныя 2400 сажень въ десятинѣ обратили въ 3600 саж. и такую мѣру земли называли *калмыцкой десятиной*. Что сами попечители улуса и арендаторы придумали такую мѣру, обративъ полторы десятины въ одну, того доказывать нечего, ибо извѣстно, что у калмыковъ, какъ у кочевого народа, не было понятія о мелкихъ измѣреніяхъ земли, а слѣдовательно не существовало и единицъ для опредѣленія общаго и частичнаго количества земельныхъ участковъ. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ между прочимъ и то, что во всѣхъ общественныхъ приговорахъ по поводу сдачи земли въ аренду калмыками не опредѣляется количество десятинъ таковой, а указываются границы участка—„отъ кургана такого то до другого кургана, отъ балки до дороги“ и пр. и затѣмъ уже сами арендаторы для нормировки платы добавляютъ отъ себя, что въ этомъ участкѣ „считается приблизительно столько до десятинъ“.

Добавивъ же къ установленію арендной платы за землю

и произвольному опредѣленію количества сажень въ десятины еще и исключительное право только попечителя улуса свидѣтельствовать договоры по сдачѣ земли въ аренду ¹⁾, мы не только поймемъ попечительскій секретъ извлеченія доходовъ въ свою пользу, но и сообразимъ приблизительную сумму таковыхъ, особенно, когда на основаніи достовѣрныхъ данныхъ добавимъ, что половина калмыцкой земли, т. е. около ста десяти тысячъ десятинъ ея, находится въ арендѣ,—но не крестьянскихъ обществъ, а отдѣльныхъ лицъ, съ коими гораздо легче вступать въ „интимныя соглашенія“. Результатомъ же такихъ соглашеній всегда было сильное давленіе на общество, сдающее землю, а также и пониженіе арендной платы до невозможнаго минимума... Что же тутъ удивительнаго, что не въ особенно еще далекомъ прошломъ Больше-Дербетскій улусъ представлялъ изъ себя для администраціи его обитывавую землю съ молочными рѣками и кисельными берегами, страну, въ которую всѣ стремились въ неложномъ упованіи „откормиться, обрости шерсточкой и сдѣлать запасецъ про черныи день“. Желанія эти, разумѣется, скрывались и на видъ выставлялась только необходимость поправить калмыцкимъ кумысомъ свое, разстроенное на службѣ, здоровье. Слушая рассказы объ этомъ, мнѣ невольно припомнился случай изъ служебной практики одного изъ лучшихъ генералъ-губернаторовъ Восточной Сибири, именно г. Сивельникова. Гвардейскій офицеръ, желавшій поправить разстроенные свои финансы, выхлопоталъ себѣ мѣсто исправника въ Иркутской губерніи. Извѣстно же, что сибирскіе исправники, до травли ихъ графомъ А. П. Игнатьевымъ, бывшимъ генералъ-губернаторомъ В. Сибири, получали не менѣе двадцати пяти тысячъ рублей въ годъ. Озвацимившемуся же съ мѣстными условіями службы гвардейцу показалось и это не-

¹⁾ По закону нотариусы не имѣютъ права свидѣтельствовать какіе бы то ни было письменные договоры калмыковъ съ кѣмъ бы то ни было. Обязанность эта возложена на попечителя улуса.

достаточными. Онъ узналъ, что горные исправники получаютъ гораздо больше и что золотопромышленники, кромѣ денегъ, даютъ еще „квартиру и полное содержаніе включительно до шампанскаго“... Соблазнительно... Соблазнившись же, гвардеецъ отправился къ генералу Сивельникову просить мѣста горнаго исправника. На вопросъ генералъ-губернатора, — что заставляетъ просителя забираться въ глушь и мѣнять высшую должность на низшую, ¹⁾— гвардеецъ краснорѣчиво началъ доказывать, что будто бы доктора совѣтуютъ ему пользоваться горнымъ воздухомъ, къ тому же онъ любитъ охоту и проч. въ этомъ же родѣ. Слушалъ, слушалъ г. Сивельниковъ неблицы исправника, и, не замѣтивъ въ нихъ ни слова правды, вынулъ изъ кармана кошелекъ, потрясъ имъ передъ носомъ гвардейца и внушительно проговорилъ: „неправда! Вотъ что манятъ васъ туда, а не горный воздухъ!“ Точно также попечителей улуса, какъ горныхъ исправниковъ, манятъ въ улусъ не калмыцкій кумысъ, а нѣчто другое, на основаніи чего и составилъ взглядъ на инородческое управленіе, какъ на воровское.

Итакъ земля составляла главную статью доходовъ попечителей улуса. Пользовались же ею они и искусно, и беззастѣнчиво. Вместе съ этимъ они не брезгали также и другими отраслями своего управленія, могущими приносить дары. Калмыцкая степь и ея обитатели представляли изъ себя въ этомъ отношеніи во истину классическую страну барановъ, замѣчательныхъ тѣмъ, что они, какъ характерно выразился Щедринъ въ одномъ изъ „Писемъ къ тетенькѣ“, „въ стрижкѣ ласковы“ (понятно не калмыковъ онъ имѣлъ въ виду) и послѣ оголенія вновь обрастаютъ съ изумительной быстротой. Кто будетъ ихъ стричь, къ этому вопросу они, повидимому, равнодушны, ибо знаютъ, что стрижка есть нѣчто неизбежное въ ихъ жизни. Какъ только они завидятъ, что впередъ грядетъ чело-вѣкъ стригущій и брѣющій, то подгибаютъ подъ себя ноги

¹⁾ Должность горнаго исправника ниже двумя классами должности земскаго исправника.

и жуты, подгибать же ноги калмыкамъ приходилось всякій разъ, когда наѣзжали въ нихъ стойбища улусные чины. Стриглись они и за избавленіе отъ казарменнаго сидѣнья, и за измѣненія въ ранѣ сдѣланныхъ показаніяхъ по тому или другому уголовному дѣлу, и за уничтоженіе протоколовъ, и за неотбываніе почтовой говьбы, и за несвоевременный сборъ на сходку, и за чуму, и за пруса—словомъ, варіаціи предлоговъ къ стрижкѣ были самая многостороннія и многообразныя и всецѣло зависѣли отъ творческой изобрѣтательности попечителей, ихъ помощниковъ и всѣхъ другихъ, имѣвшихъ оффиціальное сопрیکосновеніе съ калмыцкими дѣлами. Бралось же всемізъ—и скакунами, и рысаками, и деньгами, и баранами, и мерлушками, брались даже части подожденнаго барана. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно прославился вѣкто О. Калмыки и теперь безъ смѣха не могутъ вспомнить, какъ этотъ помощникъ попечителя улуса, вѣзжая въ хотонъ (поселеніе), всегда и неизмѣнно выкрикивалъ: „сію же минуту рѣзать барана! Передокъ сварить, а задокъ и кожу въ тарантасъ живо!“ И его безпрекословно слушались. Но болѣе всего приходилось платиться калмыкамъ за почтовую говьбу, чуму и пруса. На этихъ „дѣвахъ“ калмыцкой жизни мы пока и остановимся.

Кажется до семидесятихъ годовъ въ калмыцкой степи не было обывательскихъ станцій, устроенныхъ въ опредѣленныхъ пунктахъ улуса, какъ то есть теперь. Попечитель улуса, равно какъ и всѣ чины, имѣвшіе право „разѣздовъ“ по улусу на обывательскихъ лошадяхъ, предъ поѣздами своими обыкновенно послали впередъ верховныхъ казаковъ съ приказами о заготовкѣ лошадей въ мѣстахъ, кон предполагалось „обозрѣть“. Нужно замѣтить, что у калмыковъ не было ни збруи, ни навыка къ упряжкѣ лошадей, ни умѣнья править ими (даже и въ настоящее время имѣющихся не у многихъ). Лошади же, какъ совершенно дикія, плохо поддавались неуѣдлымъ уселіямъ калмыковъ втянуть ихъ въ оглобли и запрячь. Поэтому проѣздъ разныхъ чиновъ по улусу былъ

истиннымъ мученіемъ и для калмыковъ, и для ихъ лошадей. И сами калмыки, и ихъ дикія лошади доходили до изнеможенія и только послѣ этого измученныя и „замордованныя“ лошади позволяли надѣть на себя хомутъ и впрячь въ тарантасъ. Случалось и такъ, что попечитель почему либо не пріѣзжалъ въ хотонъ въ назначенное время; тогда лошади оставались въ ожиданіи проѣзда по нѣсколькимъ днямъ въ хомутахъ. Но вотъ начальство нагрянуло... началась возня запряжки лошадей неумѣлыми людьми... Крикъ... безтолковая суетня... Плеть по конямъ... плеть по калмыкамъ... зуботычины... немолкаемая ругань... Но и это еще не бѣда... тарантасъ, такъ или иначе, все таки тронется съ мѣста... Горе же въ томъ, что чиновникъ легко могъ на первыхъ же двухъ-трехъ верстахъ бездорожной ѣзды загнать тройку лошадей на смерть или же запалить ее, т. е. сдѣлать нивкуда негодной, чѣмъ и причинить убытокъ минимумъ въ полтораста рублей, да кромѣ того и наложить совершенно на законномъ основаніи штрафъ въ нѣсколько рублей за „дачу негодныхъ въ гоньбѣ лошадей.“ И приходилось бѣднякамъ „умасливать“ начальство и тѣмъ спасать свои спины отъ плетей и своихъ лошадей отъ гибели. Не менѣе начальства разоряли калмыковъ и казаки. Разъѣжая по улусу съ приказами и для дозора, казаки велѣли сдѣлать себѣ не тѣхъ лошадей, какихъ давали имъ калмыки, а лучшихъ изъ табуна. Калмыки по опыту знали, что значило такое требованіе и къ чему оно клонилось. Въ сущности казаку было все равно, какую лошадь ни дали бы ему, лишь бы она не была клячей, если же онъ и требовалъ лучшаго коня, то потому лишь, что зная, что калмыки будутъ откупаться отъ выдачи хорошей лошади, иначе ей грозила опасность быть испорченной, устранить же это можно было только путемъ подачекъ казакамъ.

Для выѣздовъ попечителей улуса и ихъ помощниковъ изъ улусной ставки калмыками куплено было двѣ тройки упряжныхъ лошадей, збруя, экипажи, да кромѣ того на фуражъ лошадей и содержаніе збруи и экипажей въ порядкѣ

ежегодно платилось попечителю до 1800 рублей въ годъ, которые почти цѣликомъ и поступали въ его карманъ, ибо для выпаса лошадей отводилась еще и „кутина“, т. е. заливной лугъ на берегу р. Ягурлыка, рази́ромъ около ста десятинъ. Лугъ этотъ помимо того, что доставлялъ годовой запасъ сѣна, давалъ еще и доходность до двухъ сотъ рублей въ годъ, которые и шли на покрытiе расходовъ по найму ямщиковъ. Эту статью дохода попечитель улуса потерялъ только въ 1889 году, потому, что она *поправилась* войною и онъ постарался обратить ее въ свою личную пользу.

Благословляли попечители улуса и пруса, истреблявшаго кормъ и хлѣбъ на калмыцкихъ степяхъ. Всегда, изъ года въ годъ, въ концѣ мая и въ июнѣ мѣсяцѣ, когда прусъ бываетъ еще не на полетѣ, попечитель улуса дѣлалъ распоряженiе объ уничтоженiи его, для чего и приказывалъ собираться массамъ калмыковъ въ мѣстахъ появленiя пруса. Способъ истребленiя пруса практиковался и практикуется до сихъ поръ такой. Даются метлы и лопаты деревянные и желѣзные; роется канава и калмыки метлами подгоняютъ пруса къ канавѣ, лопатами загребаютъ въ нее и затѣмъ закрываютъ землей. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ есть солома, таковая разстилается по землѣ и на нее метлами же и лопатами заговяется тотъ же прусъ. Когда онъ въ достаточномъ количествѣ соберется на разостланной соломѣ, ее зажигаютъ. Кажется, все дѣлается несложно, просто, не обременительно и безъ особенной затраты физическаго труда. Такъ кажется,—на самомъ же дѣлѣ уничтоженiе пруса есть одна изъ тягчайшихъ для калмыковъ повинностей. Во первыхъ, сгоняется почти все правоспособное въ смыслѣ физическаго труда населенiе даннаго рода, въ участiѣ котораго появился прусъ, а во вторыхъ, и самое главное, калмыкамъ во время работъ по истребленiю пруса рѣшительно нечего ѣсть. „жить же на прусѣ“ приходится недѣлю и болѣе. Объяснимъ это послѣднее. По условiямъ веденiя своего хозяйства калмыки лѣтомъ питаются только молочной пищей; хлѣба у нихъ нѣтъ. Слѣдовательно, идя

на работу вдаль от хотона, они, если не желаютъ быть голодными, должны забирать съ собой все свое хозяйство, иначе говоря, кочевать вслѣдъ за двигающимся прусомъ, что, разумѣется, невозможно. Но невозможно также и оставаться безъ пищи—поэтому, во избѣжаніе голода, они и покупаютъ овецъ и коровъ, что, какъ повседневная пища, очень дорого обходится и не по средствамъ народу. Затѣмъ у калмыковъ нѣтъ ни бочекъ для возки воды, ни колодцевъ, изъ которыхъ по близости можно было бы брать воду, въ силу чего имъ и приходится платить по два и болѣе рублей въ день за доставку воды. Все это вмѣстѣ взятое заставляетъ бѣдняковъ быть волкомъ во время работъ по уничтоженію пруса и искать средствъ такъ или иначе откупиться отъ пруса. Положимъ, Министерство государственныхъ имуществъ, по представленію улуснаго управленія чрезъ свое начальство, ежегодно отпускало по нѣскольку тысячъ руб. на расходы по истребленію пруса, но деньги эти расходовались на приобрѣтеніе орудій истребленія, т. е. на покупку лопатъ и метель, и платилось только по 20 копѣекъ въ день взрослому и по 10 к. малолѣтку, да и то деньги выдавались не во время производства работъ, когда онѣ дѣйствительно крайне нужны, а вдолгъ спустя, иногда даже зимой. Въ настоящее же время главный приравъ почему то счелъ необходимымъ уничтоженіе пруса обратитъ въ натуральную повинность, безъ всякой поденной за то платы изъ калмыцкаго общественнаго капитала, и тѣмъ самымъ лишилъ калмыковъ и тѣхъ крохъ, за кои они, въ надеждѣ расплаты по полученіи заработанныхъ денегъ, могли покупать въ долгъ чай и часть мяса. Лишеніе заработной платы сдѣлало то, что „бить пруса“ стало для калмыковъ самой тяжелой каторжной работой. Если въ силу этого распоряженія чины улуснаго управленія и потеряли кое что, то за то калмыкамъ надѣлась мертвая петля.

Еще хуже пруса для калмыковъ чума на рогатомъ скотѣ. Вопросъ о мѣрахъ прекращенія чумы въ калмыцкой степи весьма сложенъ и важенъ и намъ очень жаль, что въ настоящемъ очеркѣ

мы не имѣемъ возможности рассмотреть его подробно и по-невогѣ, дабы не расширять настоящаго очерка, должны ограничиться указаніемъ только на то, какъ улусная администрація и калмыки относятся къ ней. Дѣло въ томъ, что по требованію ветеринарныхъ врачей, требованію, основанному на узкомъ званіи своей книжной специальности, почему и игнорирующему мѣстныя условія борьбы съ чумой, улусная администрація, дабы получить похвалу начальства, что называется *эстетъ* калмыковъ, не принимая отъ нихъ ничего „въ резонъ“. Вся суть ветеринарныхъ мѣръ къ прекращенію чумной эпизоотіи сводится къ изоляціи больного скота отъ здороваго. Имѣющійся въ данномъ хотонѣ скотъ сбивается въ два-три стада 1) здоровыхъ, 2) подозрительныхъ и 3) явно чумныхъ. Для подозрительныхъ и явно чумныхъ устраиваются бумы и ветеринаръ ежедневно термометрируетъ скотъ. Дѣло же улусной полиціи состоитъ въ содѣйствіи ветеринару примѣнять къ скоту изоляціонныя мѣры, составлять протоколы о появленіи болѣзни, „сгонять“ народъ на работы по требованію ветеринара, — вообще исполнять „всѣ законныя требованія“ послѣдняго и привлекать къ отвѣтственности нарушителей ихъ.

Опять такія и въ дѣлѣ „уничтоженія чумы“, какъ и въ дѣлѣ „пруса“, все кажется несложнымъ и удобоисполнимымъ. Въ дѣйствительности же все до того сложно, трудно, перепутано и подъ часъ трагикомично, что калмыкамъ рѣшительно не подъ силу исполнить „законныя требованія“ ветеринаровъ, тѣмъ болѣе, что народъ ясно видитъ практическую непригодность предпринимаемыхъ мѣръ, неумѣлость самихъ ветеринаровъ и ихъ безмысленную придирчивость и въ связи съ этимъ убѣжденъ, и не безъ основанія на то, что собственныя, чисто народныя, добытыя въковымъ опытомъ способы изоляціи скота гораздо полезнѣе, разумнѣе и проще практикуемыхъ ветеринарами, — въ большинствѣ педантичными, казенно и притомъ узко-формальными въ примѣненіи къ дѣлу своимъ, лишённыхъ опыта и практической сметки, ветеринарныхъ зна-

ній ¹⁾. Въ этомъ именно и заключается рѣшеніе вопроса о причинахъ роковыхъ недоразумѣній между населеніемъ ветеринарами, влекущихъ за собой не только сильный ропотъ и страстную ненависть къ *мудрымъ* формалистамъ, но и болѣе активное высказываніе своихъ чувствъ къ нимъ; недоразумѣнія эти еще болѣе усиливаются отъ того, что народъ воочію убѣждается, что ветеринары положительно менѣе егдѣ свѣдуци въ дѣлѣ практически разумнаго примѣненія карантинныхъ мѣръ и ровно никакого вниманія не хотятъ обращать на мѣстныя благопріятныя для изоляціи условія и являются—не практиками, а учениками, вѣрными своимъ учебникамъ, не вносящими никакой личной инициативы въ дѣло борьбы съ чумой; народъ видитъ, что даже причины появленія и распространенія чумы изучаются ветеринарами по полицейскимъ протоколамъ и затѣмъ дѣлѣнѣйшая дѣятельность ихъ ограничивается только вставкой болному и здоровому скоту термометровъ; да и за послѣднее „скотскіе врачѣ“ принялись въ силу настойчиваго распоряженія о томъ г. ставропольскаго губернатора. Между тѣмъ чума въ степяхъ Ставропольской губерніи существуетъ искони. Калмыки, какъ тоже исконные скотоводы, хорошо ее изучили и не менѣе ветеринаровъ понимаютъ всю важность изоляціи больного скота отъ здороваго. Устраняютъ же они ее такъ. Замѣтивъ болѣзнь на скотѣ, сейчасъ же отдѣляютъ больныхъ отъ здоровыхъ. Первыхъ отгоняютъ внизъ балокъ, расположенныхъ въ глубь степи, а вторыхъ въ верховья, причемъ избираются балки, расположенныя такъ, чтобъ ложе ихъ было за вѣтромъ, а не противъ вѣтра, дабы послѣднимъ не заносилась чума въ здоровыя стада. Внизу же балокъ располагаютъ больной скотъ потому, чтобы сточной водой,—наружной и подпочвенной—не заразить водоносовъ. Павшихъ животныхъ калмыки ни мало не медля обдираютъ, варятъ мясо и ѣдятъ, но тѣмъ самымъ не разносятъ заразы, ибо и вете-

¹⁾ Мы говоримъ о тѣхъ ветеринарахъ, съ дѣятельностью которыхъ въ Ставропольской губерніи хорошо знакомы.

ривары признають, что прокипяченное мясо не содержитъ въ себѣ чумныхъ бактерій. Кожи также не ввозятся въ хотонъ, пока не признаются безвредными. Затѣмъ, по прекращеніи чумы, оставшіяся въ живыхъ скотъ выдерживаетъ сорокадневный карантъ и затѣмъ уже вгоняется въ обычныя мѣста пастбищъ и въ хотоны. Кажется калмыки дѣлають все какъ слѣдуетъ и въ своихъ мѣрахъ борьбы съ эпизоотіей не идутъ въ разрѣзъ съ требованіями ветеринаріи, тѣмъ болѣе, что незаселенная степь съ ея укромными уголками даетъ калмыкамъ полную возможность изолировать заболѣвшій скотъ, къ чему собственно и сводятся всѣ требованія ветеринаровъ при „борьбѣ съ чумой“. Такъ нѣтъ же, въ ветеринарныхъ учебникахъ ничего не сказано о калмыцкомъ способѣ „прекращенія чумы на рогатомъ скотѣ“. Значитъ, „нужно его похерить“. Условія же жизни калмыковъ таковы, что имъ нѣтъ возможности въ точности, даже относительной, исполнять требованія ветеринаровъ и улусной полиціи, относительно изоляціи скота по учебникамъ и полицейскому уставу. Во первыхъ, у нихъ не изъ чего строить загородей для загона скота. Дѣсь въ степи чрезвычайно дорогъ, денегъ же на покупку нѣтъ, ибо таковыя у нихъ отобраны распоряженіемъ главнаго пристава о вносѣ арендной платы въ улусное управленіе. Чтобы израсходовать изъ нихъ хоть копѣйку, нужно, какъ мы уже знаемъ, сначала просить о разрѣшеніи схода, затѣмъ получить разрѣшеніе, ждать, пока оно чрезъ четырнадцать дней войдетъ въ законную силу, потомъ собрать сходъ, написать приговоръ, отослать въ улусное управленіе, подождать утвержденія главнаго пристава, и тогда уже, по крайней мѣрѣ мѣсяца чрезъ полтора, получить деньги на расходы, т. е. ко времени, когда весь скотъ погибнетъ отъ чумы и будетъ составлено десятковъ, а то и болѣе протоколовъ о привлеченіи къ ответственности за неисполненіе законныхъ требованій ветеринаровъ и непринятіе своевременныхъ мѣръ къ прекращенію чумы... Во вторыхъ, по требованію ветеринаровъ, скотъ ежедневно утромъ долженъ быть привязанъ къ наколамъ для

термометраціи его. Легко требовать этого, исполнить же подчасъ физически невозможно. Веревокъ нѣтъ, паколовъ тоже; но это еще не бѣда, если бы скотъ у калмыковъ былъ домашній, а не дикій, никогда не знающій, что такое загонъ, армо, веревка для роговъ и пр... Такой скотъ еще кое какъ, съ трудомъ и усиліями многихъ людей, можно загнать въ загородъ, но ловить его, привязывать или, вѣрнѣе, прикручивать головой къ столбу и держать за хвостъ во время термометраціи,—настоящее мученіе, сопряженное даже съ опасностію для жизни. Перепуганная скотина до того рвется и мечется, что сравнительно плохую корову еле-еле могутъ поймать и привязать къ столбу человекъ пять-шесть калмыковъ, о быкахъ же и бугаяхъ нечего и говорить,—не только люди, но и верховыя лошади замучиваются, гонясь за ними по степи.—Словомъ, мученіе для всѣхъ невѣроятное, особенно въ лѣтніе знойные дни, когда воздухъ раскаленъ и жара невыносима. Одни только ветеринары, стоя подъ зонтиками, пронзающимъ на счетъ неумѣвіа калмыковъ сразу поймать разъяренную скотину и глубокомысленно рѣшаютъ вопросъ: „какъ же они воруютъ изъ стада, если здѣсь такъ холодно?“

Понятно, что при такомъ способѣ приготовления скота къ термометраціи, когда о спокойномъ его состояніи (только и возможномъ для измѣренія дѣйствительнаго состоянія температуры животнаго),—не можетъ быть и рѣчи, правильность отдѣленія здоровыхъ отъ больныхъ посредствомъ опредѣленія температуры организма болѣе чѣмъ сомнительна. Самый здоровый быкъ или корова напуганная, возбужденная гонкой и страхомъ, всегда имѣетъ выше тридцати семи градусовъ теплоты и рѣдко ниже 40°. Имѣя же показателемъ такую высокую температуру, ветеринары большинство здоровой скотины причисляютъ къ заболѣвающимъ, держатъ въ базарѣ или отдѣльныхъ стадахъ, а если есть разрѣшеніе убивать, то немедленно же и убиваютъ. При этомъ при оцѣнкѣ убиваемаго скота ветеринары, воображая, что стоятъ „на стражѣ интересовъ казны,“—просто смеются надъ калмыками. Другого слова,

какъ „*смѣются*“, я не могу подыскать для опредѣленія побужденій ветеринара или попечителя улуса, обвиняющаго корову въ одну *копѣйку*, а это фактъ, многимъ въ улусѣ извѣстный. Все это вмѣстѣ взятое, т. е. чума и въ связи съ ней ветеринары и попечители улусовъ, заставляютъ калмыковъ *искома всячески*хъ *способовъ скрыть чуму*, самимъ бороться съ ней и заявлять о ней тогда, когда она уже на „*исходѣ*“, т. е. когда новыхъ заболѣваній среди животныхъ не предвидится. Дабы не имѣть дѣла съ ветеринарно-полицейской заботливостью о „*благополучіи скота отъ чумы*“, калмыки и даже русскіе скотоводы, выпасывающіе свой скотъ на калмыцкой степи, практикуютъ даже такую крайнюю мѣру, какъ умышленное распространеніе чумной заразы между всѣми стадами заразъ. Для этого обдираютъ кожу павшаго отъ чумы животного, намазываютъ ее солью, перемѣшанной съ кровью, и даютъ лизать здоровому скоту, который отъ этого быстро и заражается чумой. Изъ зараженнаго такимъ способомъ скота падаетъ въ общемъ не болѣе тридцати процентовъ, остальной же выздоровливается. Затѣмъ, когда чума начнетъ прекращаться, хозяева скота, если не могутъ избѣжать огласенія распространенія эпизоотіи въ ихъ стадахъ, дабы избѣжать ответственности за „*скрытіе чумы*“,—по необходимости заявляютъ улусному управленію о *появленіи чумы*. Въ результатѣ свидѣтельствующаго по такимъ заявленіямъ ветеринарами скота почти всегда является донесеніе, что у такого то „*скотъ зараженъ чумой въ слабой формѣ*“. Суть же дѣла остается скрытой...

Не менѣе тяжела для калмыковъ и обязанность натурой отбывать „*карантинную повинность*“. Тяжела опять таки потому, что калмыкъ, оторванный на болѣе или менѣе продолжительный срокъ отъ кибитки, по условіямъ своего хозяйства, обрекается на голодъ. Въ его хозяйствѣ нѣтъ продуктовъ, кои онъ могъ бы брать съ собой, отлучаясь изъ дому. И поневолѣ приходится ему брать съ проѣзжихъ черезъ карантинъ хлѣбъ, сухари, гроши и пр., иначе онъ умеръ бы съ голода. Понятно, что находясь въ такомъ положеніи, калмыкъ, какъ карантин-

ный стражникъ, не только не полезенъ, но прямо вреденъ. Ранѣе, когда главный приставъ не запрещалъ калмыкамъ лично пользоваться доходами съ земли, карантинные стражники получали отъ общества определенное жалованье—до пятнадцати рублей въ мѣсяцъ—на которое и могли существовать, находясь внѣ своей кибитки. Теперь же у нихъ нѣтъ къ тому возможности, почему они въ сильной степени и злоупотребляютъ правомъ пропуска чрезъ карантинъ всего того, что способствуетъ не прекращенію, а развитію чумы, за что, разумѣется, и платятся.

Но самой настоящей дойной коровой для попечителей улуса и вообще улусной администраціи служили арендаторы калмыцкой земли. Помимо „платъ“ за засвидѣтельствованіе контрактовъ и невѣдливость въ сдѣлкахъ съ калмыками, арендаторы не только платили ежегодный „оброкъ“ за разныя содѣйствія, но являлись еще, какъ характерно выражаются мѣстные обыватели, „поставщиками дворовъ ихъ степныхъ высокоблагородій“, т. е. во время поѣздокъ въ г. Ростовъ на Дону привозили оттуда все, что „нужно было по дому“. Предлоговъ же и поводовъ къ „воспріятію даровъ“ было много—и чума, и безбилетные рабочіе, и отправка „непокорныхъ изъ нихъ“ по этапу, и „прихватъ“ земельки въ большемъ, чѣмъ сказано въ контрактѣ, количествѣ и пр. и пр. Для улусной же администраціи „всякое даданіе было благо и всякъ даръ совершенъ“...

Итакъ, улусная администрація ни въ коей мѣрѣ и ни въ какомъ отношеніи не ограждала интересовъ калмыцкаго населенія и не служила, какъ то слѣдовало бы, противовѣсомъ склонности войновъ къ эксплуатаціи подвластнаго имъ народа, а заботилась только о приумноженіи личныхъ своихъ статей дохода. Если же со стороны, такъ сказать, чисто экономической, попечители соблюдали только свои выгоды, то, быть можетъ, они заботились такъ или иначе о развитіи народа, старались сблизить калмыковъ съ русскимъ населеніемъ, приохочивали кочевниковъ къ занятію земледѣліемъ, къ осѣд-

лой жизни и „способствовали усвоению народомъ русскаго быта“? Отнюдь нѣтъ....

Положимъ, въ Больше-Дербетскомъ улусѣ есть школа для калмыцкихъ дѣтей. Существуетъ она уже давно. Въ періодъ нашего знакомства съ нею обученіе въ ней шло недурно и велось опытнымъ въ своемъ дѣлѣ учителемъ. Несмотря на это, она все таки положительно бесполезна для калмыковъ, существуетъ точно какой то придатокъ къ канцеляріи улуснаго управленія и ни въ какой мѣрѣ не удовлетворяетъ желанію народа обучать своихъ дѣтей. Суть въ томъ, что „улусная школа для калмыцкихъ дѣтей“ находится не *въ улусѣ*, т. е. не среди калмыцкихъ поселеній, какъ то слѣдовало бы, а *въ селѣ Ивановкѣ*, т. е. совершенно вдаль отъ хотоновъ, почему и является уродливымъ продолженіемъ канцеляріи попечителя улуса и помѣщается въ одной съ нею квартирѣ.

Условія существованія калмыцкой школы таковы: на содержаніе ея съ учителемъ и наймомъ квартиры тратится болѣе тысячи рублей въ годъ. Въ счетъ этой суммы входитъ и плата десяти пансіонерамъ, по пяти рублей въ мѣсяцъ за учебное время, которые и выдаются учителю для расплаты съ хозяевами квартиръ, въ конхъ ученики помѣщаются и кормятся. Изъ этихъ же пяти рублей должна быть соблюдена и экономія на покушку бѣлья и обуви.

Весь расходъ на школу покрывается въ процентовъ калмыцкаго общественнаго капитала. Расходъ же этотъ настолько значителенъ, что калмыцкая народная школа, пойдяному, должна быть вполне обезпечена и не нуждаться ни въ выборѣ учителя, ни въ учебныхъ и педагогическихъ пособіяхъ. Такъ оно и есть въ дѣйствительности и школа эта была бы, какъ говорится, биткомъ набита калмыцкими дѣтьми, если бы она помѣщалась не въ селѣ Ивановкѣ, а гдѣ либо среди калмыцкихъ жилищъ. Существованіе же школы не на своемъ мѣстѣ положительно лишаетъ калмыковъ возможности пользоваться ея услугами, что вполне и понятно. Во первыхъ,

для обученія въ ней дѣтей нужны средства на наемъ квартиръ, таковыхъ же у общинальных калмыковъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ у значительнаго большинства; во вторыхъ, отдаленность мѣстопребыванія школы въ значительной степени расхолаживаетъ желаніе калмыковъ отдавать своихъ дѣтей „въ школьную учебу“. Въ силу этихъ то главныхъ причинъ въ улусной школѣ изъ года въ годъ учится только десять мальчиковъ, единственно благодаря тому, что они получаютъ по пяти рублей въ мѣсяцъ. Кромѣ же стипендіатовъ, другихъ учениковъ нѣтъ и не было и школа совершенно опустѣла бы, если бы уничтожены были стипендіи... Въ то же время совсѣмъ другое было бы дѣло, если бы школа существовала въ улусѣ гдѣ либо среди калмыцкихъ жилищъ. Своихъ дѣтей калмыки очень охотно обучаютъ грамотѣ, понимаютъ пользу ея и сознательно ропщутъ на волю начальства, de facto лишившаго ихъ возможности пользоваться улусной школой... Но на ропотъ ихъ никто ровно никакого вниманія не обращалъ. Мало этого,—настоятельное желаніе калмыковъ перевести школу изъ села Ивановки въ центръ своихъ поселеній безпривично игнорируется. Такъ еще въ 1891 году на улусномъ сходѣ, по собственной инициативѣ калмыковъ и по ихъ настойчивому требованію, составленъ былъ общественный приговоръ о постройкѣ училища внутри стойбищъ; но приговору этому „не дали хода“ и онъ гдѣ то завалился между дѣловыми бумагами. Приговоромъ этимъ, очевидно, кто то недоволенъ и почему то (быть можетъ въ видахъ высшихъ какихъ либо административныхъ соображеній) тормозитъ дѣло перенесенія школы въ то мѣсто, гдѣ ей давнымъ давно слѣдовало бы быть. Но почему именно главный приставъ держитъ приговоръ о школѣ на своемъ письменномъ столѣ, трудно и даже невозможно понять... Не понимаютъ этого и также удивляются и калмыки и терпѣливо ждутъ конца „разъясненій недоразумѣнія“, а вслѣдъ за этимъ и осуществленія своего насущнаго и во всѣхъ отношеніяхъ законнаго желанія имѣть свою шко-

лу у себя, а не въ селѣ за нѣсколько десятковъ верстъ отъ своихъ кочевій.

Насколько трудно калмыкамъ отдавать своихъ дѣтей въ существующую школу, между прочимъ безошибочно можно судить и по тому, что даже и тѣ *десять* счастливицевъ, кои получаютъ по пяти рублей въ мѣсяцъ, поступаютъ въ училище не путемъ добровольной отдачи въ него родителями своихъ дѣтей, а *изъ силу попечительскихъ приказовъ*. Последняго отнюдь не могло бы случиться, если бы школа существовала въ улусѣ, а не въ селѣ... И нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Ивановской школѣ, дабы имѣть всегда „полный комплектъ учениковъ“, *т. е. десять*, одни и тѣ же школяры, такъ или иначе, „удерживаются въ классахъ“ по нѣскольку лѣтъ подрядъ безъ всякой къ тому нужды въ смыслѣ успѣховъ обученія; случается и такъ, что обученіе въ школѣ прекращается только женитьбой ученика. За все время существованія школы въ с. Ивановкѣ, на сколько мнѣ извѣстно, только три ея ученика *были особо приготовлены* въ Уладовскую учительскую семинарію, одинъ въ Тифлисскую Михайловскую фельдшерскую школу и три въ Ставропольское духовное училище. Случилось это потому, что нужно же было, хотя изрѣдка, посылать учениковъ на стипендіи, ежегодно вносимыя калмыками въ эти учебныя заведенія, исключая духовнаго училища, въ которое присланы были „камычата“ *по особенному желанію* бывшаго ставропольскаго епископа Германа. Къ слову сказать, всѣ эти стипендіаты окончили курсъ тѣхъ учебныхъ заведеній, въ кои были отданы. Два изъ нихъ были потомъ, хотя и кратковременно, учителями въ улусной школѣ. Но ихъ не сумѣли и не захотѣли ни приохотить къ службѣ, ни удержать на ней. Напротивъ—пребрежительнымъ отношеніемъ къ нимъ, какъ калмыкамъ, отношеніемъ съ высоты своего начальническаго величія, оттолкнули отъ школы. Послѣ учительства одинъ изъ нихъ и до сихъ поръ служитъ родовымъ старшиной, а другой былъ родовымъ же писаремъ.

Если же въ улусной школѣ таково количество обучающихся, то понятно, что не можетъ быть и рѣчи о вліаніи этой школы на калмыцкое населеніе, равно и о развитіи русской грамотности среди него. Въ этомъ отношеніи значеніе училища сводится къ нулю и нѣтъ ничего удивительнаго, что калмыкъ, вышедшій изъ него, пишетъ не „квитанція“, а „капитанція“... Совсѣмъ иначе поставлено дѣло обученія калмыцкихъ дѣтей ихъ родной грамотѣ. Знающихъ ее очень значительный процентъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что половина населенія улуса знаетъ калмыцкую грамоту. Объясняется это тѣмъ, что при каждомъ хурулѣ есть школа, въ которой галюны (духовныя лица) охотно и безвозмездно обучаютъ калмыцкихъ дѣтей грамотѣ. Не лишне замѣтить и то, что школы эти существуютъ внѣ закона и официальныхъ лицъ пока не касаются ихъ.

Итакъ, „школьное дѣло“ среди калмыковъ не развивается, а напротивъ—какъ будто бы тормозится. Слѣдовательно, мы считаемъ себя въ правѣ замѣтить, что забота о развитіи грамотности, а въ связи съ нею и о просвѣщеніи калмыцкаго народа, по меньшей мѣрѣ игнорируется попечителями улуса и ихъ начальствомъ...

Не въ лучшемъ положеніи находится и забота администраціи о „пріохочиваніи“ калмыковъ къ занятію земледѣліемъ.

Мы уже упоминали, что калмыки Больше-Дербетскаго улуса едва только ступили на путь земледѣльческой культуры и къ обработкѣ земли пока еще не имѣютъ ни навыка, ни особенной охоты, ни средствъ, ни самаго необходимаго сельскохозяйственнаго инвентаря. У массы населенія нѣтъ ни плуговъ, ни боронъ, ни быковъ или же лошадей, приученныхъ къ плугу. Калмыцкіе же культуртрегеры, начиная съ попечителя улуса и кончая главнымъ приставомъ, на все это не обращаютъ рѣшительно никакого вниманія, не признаютъ никакой постепенности въ дѣлѣ обученія земледѣльческому труду, ухватились за „общественныя запашки“, какъ за нѣчто

красное и громкое на страницахъ разныхъ отчетовъ и вслѣдствіи стараются о созданіи такихъ „запашекъ“. Къ счастью, хлопоты о созданіи общественныхъ запашекъ ограничиваются пока еще чисто канцелярской перепиской, почему и безжизненны, и безрезультатны. Обыкновенно осенью и весной, предъ началомъ пахоты, пишутся родовымъ старшинамъ строжайшіе приказы „распахать не менѣе пятнадцати десятинъ земли“... „иначе привлечены будете къ законной и строгой отвѣтственности“... и... дѣлу конецъ. Но какъ распашать, чѣмъ обсмѣнять... этого, какъ малозначащаго дѣла въ глазахъ попечителя улуса и главнаго пристава, никто не касается. Насколько же трудно калмыцкому народу исполнять такіе „строжайшіе приказы“, можно судить, между прочимъ, уже по одному тому, что калмыки, дабы избавиться отъ „строгой отвѣтственности по закону“ за неисполненіе требованія „произвести общественную запашку“, не имѣя никакой возможности произвести ее своими силами, нанимаютъ русскихъ и за распашку земли и посѣвъ хлѣба платятъ имъ втридорога. Мѣстные власти знаютъ это, но „не обнаруживаютъ“, что собранный съ такой „общественной запашки“ хлѣбъ обходится калмыкамъ болѣе, чѣмъ въ пять разъ дороже противъ существующей цѣны, ибо онъ убирается и молотится также русскими руками. Отсюда понятно, что такіе „общественныя запашки“ ложатся тяжелымъ бременемъ на калмыковъ, являются одной изъ тягчайшихъ „натуральныхъ повинностей“, причиняютъ несомнѣнные убытки и, что главное, отвращаютъ народъ отъ плуга, ибо каждый изъ боязни, что, какъ общественника, его заставятъ пахать „на общественной нивѣ“, не рѣшается обзавестись собственнымъ плугомъ и бороной, а норовитъ войти въ соглашеніе съ крестьяниномъ даже на самыхъ убыточныхъ для себя началахъ, но лишь бы его руками и скотомъ обработать свой пай, т. е. ключокъ земли. Впослѣдствіи мы увидимъ, что попечители улуса разными своими распоряженіями, побуждающими калмыковъ къ занятію земледѣліемъ, скорѣе убиваютъ, а не развиваютъ земледѣльческую культуру среди

окупаемаго ими народа и въ сильной степени замедляютъ усвоеніе калмыками русскаго быта и связанную съ нимъ перемѣну образа жизни. И если калмыцкій народъ дѣйствительно находится наканунѣ преобразованія гражданскаго своего строя, то такое должно начаться съ корня, т. е. съ радикальной реформы инородческаго управленія, цѣлымъ столѣтіемъ доказавшаго и притомъ вполне всю практическую свою непригодность для народа... Въ настоящее время управленіе калмыцкимъ народомъ среди общихъ нашихъ административныхъ управленій представляетъ какую то археологическую рѣдкость, сохранять обособленность которой равносильно обреченію калмыковъ на вѣрный изморъ и въ нравственномъ, и въ экономическомъ отношеніи. До сихъ поръ калмыки, пока, чужды страсти къ кляузничеству, но упорное преслѣдованіе и стѣсненіе ихъ правъ распорядиться землей и пользоваться доходами съ нея вынуждаетъ уже заниматься и этимъ дѣломъ. А жаль! путь кляузничества скользокъ... Но что же дѣлать? Дети не плачутъ—мать не разумѣетъ... Не можетъ же быть, чтобы калмыки вотще надѣялись на то, что плачь ихъ будетъ услышанъ...

VI.

Разсмотримъ теперь юридическія права калмыковъ на занимаемую ими землю, способы пользованія ею и послѣдствія вмѣшательства главнаго пристава и попечителя улуса въ права народа на пользованіе своими земельными надѣлами.

Извѣстно, что въ 1771 году калмыки, не желая подчиниться вмѣшательству русскихъ въ ихъ жизнь и административный строй управленія, подъ предводительствомъ *Убуши-хана* вздумали убѣжать, какъ выразился г. Завалишинъ, въ „Великую Татарію“, т. е. въ Монголію. Но снявшаяся съ при-

вожскихъ степныхъ кочевій орда не вся достигла предѣловъ Монголіи; часть ея возвратилась на прежнія мѣста и возбудила вопросъ о своемъ правѣ на владѣніе тѣми же землями, на которыхъ привольно кочевала до ухода изъ Россіи. На основаніи этого ходатайства въ 1780 году послѣдовало правительственное распоряженіе, конемъ повелѣвалось „отвести калмыкамъ всѣ тѣ земли, на которыхъ до ухода ихъ въ Китайскую Имперію предки ихъ имѣли кочевье“. Получивъ такое распоряженіе, мѣстная, т. е. астраханская, администрація затруднилась выполнить его потому, что калмыкамъ съ точностію никогда отвода земель дѣлаемо не было, что на многихъ изъ этихъ земель поселились уже казенные и помѣщичьи крестьяне и что безъ разоренія тѣхъ селеній отвести калмыкамъ прежнія земли невозможно. Причины эти, выставленныя астраханскимъ начальствомъ, петербургскимъ властямъ показались удовлетворительными и заслуживающими вниманія, въ силу чего указомъ 12 іюня 1803 года и поручено было астраханскому губернатору, князю Циціанову, „обозрѣть чрезъ особаго чиновника земли, занимаемыя кочевьями калмыковъ и представить о нихъ подробныя свѣдѣнія ¹⁾“.

Обозрѣніемъ калмыцкой степи, по счастливому выбору князя Циціанова, занимался генералъ-маіоръ Завалишинъ.

Въ результатѣ изслѣдованія Завалишина оказались настолько важными, что всецѣло на основаніи ихъ издано было 19 мая 1806 года Высочайше утвержденное положеніе объ отводѣ калмыкамъ земель. Самыя же изслѣдованія и „предположенія“ г. Завалишина вошли въ составъ Полнаго Собранія Законовъ въ видѣ приложения къ указу 1806 года ²⁾.

Такимъ образомъ указъ 1806 года былъ первымъ властнымъ правительственнымъ актомъ въ дѣлѣ признанія и упо-

¹⁾ Свѣдѣнія эти заимствованы изъ Пол. Соб. Зак. Т. 1, 2 и 4.

²⁾ Записка г. Завалишина представляетъ изъ себя весьма цѣнный матеріалъ по исторіи первоначальнаго пребыванія калмыковъ въ приволжскихъ степяхъ.

рядоченія правъ калмыцкаго народа на кочевья его въ *известныхъ* предѣлахъ обширнѣйшаго нашего приволжскаго степного пространства.

Изъ положенія 19 мая 1806 года видно, между прочимъ, что, обезпечивая права калмыковъ на кочевку въ *известныхъ* гравяцахъ степного пространства, правительство, въ тоже время и тѣмъ же положеніемъ, однако, не дало имъ *права* на неотъемлемое, исключительное владѣніе земель, отведенной подъ кочевья. Напротивъ, ово въ ясно выраженной формѣ только *дозволяло* калмыкамъ Дербетскаго улуса кочевать въ указанныхъ имъ мѣстахъ, но не присвоивало имъ правъ собственности на эти мѣста. Мало этого, — и самое дозволеніе было, такъ сказать, съ неполнѣ милостивымъ ограниченіемъ. Такъ, пунктъ 7 и 8 положенія 1806 года калмыкамъ *запрещалось*, между прочимъ, *кочевать близъ рѣки Юурмака* (Ставропольской губерніи) *на мѣстахъ, удобныхъ для поселенія и изобилующихъ водою, равно и быть всегда готовыми къ уступкѣ земли на случай необходимости награды ея кому либо по высшему усмотрѣнію*. Иными словами, дозволялось кочевать вездѣ, но только на худшихъ мѣстахъ и въ то же время не забывать, что во всякое данное время кочевники могутъ быть согнаны со своихъ стойбищъ даже безъ предваренія о томъ; послѣднее для калмыковъ, какъ кочевого народа, считалось, повидному, лишнимъ. Но выходямъ изъ „Великой Татаріи“, калмыкамъ, какъномадамъ, чуждымъ понятія о земледѣльческой культурѣ, при изобиліи свободнаго степного пространства, не было нужды заботиться ни объ устраниеніи ограниченій правъ на землю, ни о закрѣпленіи правъ на пользованіе ею. Свободной, никѣмъ не занятой земли была масса, вольнымъ перекочевкамъ по всей громаднѣйшей степи астраханской губерніи никто не мѣшалъ, приволье было полное и о стѣсненіяхъ въ выборѣ мѣстъ для стойбищъ не могло быть и рѣчи, почему ни у кого изъ калмыковъ и не могло зародиться вопроса о закрѣпощеніи земли и о недопущеніи въ предѣлы кочевій иныхъ какихъ либо, кромѣ калмыцкихъ, по-

селеній. Вслѣдствіе же того, что земли для кочевковъ было болѣе, чѣмъ вдоволь, калмыки, въ первое время налива крестьянъ въ ихъ стени и захвата ими земель подъ свои поселенія, не обращали серьезнаго на то вниманія, на вырастающія поселенія крестьянъ смотрѣли со страхомъ и, не зная цѣны землѣ, не защищали своихъ правъ на нее. Будучи исконными кочевниками, калмыки, такъ сказать, временно цѣнили землю—только въ пору ея пригодности для выпаса скота, табунновъ лошадей и овецъ. По вытравленіи же корма земля въ ихъ глазахъ терала всякую цѣнность. Вытравивъ кормъ на одномъ мѣстѣ, калмыки переходили со своимъ скотомъ на другое, разойтись же было гдѣ и затрудненій къ перекочевкамъ не существовало. Все хозяйство номадовъ приволжскихъ степей состояло изъ скота, овецъ, лошадей и верблюдовъ. Всѣ постройки кочевника ограничивались немудрой по своему устройству войлочной кибиткой, въ которой онъ укрывался со своей семьей. Затѣмъ ни о какихъ загородахъ, загонахъ, запасахъ сѣна для своего скота калмыкъ не заботился. Климатическія условія степной части Ставропольской губерніи вполне благоприятствовали патриархальному способу веденія скотоводства. Только въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ являлись нѣкоторыя затрудненія для прокорма скота, который въ эту пору съ трудомъ и кое какъ могъ пользоваться подножнымъ кормомъ. Вообще же зимы бываютъ безснѣжны и рѣдкіе сильные холода случаются рѣдко, періодически, и держатся непродолжительное время, хотя пора ихъ и гибельна для скота. Но въ пору холодовъ и степныхъ бурановъ калмыки изъ открытой степи забравшись со своимъ скотомъ въ камыши, обильно росшіе въ лиманахъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Большого* и *Малого Бурукмуна*, затѣмъ по рѣкамъ: Маньчу, Ягурму, Калаусу, Башантѣ, Большой Джалгѣ и др. Кстати замѣтимъ, что эти громады заросли камыша теперь совершенно исчезли и только по р. Маньчу еще кое гдѣ попадаются жалкіе остатки ихъ. Въ такихъ затишьяхъ, какъ заросли камыша, скотъ съ удобствомъ защищался отъ вьюгъ, бурановъ и другихъ зимнихъ

невзгодъ. Словомъ, калмыки, какъ кочевники, по условіямъ веденія своего хозяйства, не только не нуждались въ одномъ какомъ нибудь опредѣленномъ клочкѣ земли, но не имѣли и возможности постоянно жить на одномъ и томъ же мѣстѣ, вслѣдствіе чего у нихъ, какъ истыхъ номадовъ, не было ни привязанности къ мѣсту, ни понятія о правахъ собственности на одно опредѣленное какое либо мѣсто, какъ то есть у земледѣльцевъ. Въ калмыцкой поговоркѣ: „гдѣ развелъ огонь, тамъ и жилище; гдѣ привязалъ коня, тамъ и пастбище“ весьма ярко и точно выразился взглядъ народа на права собственности на землю и его привязанность къ извѣстному мѣсту. Калмыкъ привязанъ только вообще къ мѣсту родины *всего своего рода* и племени, почему онъ и до сихъ поръ еще считаетъ Монголію *своей землей* и своими помыслами таготеетъ къ ней.

При такомъ взглядѣ на права земельной собственности понятно, что калмыки не считали нужнымъ дорожить тѣми окраинами своихъ степныхъ кочевій, кои захватывались крестьянами — выходцами подъ свои поселенія. Съ теченіемъ времени, когда наплывъ переселенцевъ въ вольныя степи не только захватилъ окраины ея, но проникъ и внутрь калмыцкихъ стойбищъ и заставилъ кочевниковъ сжаться, особенно въ предѣлахъ Ставропольской губерніи, калмыки начали „разбираться“ въ своихъ правахъ на землю и привались усиленно ходатайствовать объ огражденіи своихъ кочевій отъ вторженія въ нихъ крестьянскихъ поселеній, равно и о выясненіи, какъ и чѣмъ они могутъ пользоваться изъ числа занимаемой ими земли. Этотъ земельный вопросъ, какъ мы уже знаемъ, окончился только въ 1871 году, когда болѣе или менѣе положительно выяснены были права калмыковъ на извѣстныя земельныя дачи в составлены генеральныя планы послѣднихъ, благодаря чему у калмыковъ явилась возможность съ планомъ въ рукахъ во всякое данное время возстановлять границы своихъ владѣній на случай захвата кѣмъ либо части ихъ.

Какъ и съ какою выгодой для калмыковъ произведено

было размежеваніе земли, мы уже знаемъ (гл. II). Остается только сказать, что разверстка остатковъ калмыцкой степи между населеніемъ Больше-Дербетскаго улуса, оконченная въ 1871 году, была вторымъ послѣ 1806 года опредѣленнымъ и важнымъ правительственнымъ актомъ въ дѣлѣ выясненія и оформленія правъ калмыцкаго народа на занимаемую имъ землю. Но и этотъ актъ, точно такъ же, какъ и первый, не далъ калмыкамъ владѣльческихъ правъ даже на душевой земельный надѣлъ, оставивъ таковой только во временномъ пользованіи. Объяснить это можно тѣмъ, что положеніе 1806 г., установившее условность и временность правъ калмыковъ на землю, занятую ихъ кочевьями, всецѣло перешло потомъ и въ „Положеніе объ управленіи калмыцкими народами“, данное въ 1847 году, служащее и до настоящаго времени единственнымъ руководящимъ закономъ въ дѣлѣ административнаго управленія калмыками и опредѣленія ихъ правъ и привилегій. Этимъ положеніемъ категорически, между прочимъ, опредѣлено, что вся земля, занимаемая калмыками подъ ихъ кочевья, считается принадлежащей Министрству Государственныхъ Имуществъ, *калмыкамъ же она отводится только во временное пользованіе, безъ правъ собственности на нее.* Очевидно, что и по положенію 1847 года, какъ и по первому, т. е. 1806 года, калмыки должны были всегда быть готовыми къ оставленію тѣхъ или другихъ мѣстъ своихъ кочевій, разъ въ нихъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, являлась нужда, что народу съ большими неудобствами и потерями постоянно и приходилось испытывать вплоть до 1871 года. Мы уже говорили, что за этотъ періодъ времени калмыки волей-неволей должны были уступить болѣе трехъ четвертей своихъ кочевій на разныя и разныхъ лицъ и сословія надобности, безъ разбора правъ на захватъ земель. Положимъ, и актъ 1871 года также не далъ калмыкамъ владѣльческихъ правъ на землю, отведенную имъ въ видѣ душевого надѣла, но все-таки этимъ актомъ сдѣланъ весьма важный шагъ впередъ въ

дѣлъ приобрѣтенія народомъ правъ собственности на душевой надѣлъ на общинныхъ началахъ. Такое предположеніе съ увѣренностью можно основывать на томъ, что съ 1871 года земля отведена была калмыкамъ уже *не подъ изъ кочевья*, какъ то было ранѣе, а *подъ осѣдлыя поселенія* со строгимъ и точнымъ разграниченіемъ земельныхъ дачъ для каждаго отдѣльнаго рода, а не сплошь для всего населенія Больше-Дербетскаго улуса, равно и съ точнымъ же обозначеніемъ количества душевого надѣла, именно по тридцати десятинъ на каждую мужскую душу. Отсюда ясно, что разъ калмыки поселятся осѣдло на одномъ какомъ нибудь опредѣленномъ мѣстѣ въ предѣлахъ отведенныхъ имъ участковъ, то отведенная уже и занятая ими земля, во имя справедливости, не будетъ и не должна уже считаться *только во временномъ пользованіи калмыковъ*. Напротивъ, Министерство Государственныхъ Имуществъ навѣрно отчислитъ „калмыцкія дачи“ въ собственность этого народа на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ оно до сихъ поръ отчисляло принадлежащую ему землю разнымъ крестьянскимъ обществамъ. Затѣмъ, вслѣдъ за уступкой земли, хотя бы и въ общественную собственность, калмыки, естественно, должны будутъ перейти изъ вѣдомства Министерства Государственныхъ Имуществъ въ вѣдомство Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на общемъ основаніи съ прочими „свободными сельскими обывателями“. Но все это ожидается въ будущемъ, хотя, нужно полагать, и не далеко. Теперь же важно уже и то, что, благодаря отводу земли подъ осѣдлое поселеніе, калмыки тѣмъ самымъ болѣе или менѣе опредѣленно застрахованы отъ необходимости „быть всегда готовыми къ оставленію мѣстъ своихъ кочевій“, равно и отъ запрещенія селиться тамъ, гдѣ есть „удобныя для пастбищъ и изобилующія водоносныя мѣста“. Въ противномъ случаѣ пришлось бы разорять народъ, недавно начавшій кое какъ осѣдло устраниваться на любимыхъ имъ мѣстахъ, что, разумѣется, не можетъ быть допущено, какъ не допускалось даже и по отношенію къ крестьянамъ, съ 1771 года занявшихъ калмыцкія земли, по уходѣ части ордъ въ

Монголію, не допускалось потомъ и во все послѣдующее время, даже несмотря на самовольный захватъ переселенцами чужой земли. Въ настоящее время калмыкамъ остается сдѣлать еще одинъ рѣшительный шагъ, именно—прочно объ осѣдлаться на одномъ мѣстѣ, заняться земледѣіемъ и тогда земля, находящаяся теперь во временномъ ихъ пользованіи, навѣрное отчислится въ ихъ собственность.

Послѣднее соображеніе высказывается потому, что часто и всегда весьма неосторожно официальные лица, а вслѣдъ за ними и другія, выставляютъ на видъ калмыкамъ, что земля не ихъ, что имъ только позволяютъ временно пользоваться ею впредь до усмотрѣнія начальства и что потому они, калмыки, не имѣютъ права распоряжаться ею по своему произволу, извлекать изъ нея самостоятельно доходы и входить даже въ мельчайшія сдѣлки съ крестьянами относительно обработки доли или за деньги „даже пяди, даже ступни на десятины“...

Всѣ такіе и имъ подобныя „разъясненія правъ калмыковъ на отведенную имъ землю“, основанныя на личныхъ соображеніяхъ и выводахъ калмыцкаго начальства не только, какъ мы уже сказали, неосторожны, но и прямо вредны по своимъ послѣдствіямъ. Вредны потому, что, исходя изъ сравнительно авторитетнаго источника, въ сильной степени расколачиваютъ желаніе калмыковъ прочно и порядкомъ селиться на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ и тѣмъ окончательно объосѣдлаться. Боязнь, что ихъ согонятъ, что имъ укажутъ мѣсто не по ихъ желанію, а по выбору улусной администраціи, что „разсуютъ ихъ между крестьянами“, заставляетъ калмыковъ селиться кое какъ, кучками, разбросанно, не обставляя своихъ жилищъ необходимыми сельско-хозяйственными пристройками. Въ силу той же неувѣренности въ правѣ облюбовывать мѣсто для „осады“, калмыки даже къ постройкѣ избъ приступаютъ всегда нерѣшительно и осторожно, ибо у народа отвята увѣренность въ томъ, что они

собственники земли и не зависать от каприза... Что „дачи“ урѣжутъ, въ томъ успѣли уже увѣрить калмыковъ, хотя у увѣрявшихъ въ томъ не было положительно никакихъ къ тому оснований, кромѣ личныхъ недоброжелательныхъ, чтобы не сказать болѣе, соображеній... Соображенія же эти вызывались, между прочимъ, желаніемъ показать калмыкамъ все ихъ безправіе, зависимость отъ власти имущихъ и заставить чрезъ посредство застраиванія дѣлать то, что имъ велятъ. Но такіа стремленія достигали какъ разъ обратныхъ результатовъ, т. е. калмыки всячески противились выполнять начальническія предписанія. И если бы не сама дѣйствительность, съ ея ничѣмъ неустраннимъ требованіемъ хлѣба и одежды, конхъ обнищавшимъ калмыкамъ негдѣ взять, такъ какъ скотоводство и овцеводство окончательно пало, о коневодствѣ же сохранились только преданія,—то администрація излюбленными ею способами не заставила бы народъ забыть про невозвратное прошлое кочевой жизни; калмыки и до сихъ поръ остались бы кочевниками и переходъ ихъ къ другому образу жизни и занятіямъ не подвинулся бы ни на шагъ впередъ... Только нищета пригнула калмыковъ къ землѣ и если бы ихъ перестали „обучать“, то они несравненно охотнѣе взяли бы за плугъ и борону. Вѣрнымъ доказательствомъ послѣдняго могутъ служить родичи калмыковъ—*Сибирскіе Буряты*. Ихъ никто не принуждалъ къ осѣдлой жизни и занятію земледѣліемъ; между тѣмъ, въ Иркутской губерніи, исключая части тувкинскаго края, именно кочевій по вершинамъ Саянскаго хребта (Мондинскій, Гарганскій и Окинскій караулъ), нѣтъ ни одного бурята, который бы зимой не жилъ въ крестьянской избѣ, окруженной амбарами и сараями, и не занимался бы земледѣліемъ съ званіемъ дѣла и съ такимъ же усердіемъ, какъ и крестьянское сосѣднее съ нимъ населеніе, причемъ количество обрѣваемыхъ бурятами полей по разверсткѣ на души ничуть не меньше, чѣмъ у крестьянъ. Но въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія мѣстной администраціи вздумалось заставить бурятъ „разводить картофель“. Энергія со-

сторонѣ „чиновъ“ была потрачена масса, завелась огромная переписка ¹⁾, но... но никто изъ бурятъ не хотѣлъ вѣстись за посадку картофеля. Дѣлу не помогли ни угрозы, ни приведеніе ихъ въ исполненіе, ни приманки въ видѣ награжденія золотыми и серебряными медалями и почетными кафтанами... всѣ хлопоты администраціи привить картофельную культуру среди бурятъ не привели ни къ чему, кромѣ ропота противъ вводителѣй и даже „попытокъ къ бунту“. Затѣмъ, когда властямъ наскучило, наконецъ, возиться съ „этими невѣжественнымъ народомъ“ и „картофельная культура“ потеряла прелесть новизны, ведущей къ „отличкамъ за усердное выполненіе служебныхъ обязанностей“, буряты, оставленные въ повоѣ, вскорѣ сами, по своей волѣ начали садить и сѣять „ябала“, т. е. картофель, и въ огородахъ и въ полѣ, между посѣвами хлѣба. Въ восьмидесятыхъ же годахъ, какъ то лично извѣстно намъ, когда къ воспоминаніямъ о „картофельной повинности“ буряты начали относиться уже не зло, а иронически, они разводили „ябала“ (исковерканное русское слово „яблоко“) въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ крестьяне—сибиряки. Для большей ясности дѣла не нужно забывать и того, что буряты никогда не были подъ чьей либо особой опекой, у нихъ не было ни попечителей, ни главныхъ приставовъ, какъ то есть у калмыковъ; въ ихъ бытѣ никто не вмешивался и они давно уже, по собственной инициативѣ, сдѣлались осѣдлымъ и земледѣльческимъ народомъ. Калмыки же, несмотря на усиленную надъ ними опеку, и до сихъ поръ еще полукочевой народъ и занятіе земледѣліемъ у нихъ только въ зачаточной формѣ, хотя экономическій ихъ бытъ находится въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ у бурятъ. У послѣднихъ есть и рыбная ловля, и звѣроловство, и масса скота,—сладостительно, кромѣ земледѣлія есть, изъ чего добывать средства

¹⁾ Съ перепиской о «введеніи посѣва картофеля среди бурятъ» мы знакомы по архиву Тункинской ивородческой думы и отчасти Иднискій (Балаганскаго округа).

къ жизни, къ тому же и болѣе легкимъ трудомъ, чѣмъ распашка земли. У калмыковъ же вслѣдъ за обнищаніемъ, какъ послѣдствіемъ полнаго упадка скотоводства, кромѣ земли рѣшительно не къ чему приложить руки и не изъ чего извлекать доходы. Но какъ же съ охотой прикладывать къ землѣ руки, когда народъ пугаютъ тѣмъ, что она можетъ быть при случаѣ и отобрана отъ него? Не вѣрять же этимъ запугиваніямъ нельзя, ибо въ прошломъ много и часто приходилось на опытѣ узнавать послѣдствія непрочности своихъ правъ на землю и уступать насильственнымъ мѣстамъ разнымъ пришельцамъ... Отсюда ясно, что если желаютъ, чтобы калмыки сдѣлались вполне осѣлымъ народомъ и занялись бы земледѣліемъ, безъ чего они—погибшій народъ, то прежде всего и главнѣе всего слѣдуетъ закрѣпить за ними землю и дать имъ свободу распоряжаться ею на общинныхъ началахъ, а затѣмъ немедленно же избавить народъ отъ ненужной, но вредной опеки и слить его по его правамъ съ крестьянскимъ населеніемъ, дабы калмыки не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности были бы „свободными сельскими обывателями“, какъ они и наименованы въ законѣ 15 марта 1892 года.

Но все таки, если правительственный актъ 1871 года и не далъ калмыкамъ владѣльческихъ правъ на землю, а оставилъ ее только въ „пользованіи ихъ“, то все таки онъ важенъ для народа тѣмъ, что *земля отведена уже подъ осѣдлая поселенія*, разграничена и раздѣлена между отдѣльными родами, что и имѣло весьма важныя послѣдствія въ устройствѣ дальнѣйшаго экономическаго быта больше-дербетцевъ и заставило ихъ круто измѣнить строй своей жизни.

До 1871 года калмыки Больше-Дербетскаго улуса свободно перекочевывали съ мѣста на мѣсто въ предѣлахъ отведенной имъ степи и послѣдняя не загромождалась хуторами арендаторовъ, потому что ее нельзя было отдавать отдѣльными участками въ долгосрочную аренду. Со времени же разверстки земли между отдѣльными калмыцкими родами и съ ограниченіемъ количества ее расчетомъ по тридцати десятинъ на

душу, районъ кочевій поневогѣ долженъ былъ сузиться и войти въ точно опредѣленныя границы безъ права выхода за нихъ. Мало этого—калмыки потеряли право совмѣстнаго пользованія всей степью Больше-Дербетскаго улуса, каждый родъ началъ пользоваться только землей своей дачи. Слѣдательно, прежнее раздолье и свобода кочевать по выбору мѣновали. Нужда заставила избирать опредѣленныя мѣста для зимнихъ стоянокъ и на нихъ устраивать базы, т. е. ватныши для скота отъ зимнихъ вьюговъ и бурановъ. Возможность укрываться въ камышахъ также мѣновала, ибо вслѣдъ за заселеніемъ калмыцкой земли и распашкой ея камыши начали быстро исчезать. Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ заросли камышей видѣлись на многихъ лиманахъ и озерахъ, но затѣмъ изъ года въ годъ онѣ начали быстро исчезать. Въ настоящее же время существованіе калмыцкихъ притоновъ въ камышахъ отошло уже въ область мало вѣроятныхъ разсказовъ. Даже по побережьямъ рѣки Маныча, гдѣ прежде въ камышахъ водились дикіе кабаны, волки и лисцы, остался только жалкіе клочки одиноко торчащихъ камышинъ. Вообще степь совершенно оголилась, уже истощена, не покрывается, какъ то было ранѣе, невылазной травой, и калмыкамъ волеяневолей приходится обзосѣдливаться, браться за плугъ и соху и устраивать базы для скота. А такъ какъ базы послужили основой осѣдлости калмыковъ, ячейкой будущихъ поселеній, то и не безынтересно познакомиться съ устройствомъ ихъ, тѣмъ болѣе, что мѣста, на которыхъ они устроены, калмыки считаютъ уже неотъемлемой своей собственностью и дорожатъ ими, какъ крестьяне своими усадьбами.

Извѣстно, что населеніе калмыцкой степи, какъ и вообще степной полосы Ставропольской губерніи, совершенно лишеной древесной растительности, терпитъ большую нужду въ лѣсномъ матеріалѣ. Доставляется онъ или изъ Ростова на Дону, или же изъ г. Царицына, т. е. болѣе, чѣмъ въ триста верстъ, почему цѣнится очень дорого, и не всегда его можно достать въ желаемомъ количествѣ и желаемого сорта. Всякая

палочка, обломок доски сберегается, какъ нѣчто цѣнное и крайне необходимое въ хозяйствѣ. Такой ощутительный недостатокъ въ лѣсномъ матеріалѣ заставилъ степняковъ изыскивать средства для замѣны его чѣмъ либо другимъ, гдѣ къ тому представляется хотя малѣйшая, возможность. Матеріаломъ, во многихъ случаяхъ съ успѣхомъ замѣняющимъ бревно и доску, оказался *саманъ*, т. е. сырцовый кирпичъ, затѣмъ просто грязь, образующаяся послѣ дождей и смѣшанная съ соломой, и *курай* (степной бурьянъ), въ изобиліи растущій на распаханыхъ поляхъ.

Саманъ, какъ матеріалъ, сравнительно дорого стоящій и требующій искусства въ приготовленіи его, употребляется по преимуществу на постройку жилыхъ помѣщеній и только зажиточные люди устриваютъ изъ него сарай и конюшни. Обыкновенно же стѣны для хозяйственныхъ построекъ лѣпятся изъ дождевой грязи; загоны же для скота, называемые *базами*, дѣлаются еще проще. Нужная для загона площадь окапывается болѣе или менѣе глубокимъ ровомъ; края два обкладываются кураемъ, причемъ, дабы курай плотнѣе слепался и стѣны изъ него были бы устойчивѣе, каждый слой его приваливаютъ землей. У кого же есть въ излишкѣ солома, то такимъ же способомъ устриваютъ и изъ нея базы.

Устроенный такъ базъ, вышиной въ сажень, если и остается открытымъ сверху, то все таки, какъ „затишекъ“, служитъ хорошей защитой отъ зимнихъ непогодъ. Къ тому же и устройство база, какъ видимъ, не затѣйливо, дешево и требуетъ затраты только личнаго труда; матеріалъ же находится подъ рукой.

Постановленные въ необходимость прекратить кочевку по всей степи со своимъ скотомъ и лишившись камышей, какъ единственныхъ зимнихъ притоновъ, калмыки, какъ уже сказано, поневолѣ принялись за устройство базовъ. А такъ какъ базъ все таки не давался даромъ, а на устройство его нужно было затрачивать трудъ, то калмыкъ, разъ устроивъ

базы, уже не только не бросаетъ его, но и старается поддерживать и подновлять, чѣмъ и привязывается къ мѣсту устройства его, которое дѣлается въ силу затраты труда на него постояннымъ мѣстомъ жительства бывшаго кочевника.

Та же необходимость заставила калмыковъ пристраивать къ базамъ и *огороды* для склада сѣна, которое также понатребовалось имъ вслѣдъ за прикрѣпленіемъ кочевниковъ къ ограниченному клочку земли. Ранѣе, когда степь была „свободна“, калмыкамъ легко было разыскивать подножный кормъ для скота не только лѣтомъ, но и зимой. Послѣ „душевого надѣла“, т. е. съ 1871 года, в раздачу излишка земли въ долгосрочную аренду не оставалось мѣстъ съ невытравленнымъ лѣтомъ подножнымъ кормомъ, такъ что зимой скотъ долженъ былъ или пропадать съ голоду, или же кормиться заготовленнымъ сѣномъ. И опять таки калмыкамъ пришлось повеломъ взяться за косу и устраивать огороды. Устраивать же ихъ еще легче, чѣмъ базы; стоитъ только выкопать широкій ровъ и обложить края его кураемъ—и огородъ готовъ.

Затѣмъ та же необходимость взаимопомощи, въ свою очередь, заставила селиться не одиноко, а *хотонами*, т. е. группами кибитокъ, по преимуществу въ мѣстахъ зимнихъ стойбищъ. Этимъ то „зимніе хотоны“ съ базами, огородами и коегдѣ торчащими землянками и являются болѣе или менѣе прочными зародышами будущихъ калмыцкихъ поселеній на „русскій ладъ“.

Еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Больше-Дербетскомъ улусѣ можно было видѣть близъ зимовниковъ одни только базы да огороды, безъ всякихъ другихъ жилыхъ помѣщеній при нихъ. Въ настоящее же время „въ зимовникахъ“ не мало уже построено пзбѣ, хлѣвчнковъ, амбаровъ, саманныхъ конюшенъ, есть даже и хорошіе дома, какъ, напримѣръ, упомятаго нами ранѣе Дордже Джембинова. Такія же поселенія калмыковъ, какъ, напримѣръ, въ *Кердаши* Будурмисова и Кюбетова родовъ, видомъ своимъ походятъ на крестьянскую, хотя и крайне плохую, деревушку,—плохую потому, что построены въ Кердашѣ, во первыхъ, крайне безпорядочно разбросаны

вдоль балки, а во вторыхъ, онѣ сдѣланы, очевидно, неумѣльными руками,—всѣ приземисты, косы и кривы, съ подслѣповатыми окнами, съ низкими и узкими дверьми. Расположившись по краямъ балки, „мазанки“ то скрываются среди базовъ и огородовъ, то однимъ какимъ нибудь угломъ или бокомъ выглядываютъ изъ за нихъ, то одиноко высовываются на улицу, ставъ косо по отношенію ко двору, то лѣплятся съ боку, то совсѣмъ въ сторонѣ отъ двора. Полное отсутствіе симметріи и плана въ расположеніи калмыцкихъ поселеній какъ бы говоритъ о томъ, что живущіе въ нихъ люди впервые, безъ навыка къ дѣлу, вздумали обзосѣдиться, да и то какъ бы не совсѣмъ рѣшительно, а съ готовностью во всякое данное время сдаться съ мѣста и оставить послѣ себя кучи никуда негодной глины, соломы и курая. Впечатлѣніе какъ бы временности калмыцкихъ поселеній еще болѣе усиливается отъ того, что за каждымъ „дворомъ“ или противъ него стоитъ кибитка, не только лѣтомъ, но даже и зимой. О неустойчивости вообще поселеній собственно въ калмыцкой степи въ сильной степени свидѣтельствуется также масса брошенныхъ въ разныхъ углахъ ея базовъ и огородовъ. Арендаторы калмыцкой земли, ихъ „скупщивы“, ютящіеся цѣлыми десятками близъ хутора арендатора, по окончаніи срока найма земли, если вновь не берутъ почему либо „участка“, снимаютъ со своихъ строеній все „дерево“ и оставляютъ одни саманные остовы разныхъ построекъ, кои, размываясь дождемъ, образуютъ многочисленныя кучи глины, мрачно свидѣтельствующія о бывшей „осадѣбѣ“.—Въ свою очередь и калмыки, по многимъ причинамъ, часто оставляютъ свои огороды и базы и вновь устраиваются на другомъ мѣстѣ. Между рядомъ причинъ, заставляющихъ калмыковъ сниматься со старыхъ пепелищъ, особенно характерны слѣдующія: 1) *оспа*, воплощая которую въ злого духа *чичика*, степняки, разъ она появилась въ хотонѣ, увѣрены, что мѣсто расположенія послѣдняго излюбилъ *чичикъ*—и, чтобы избавиться отъ него, нужно оставлять хотонъ и искать болѣе счастливаго мѣста, невѣдомаго пока *чичику*, 2) *смерть дѣтей въ семьѣ и вообще несчастія въ жизни*,

также приписываемыя влиянію злого духа, хозяйна данной мѣстности, что и побуждаетъ переселяться съ мѣста на мѣсто, 3) близкое сосѣдство русскихъ поселеній гонить калмыковъ далѣе отъ черты ихъ и 4) администраціею распоряженія; такъ, въ 1890 году калмыки Икпчунусова рода, въ числѣ около ста вибитокъ, т. е. семействъ, по распоряженію властей должны были оставить свои стойбища съ хатами, огородами и базами и вновь устраниваться на голой степи. Распоряженіе это вызвано было тѣмъ, что ихъ земля отведена была подъ поселеніе крещенныхъ икпчунусцевъ жс. Положимъ, за хаты и саран было заплачено по оцѣнкѣ, огороды же и базы „паршалъ“ (т. е. пропали даромъ), какъ говорятъ калмыки. Затѣмъ перѣдко въ случаяхъ „подозрѣнія въ усиленномъ воровствѣ“ начальство, „дабы имѣть болѣе правильныи дозоръ за ворами-калмыками“, „сбиваетъ ихъ съ кучу“, т. е. назначаетъ мѣсто для стойбища, въ которомъ и заставляеть жить всѣхъ калмыковъ даннаго рода, причеъ ничто не берется во вниманіе—ни дальность разстоянія отъ воды, ни отсутствіе подножнаго корма для скота, ни оставленіе построекъ безъ призора и проч., и проч. Мало этого—дѣлается строгое распоряженіе, чтобы калмыки до захода солнца были всѣ на лицо. Последнее особенно жестоко, такъ какъ лишаетъ народъ возможности поступать на поенныя работы.

Все это вмѣстѣ взятое, естественно, мало благоприятствуетъ устойчивости поселеній въ калмыцкой степи. Даже и внутренняя обстановка жилищъ говоритъ не о прочной, „домовитой“, осѣлости хозяевъ ихъ, а скорѣе о временности поселенія въ нихъ, такъ сказать, бивуачности. Въ жилищахъ ничего нѣтъ такого, что бы показывало, что „осадыба“ обстраивалась, если и не поколѣніями „хозяйственныхъ людей“, то по крайней мѣрѣ съ желаніемъ и расчетомъ не сниматься съ мѣста, а обстраиваться и устраниваться и въ дальнѣйшемъ, смотря по досугу и средствамъ. Не говоря уже о надворныхъ постройкахъ, и въ самыхъ калмыцкихъ избахъ нѣтъ даже бѣдной крестьянской обстановки. Во внутренность жилищъ перенесено все то,

что было въ кибиткѣ, т. е. котелъ для варки пищи (вмазывается въ припечекъ), деревянная кадушка для скопа молока, ящики для одежды, сѣдло, потники (войлоки), носильное платье, кожи—вотъ и все, что можно найти въ казымцкой избѣ; нѣтъ тамъ ни „лавъ“ (скамеекъ), ни столовъ, ни шкафчиковъ, ни полочекъ, ничего такого, что напоминало бы о кухонномъ хозяйствѣ даже плохой русской женщины. Затѣмъ и то немногое, что есть въ избѣ, все безпорядочно разбросано и валяется, гдѣ и какъ попало, обличая полное неумѣніе располагать вещи по своимъ мѣстамъ, равно и пользоваться удобствами постоянного помѣщенія,—уютности въ жилищахъ. нѣтъ и признаковъ; полный безпорядокъ и всюду грязь и нечистота не дѣлаютъ ихъ удобными и желательными пріютами случайно попавшаго въ нихъ человѣка,—напротивъ, производя тяжелое впечатлѣніе, заставляютъ избѣгать необходимости быть въ такихъ избахъ хотя бы даже и короткое время. Почевать же и просто тяжело—помимо смирада и тяжелого до удушья воздуха, въ жилищахъ калмыковъ такая масса вшей, что свѣжему, непривычному человѣку—не калмыку—нѣтъ физической возможности переносить нападеніе этихъ отвратительныхъ паразитовъ.... Если бы изба не служила зародышемъ основъ будущаго прочнаго поселенія калмыковъ, то можно было бы желать, чтобы ихъ и совсѣмъ не было, до того онѣ не только антигигиенны и противны всякимъ, даже самымъ минимальнымъ, требованіямъ санитарныхъ условій, но нерѣдко кажутся просто невозможными, какъ жилища для человѣка и его семьи, въ особенности у бѣдняковъ.... Быть можетъ, со временемъ калмыки и лучше будутъ устраниваться, теперь же, знакомясь съ ихъ жилищами, поневолѣ скажешь, что къ счастью не во всемъ Больше-Дербетскомъ улусѣ есть „крестьянскія избы“. Такъ, напримѣръ, въ *Икичунусовомъ* родѣ, самомъ значительномъ по числу населенія, считается не болѣе пяти хатъ, а въ *Будумчинеровомъ* на семьдесятъ двѣ семьи только одна изба. Оба эти рода, расположенные на окраинѣ улуса, находятся въ выжидательномъ положеніи и не обстраиваются. Они увѣрены, скажемъ въ скобкахъ,

и не безъ основанія на то, что ихъ, рано или поздно, согнать съ насиженныхъ ими мѣстъ и указать другія, гдѣ и заставить селиться.... Но, кромѣ этихъ двухъ родовъ, остальные калмыки мѣста своихъ постоянныхъ жилищъ считаютъ уже „случными осадьбами“ и только опасаются того, чтобы начальство не вздумало приводить эти осадьбы въ „порядокъ“, переставлять „по плану“, проводить улицы и устанавливать однообразную единицу мѣры для всѣхъ вообще „осадьбы“. Правы ли калмыки, предполагая такіа невзгоды, разорительныя для нихъ осадьбы,—мы не знаемъ, но опасенія эти служатъ для нихъ злобой дня, парализующей желаніе устраниваться лучше и прочнѣе. Чтобы выйти изъ такого неопредѣленнаго положенія, не опасаться за цѣлость и устойчивость своихъ „осадьбы“ и еще болѣе закрѣпить свое право на нихъ,—калмыки въ 1892 году составили общественные приговоры, въ коихъ просили главнаго пристава выслать въ улусъ состоящаго при управленіи кочевыми народами Ставропольской губерніи землемѣра для нарѣзки усадебъ и распланировки мѣстъ подъ поселенія; но весьма важныя эти приговоры оставлены были почему то безъ вниманія, что и усилило путаницу въ понятіяхъ калмыковъ объ ихъ правахъ на землю—не только пахотную и сѣнокосную, но даже и на „осадебную“. Затѣмъ полную увѣренность въ неизмѣннѣе калмыками правъ на сѣнокосную и пахотную землю произвело распоряженіе главнаго пристава, сдѣланное имъ въ томъ же 1892 году, о томъ, чтобы вся доходность съ земли поступала непосредственно въ улусное управленіе, а не прямо, какъ то было ранѣе и какъ то слѣдовало, въ распоряженіе родовичей, и чтобы калмыки, безъ разрѣшенія „начальства“, т. е. главнаго пристава, не смѣли по своему желанію и усмотрѣнію распоряжаться ни одной пядью земли, составляющей ихъ душевой надѣлъ. Слишкомъ смѣлое распоряженіе это, не имѣющее за собой прочнаго юридическаго основанія, сбilo калмыковъ съ толку, перепутало всѣ ихъ понятія о правахъ на землю, весьма губельно отразилось на экономическомъ положеніи народа, въ сильной степени охладило начавшее было развиваться желаніе заниматься хлѣбопашествомъ, перевернуло

вверхъ двомъ всѣ сельско-хозяйственныя расчеты, перепутало отношенія калмыковъ къ сосѣднимъ крестьянамъ, лишило возможности чрезъ посредство послѣднихъ обрабатывать землю и вообще, какъ крайне стѣснительная мѣра, кореннымъ образомъ измѣнившая экономическое положеніе родовичей, принудила ихъ изощряться во всевозможнаго рола и вида уловкахъ и ухищреніяхъ для обхода этого распоряженія, ибо иначе, т. е. подчинившись ему по совѣсти, многимъ бѣднякамъ, положительно не имѣющимъ ни средствъ, ни возможности личными силами обрабатывать землю, пришлось бы голодать и совершенно забросить едва начавшее устраиваться сельское хозяйство.

Въ виду важности по своимъ вреднымъ для благосостоянія народа послѣдствіямъ упомянутого безтактнаго распоряженія главнаго пристава, убившаго у калмыковъ охоту и возможность браться за плугъ, борону и косу, мы постараемся рассмотреть его возможно обстоятельнѣе, — тѣмъ болѣе нужно это сдѣлать еще и потому, чтобы не дать права говорить о голословности указанныхъ нами выше вредныхъ послѣдствій его.

Распоряженіе главнаго пристава несомнѣнно есть продуктъ неупорядоченности правъ калмыцкаго народа на отведенную ему „въ пользованіе“ землю и характеризуетъ собой властное опекунство надъ нимъ, вполне стѣсняющее личную инициативу, столь необходимую при веденіи сельскаго хозяйства, какъ и всякаго другого дѣла. Регламентировать всѣ возможные въ быту народа экономическіе случаи — немисливо, обращаться же каждый разъ за „разрѣшеніемъ начальства“ при возникновеніи того или другаго сельско-хозяйственнаго вопроса, важнаго въ извѣстный моментъ и теряющаго свой смыслъ и пользу по прошествіи момента, по меньшей мѣрѣ не только неудобно, но и прямо вредно въ экономическомъ отношеніи. Мы уже знаемъ, что до 1871 года никто — ни начальство, ни калмыки — не имѣлъ права славать кому либо калмыцкую землю въ долгосрочную аренду. Право это было полу-

чено только послѣ размежеванія степи на отдѣльныя дачи по числу родовъ Больше-Дербетскаго улуса и калмыки или, вѣрнѣе, привилегированное ихъ сословіе, съ начальствующими лицами во главѣ, воспользовались имъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Оставивъ въ личное свое пользованіе самую незначительную часть душевого надѣла, калмыцкія родовыя общества съ лихорадочною поспѣшностью сдали въ аренду почти двѣ трети своей земли, т. е. около ста тысячъ десятинъ, благодаря чему съ первыхъ же годовъ дарованія „временныхъ правъ на пользованіе отведенной землей“, послѣдняя была расхищена подъ видомъ аренды за баснословно дешевую цѣну, начиная отъ пяти копѣекъ въ годъ за десятину. Сдавалась земля не съ торговъ, какъ бы то слѣдовало, и не тѣмъ лицамъ, кои могли бы и желали дать максимумъ арендной платы, а нойону—владѣльцу улуса и зайсангамъ и ватѣмъ уже, чрезъ посредство ихъ и нерѣдко вопреки желанію родовыхъ обществъ, — разными эксплуататорамъ калмыцкихъ пародныхъ богатствъ, разъ эти эксплуататоры были угодны нойону и зайсангамъ. Всѣ же другіе, не умѣвшіе втереться въ довѣріе къ нойону, устранялись отъ участія въ договорахъ съ калмыками по сдачѣ послѣдними земли въ аренду, и „обществамъ“, разумѣется не гласно, прямо таки запрещалось входить съ ними въ какія бы то ни было соглашенія. Обязаніе же власти нойоновъ было таково, что калмыки слѣпо подчинялись запрещеніямъ и, несмотря на явный для себя ущербъ, сдавали землю только тѣмъ, на кого указывалъ нойонъ. Но и эти счастливыя опять таки пользовались крупными сравнительно съ тѣмъ, что захватывалъ въ свою пользу нойонъ. Благовиднымъ для нойона предлогомъ для захвата калмыцкой земли какъ бы „на законномъ основаніи“ послужило его право взымать съ подвластнаго ему народа въ свою пользу „албанъ“. Какъ будто бы входя въ положеніе обвинявшаго народа, не имѣющаго ни средствъ, ни возможности заработать таковыя на уплату подати, нойоны, не желая разорить калмыковъ, вмѣсто того, чтобы собирать албанъ деньгами, предложили родовымъ обще-

ствамъ дать въ замѣнъ денегъ такое количество десятинъ земли, годовая арендная плата за которое покрывала бы слѣдующій съ калмыковъ ежегодный албанъ. Положимъ, такая „сдѣлка“ можетъ быть и была бы выгодной для подвластнаго нойову народа, если бы назначеніе арендной платы за извѣстный участокъ земли устанавливалось калмыками, а не нойомъ, который, разумѣется, въ этомъ отношеніи не былъ себѣ врагомъ и всячески старался обезцѣнить землю до невозможнаго минимума. А такъ какъ „закопъ“ все таки не допускалъ никакихъ словесныхъ или письменныхъ договоровъ между калмыками и арендаторами ихъ земля, разъ эти договоры не облакались предварительно въ форму общественныхъ приговоровъ и затѣмъ въ форму контрактовъ, составляемыхъ на основаніи такихъ общественныхъ приговоровъ, утвержденныхъ главнымъ приставомъ, то нойовы и не старались обходить это требованіе закона,—напротивъ, вполне увѣренные, что всякій общественный приговоръ, радѣющій объ ихъ интересѣ, будетъ утвержденъ главнымъ приставомъ,—склоняли калмыковъ къ составленію таковыхъ, заботясь объ одномъ, чтобы срокъ аренды былъ подольше и плата подешевле. Такимъ путемъ большая часть калмыцкой „душевой“ земли очутилась въ пользованіи нойопа за текущій албанъ и „недомки прежнихъ лѣтъ“ съ платой отъ семи до шестидесяти коп. въ годъ за десятину, т. е. за самую ничтожную плату, вовсе не существовавшую въ сдѣлкахъ между сосѣдними крестьянами. Но и это еще не все. Земля отдавалась въ аренду не въ строго определенномъ количествѣ десятинъ, а „приблизительно“. Въ контрактахъ мертвыхъ межъ аренднаго участка не обозначалось; какъ на границы его, указывалось на тропинки, дороги, ямы и другіе болѣе или менѣе непостоянные, измѣняющіеся межевые признаки. Такое же „проблематическое“, какъ выражаются улусные „интеллигенты“, указаніе межъ вятыхъ въ аренду участковъ давало полную свободу и возможность къ „прихваткамъ“, и прихваткамъ по десяткомъ и даже не сотенъ, а цѣлыхъ тысячъ десятинъ земли. Въ общемъ относительно

прихватокъ съ увѣренностью о несомнѣнности факта можно утверждать, что въ Больше-Дербетскомъ улусѣ нѣтъ ни одного аренднаго участка, наличное число десятинъ котораго не превышало бы если не вдвое, то по меньшей мѣрѣ на одну треть, условленное въ общественныхъ приговорахъ и контрактахъ платное количество ихъ. Такимъ образомъ, разложивъ общую сумму арендной платы на дѣйствительное количество десятинъ, кои пользуется арендаторъ, будь то нойонъ, или кто либо другой, получимъ, что десятина сдава не по семи и т. д. копѣекъ, а значительно дешевле. Слѣдовательно нойонъ, обративъ взисканіе слѣдующаго ему албана на землю, тѣмъ самымъ увеличилъ его по крайней мѣрѣ на одну треть, иначе говоря, вмѣсто опредѣленныхъ ему закономъ семи рублей съ копѣекъ, взискивалъ около десяти руб., а во многихъ случаяхъ и гораздо болѣе. Но не на однихъ только „прихваткахъ“ выигрывалъ нойонъ. Операція съ участками давала ему возможность увеличивать албанъ чуть ли не въ геометрической прогрессіи и вотъ какимъ путемъ. Не имѣя ни надобности, ни возможности лично эксплуатировать всю массу взятой подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ у калмыковъ земли, нойонъ немедленно же по заключеніи контракта переуступалъ свое арендное право нуждающимся въ землѣ овцеводамъ и скотоводамъ, причемъ всегда бралъ въ свою пользу двойную, тройную и болѣе плату противъ той, за какую земля доставалась ему отъ калмыковъ. Овцеводы сплошь и рядомъ платили ему не менѣе семидесяти коп. за десятину погодной платы или же съ незначительной надбавкой сразу выплачивали всю сумму за весь арендный срокъ впередъ, что, составляя значительный капиталъ, представляло также не малую выгоду. Это разъ; затѣмъ нойонъ, не желая почему либо оставлять за собой сдававшейся въ аренду земли, за отказъ отъ участія въ дѣлѣ сдачи ея получалъ такъ называемое *отступное*, разумѣется, не десятками рублей...

Такимъ образомъ, въ первый же годъ полученія калмыками права сдавать свою землю въ аренду, благодаря безпорядочному, чисто хищническому способу захвата ея, подъ-

„закономъ“ предлогомъ „взятія участковъ въ аренду“, и случилось то, что двѣ трети калмыцкой земли, какъ мы уже говорили, сразу же перешли сначала въ руки нойбона, а затѣмъ, черезъ посредство его и подъ его же вліяніемъ на „общество“, къ немногимъ по числу эксплуататорамъ, сумѣвшимъ втереться въ „фаворъ“ къ нойбону и зайсангамъ. Мы говоримъ „эксплуататорамъ“ потому, что хищники калмыцкой земли, смекнувъ, въ чемъ дѣло, и опираясь на „фаворъ“, употребляли всѣ зависящія отъ нихъ темныя мѣры, чтобы захватить въ свои руки навозможно больше земельныхъ калмыцкихъ участковъ. Усильвъ въ этомъ, они, за исключеніемъ нужной себѣ части земли, остальную сдавали субъ-арендаторамъ, но уже за двойную и тройную плату. Нужда же въ калмыцкой землѣ была, какъ есть и въ настоящее время, постоянная, особенно для крестьянъ—мелкихъ скотоводовъ, не могущихъ выпасывать свои гурты скота и отары овецъ на общественной крестьянской толокѣ, потому что плата за излишекъ противъ нормы взималась крестьянскими обществами по довольно высокой таксировкѣ; такъ, за овцу въ лѣто—до пятидесяти коп. и за рогатую скотину—до полутора и болѣе рублей; выпасъ же въ калмыцкой степи, даже при условіяхъ увеличенной эксплуататорами арендной платы за десятину земли, обходился все таки втрое, если не болѣе, дешевле. Такая *сравнительная* дешевизна калмыцкой земли и послужила причиной того, что калмыцкія кочевья быстро испещрились на всѣхъ „удобныхъ мѣстахъ“ многочисленными „русскими хуторами“, точно гнѣздами пауковъ, опутавшими своей паутиной калмыцкое населеніе; хозяева хуторовъ сдѣлались фактическими владѣльцами степи въ лучшихъ ея частяхъ, окончательно заповолокли калмыковъ въ экономическомъ отношеніи и въ сильной степени повліяли на нихъ деморализацію... Общезвѣстенъ фактъ, что большинство арендаторовъ калмыцкой земли оказалось не только приставодержателями, но и извѣстными завѣдомыми ворами и мошенниками. Даже невзыскательные къ порокамъ другихъ калмыки въ концѣ концовъ вынуждены были составлять об-

шественные приговоры о выселеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ изъ улуса и лишеніи права брать когда либо въ аренду калмыцкую землю. Такимъ путемъ выселены были изъ улуса крестьяне-арендаторы — Селюковъ, Ерохинъ, Шарафановъ, Мамонтовъ и другіе....

Въ то же время, какъ эксплуататоры калмыцкой земли богатыли, пользуясь ею чуть не даромъ, сами калмыки, попавъ въ экономическую зависимость отъ арендаторовъ своей земли, получая жалкіе гроши за массу отданныхъ въ аренду участковъ,—сразу же очутились безъ земли и тѣмъ лишились возможности „кочевать“, почему, поневолѣ, и должны были обратиться въ полуосѣдное населеніе, припужденное жить съ своими кибитками и остатками скота на худшихъ мѣстахъ своихъ дачъ, ибо лучшія сданы были въ аренду. Въ связи же со всѣмъ этимъ ускоренная сдача земли въ аренду послужила началомъ и причиной быстраго обнищанія калмыковъ, доведшаго ихъ до того жалкаго, пищенскаго состоянія, въ какомъ они находятся въ настоящее время. Мало этого,—расхищеніе земли (иначе мы не можемъ назвать практиковавшійся способъ раздачи ея въ аренду) создало такую путаницу въ вопросѣ о правахъ калмыковъ на землю и способахъ пользованія ею, что во многихъ случаяхъ положительно нѣтъ возможности разобраться въ нихъ, пока не окончатся сроки сдѣлокъ калмыцкихъ обществъ съ арендаторами ихъ земли, заключенныхъ до 1892 года, т. е. до изданія закона 15 марта объ освобожденіи народа отъ обязательныхъ отношеній въ его привлеченному сословію. Къ несчастію же калмыковъ много есть контрактовъ, сроки коимъ наступать не ранѣе пяти-шести лѣтъ послѣ 1892 года. Слова нѣтъ, что ограниченіе правъ калмыковъ относительно пользованія землей, отведенной имъ въ 1871 году въ видѣ душевого надѣла подъ осѣдлымъ поселеніемъ, равно и значеніе статьи „Положенія 1847 года“, по коей начальству предоставлялось право отбирать отъ калмыковъ землю, разъ они не пользуются ею,—потеряетъ силу, если

кочевники обьосѣдятся. Но для этого нужно прійти на помощь калмыкамъ и очистить ихъ землю отъ незаконно, по явно убыточнымъ договорамъ, захватившихъ ее. Въ виду этого было бы желательной правительственной мѣрой, вызываемой самой насущной неотложной потребностью, — уяснить законность арендаторскихъ контрактовъ, правильность общественныхъ приговоровъ, на основаніи коихъ заключались контракты, устранить все фальшивое и сдѣлать калмыковъ настоящими, опирающимися на незыбкій законъ, хозяевами своей земли. Такая мѣра, положивъ конецъ прежней, дореформенной путаницѣ и устранивъ изъ улуса хщниковъ земли, несомнѣнно могла бы дать, какъ то ожидается народомъ, весьма полезные результаты, ибо калмыкъ, увѣренный въ томъ, что онъ есть дѣйствительный хозяинъ своей земли, которую никто не отниметъ отъ него подъ поселеніе „ороса“ и доходы изъ которой онъ будетъ извлекать непосредственно самъ для себя, въ свою личную пользу, а не въ пользу общественнаго капитала, какъ то было до 1871 года, т. е. до времени разверстки земли, — болѣе охотно взялся бы за дѣло, скорѣе научился бы пользоваться своимъ клочкомъ земли исподоволь *принудилъ бы* себя прилагать къ нему и физическій трудъ, и знанія земледѣльца. Последнее случилось бы ранѣе и не довело бы калмыковъ до нищенства, если бы..., если бы при надѣленіи ихъ землей „подъ осѣдное поселеніе“ не упущено было самое главное, о чемъ вспомнили только въ 1892 году.... *Нужно было освободить калмыковъ отъ зависимости ихъ отъ ноёновоу и зайсановоу или же, по меньшей мѣрѣ, фактически устранить „привилегированное сословіе“ отъ участія въ дѣлахъ сдачи калмыками своихъ земель въ аренду, ни подъ какимъ предлогомъ не допускать замѣны взысканія денежнаго албана пользованіемъ землей и категорически воспретить заключеніе арендныхъ сделокъ домашнимъ путемъ.* Право же на это было, и право, точно выраженное въ положеніи 1847 г. объ управленіи калмыками, коимъ главному приставу и попечителю улуса вѣняется, между прочимъ, въ прямую обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не эксплуатировалъ калмыковъ, и не допускать невыгодныхъ

для нихъ сдѣлокъ, а дабы попечитель улуса и главный приставъ могли слѣдить за выгодами народа, тѣмъ же положеніемъ 1847 г. объяснено, что всякія сдѣлки, разъ онѣ не засвидѣтельствованы попечителемъ улуса и не санкціонированы главнымъ приставомъ, признаются недействительными; иначе говоря, и попечитель улуса, рассматривающій правильность составленія общественныхъ приговоровъ (не въ смыслѣ, разумѣется, написанія ихъ, а дѣйствительно ли они выражаютъ желанія общества, а не единичныхъ лицъ), такъ равно и главный приставъ, санкціонирующій ихъ, не только имѣли право, но и прямо закономъ обязывались отнюдь не допускать къ исполненію общественныхъ приговоровъ по сдачѣ земли въ аренду кому бы то ни было, разъ аренда можетъ приносить не пользу, а явный и притомъ значительный до невѣроятности убытокъ калмыцкому народу, и тѣмъ болѣе ни подъ какимъ предлогомъ не позволять войону брать землю въ замѣнъ албана.... Не адалаясь въ критическую оцѣнку побудительныхъ причинъ, заставлявшихъ попечителя *свидѣтельствовать правильность*, т. е. выгодность для калмыковъ ихъ общественныхъ приговоровъ, и главного пристава—*утверждать* таковыя, какъ во всемъ законныя и „влекущія за собой несомнѣнную пользу обществу“,—замѣтимъ только, что какъ попечителю улуса, такъ равно и главному приставу хорошо вѣдомо было то вліяніе, какое войонъ имѣлъ среди калмыковъ, и то безмолвное согласіе ихъ на всякое предложеніе его, даже завѣдомо невыгодное и крайне стѣснительное,—согласіе, которое они всегда изъявляли, разъ войонъ хотѣлъ чего либо достигнуть. Слѣдовательно, взявши въ руки тотъ или другой общественный приговоръ о сдачѣ земли въ аренду, особенно войону, калмыцкимъ властямъ болѣе, чѣмъ кому либо другому, совершенно безошибочно можно было судить, составленъ ли таковой подъ вліяніемъ войона или же нѣтъ, установлена ли арендная плата сообразно съ выгодами общества или же лица, заинтересованнаго въ арендѣ, и сообразно съ этимъ утверждать сдѣлки или же нѣтъ и тѣмъ дѣйствительно заботиться „о благосостояніи вѣрннаго изъ по-

печенію народа. Но этого не дѣлалось... Рука руку мыла—обѣ обѣли бывали и, дабы не загрязнить ихъ, въ перчаткахъ вели калмыковъ къ нищенству, причѣмъ, опираясь на свои „данныя“, смѣло, чтобы не сказать болѣе, расписывали, предъ кѣмъ нужно было, о „малой пригодности калмыковъ къ земледѣлію и склонности ихъ только къ хищничеству“..... Доказательствомъ же того, что калмыки не смѣли „пищать“ о чемъ либо въ защиту своихъ интересовъ, что не они устанавливали арендную плату за свою землю и что земельные участки сдавались нойону и другимъ не „по благому и непринужденному соизволенію“, а въ силу разныхъ корыстныхъ „воздѣйствій“, несомнѣнно можетъ служить тотъ рѣзкій фактъ, что какъ только калмыки получили *свободу* (по закону 15 марта 1892 года) и стали въ независимое отъ нойона положеніе, то незамедлили составить общественные приговоры, кои *настоятельно* и возбудили вопросъ объ отобраніи отъ нойона и тѣхъ лицъ, кои онъ передалъ арендуемую имъ землю,—всѣхъ участковъ, ранѣ отданныхъ ему въ замѣнѣ албана, и, если нойонъ не пожелаетъ добровольно отказаться отъ участковъ, то отобрать таковыя по суду.... Не будемъ касаться ни юридической, ни нравственной стороны такого *желанія* калмыковъ, отмѣтивъ только, какъ многозначительный фактъ, что упомянутые нами приговоры не особенно двигались и послужили только „цѣннымъ матеріаломъ для соображеній(?) главнаго пристава“. Но намъ кажется, что и *безъ соображеній* до очевидности ясно, что, разъ порваны „обязательныя отношенія“ къ нойону и зайсангамъ и уничтожено ихъ право собирать съ калмыковъ албанъ въ свою пользу, то тѣмъ самымъ *безвозвратно уничтожены и все обязательства калмыковъ по уступкѣ земли нойону за албанъ, хотя бы срокъ контрактныхъ условій и не истекъ ко дню объявленія закона 15 марта 1892 года.* Участки сдавались *не въ аренду, и за албанъ,—нѣтъ албана,—нѣтъ и права пользоваться участками...* О чемъ же тутъ думать и что соображать?... Между тѣмъ... между тѣмъ нойонъ, вопреки протесту общества, продолжалъ владѣть участками и имъ *кроме*

не вносила за нихъ въ общественную кассу. Положимъ, переписка о послѣдствѣхъ была затѣяна, но результаты ея пока вполнѣ оправдываютъ собой извѣстную малороссійскую поговорку: „поки сонце зійде—роса очі вмѣстѣ“..... Чѣмъ окончилась возня съ войномъ, если только она окончилась, по поводу находящихся въ его пользованіи арендныхъ участковъ казмицкой земли, мы не знаемъ. Вопросъ же о томъ, что дѣлать съ окончательно обнищавшими казмиками и какъ урегулировать ихъ отношенія къ арендаторамъ ихъ земли, какъ возратить расхищенную землю и лишить эксплуататоровъ возможности пользоваться ею за безцѣнокъ; какъ дать казмикамъ то, что принадлежитъ имъ по праву и по закону и что захвачено у нихъ въ силу разныхъ давленій, какъ распутать земельный вопросъ, до невѣроятности осложнившійся вслѣдствіе разныхъ сдѣлокъ, заключенныхъ и на основаніи общественныхъ приговоровъ и по „словеснымъ согласіямъ общества“, и по контрактамъ, и по векселямъ, и просто по распискамъ на ключѣ бумаги, а то и „такъ, по самоволію“ или же за отбываніе общественныхъ повинностей, какъ то: почтовой гоньбы, „писарства“ и проч. и проч.—вопросъ обо всемъ этомъ до того *намолился*, что волей неволей пришлось *de facto* приступить къ рѣшенію его. И вотъ, наконецъ, въ 1892 году, какъ первая мѣра въ этомъ направленіи, обращено было болѣе или менѣе серьезное вниманіе на весь вредъ сдачи земельныхъ участковъ безъ торговъ, а по одному только лишь соглашенію съ выборными отъ извѣстнаго казмицкаго родового общества. Мѣра эта, по существу самая простая и не требующая никакихъ тонкихъ канцелярскихъ и начальническихъ соображеній, сразу же дала самые блестящіе результаты. Цѣны на землю съ первыхъ же торговъ повысились не только вдвое и втрое, но гораздо значительнѣе. Такъ, вмѣсто прежнихъ семи, тридцати и пятидесяти копѣекъ за десятину, та же самая земля съ торговъ пошла отъ рубля и до двухъ слишкомъ, несмотря даже на то, что она оказалась испорченной, то есть перепаханной и крайне истощенной. Та-

кое повышение цѣнъ на землю или, вѣрнѣе, восстановление настоящей ея цѣнности, существующей въ краѣ, было достигнуто хотя и сразу, по все таки не безъ борьбы. Поватно, что нуждающимся въ калмыцкой землѣ трудно было „въ разъ“ отвыкнуть отъ иррежнихъ благодушныхъ порядковъ привзятіи участковъ въ аренду, а тѣмъ болѣе забыть прежнія цѣны, такъ прибыльныя карману арендаторовъ. Помня прошлое и не вѣря въ похороны его, на первыхъ торгахъ всѣ „жались“ и неохотно „набавляли“, рискуя только „полукоппечками для пользы общества“. Сплотившись между собой тѣсно, и имѣя поэтому возможность не допускать къ торгамъ „не своихъ“, — хищники калмыцкой земли входили въ стачки и, сильныя своимъ карманомъ, убѣждены были, что „устоятъ на своемъ“ и установить не существующую въ краѣ арендную плату за землю, а такую, какая имъ желательна и какая мало бы разнилась отъ прежней. Но обстоятельства сложились такъ, что, несмотря ни на какія ходатайства, вліянія, совѣты и визиты съ задняго крыльца, дѣло упорядоченія вопроса о способахъ сдачи общественной земли въ аренду было доведено до конца; торги не утверждались до тѣхъ поръ, пока они не давали желательныхъ результатовъ. Такая настойчивость, клоняшаяся въ пользу калмыковъ, а не эксплуататоровъ ихъ земли, какъ то было ранѣе, ясно показала послѣднимъ, что пришло, наконецъ, для нихъ время навсегда распротиться съ блаженной порой, когда возможно было платить даже семь копѣекъ за десятину и прихватывать къ участкамъ „лишкія“ цѣлыми сотнями и болѣе десятинъ за ведро-два водки.

Нѣтъ сомнѣнія, что отмѣченное выше распоряженіе главнаго пристава о сдачѣ въ аренду участковъ земли не иначе, какъ только съ торговъ, весьма важно по своимъ послѣдствіямъ. Оно оказало несомнѣнную пользу калмыцкому народу и разъ навсегда установило желательный порядокъ въ такомъ серьезномъ экономическомъ дѣлѣ, какъ извлеченіе доходовъ изъ десятковъ тысячъ десятинъ земли. Но главный приставъ, къ сожалѣнію, не остановился на этомъ и въ дальнѣйшемъ сво-

емъ распоряженіи о порядкѣ поступленія денегъ за аренду участковъ и расходованія ихъ расширилъ свои административныя права, не имѣя на то ни юридическаго основанія, ни оправданія въ хорошихъ отъ того послѣдствіяхъ въ смыслѣ поднятія экономическаго благосостоянія калмыковъ. Настоячиво требуя вноса арендныхъ денегъ въ улусное управленіе, онъ окончательно обнищилъ народъ и заставилъ его отвернуться отъ земли. Вотъ тому доказательство.

Имѣющимъ силу закона „Положеніемъ 1847 г. объ управленіи калмыцкимъ народомъ“ (на основаніи котораго главный приставъ, какъ блюститель калмыцкихъ интересовъ, установилъ правломъ сдачу земли въ аренду только путемъ торговъ при улусномъ управленіи),—главному приставу представлено, между прочимъ, право—*наблюдать, чтобы съ калмыками никто не заключалъ невыгодныхъ и прямо убыточныхъ для народа сделок*—и только. Изъ этого же права главного пристава отнюдь не вытекаетъ *другое право*, по которому онъ, опираясь якобы на заковъ, могъ бы вмѣшиваться въ личные расчеты калмыковъ, вызываемые потребностью для, а также и насущной, не терпящей отлагательства необходимостью сделокъ съ крестьянами по поводу распашки десятины или двухъ земли, косыби сѣна, приѣма на выпасъ скота и овецъ,—равно не вытекаетъ и права лишать калмыковъ, помимо ихъ желанія, возможности самимъ, безъ посредниковъ, получать доходъ съ земли, составляющей ихъ душевой надѣлъ. Если же и есть въ „положеніи“ статья, по которой калмыки не имѣютъ права заключать долговныя обязательства въ видѣ векселей и расписокъ болѣе чѣмъ на *полтора рубля*, на заемъ же большей суммы подъ письменное обязательство должны испросить разрѣшеніе улуснаго управленія,—то статья эта, ограждая калмыковъ отъ ростовщиковъ и вообще отъ лицъ, опутывающихъ населеніе путемъ раздачи въ долгъ денегъ ли, товаровъ ли и пр.,—ничуть не имѣетъ въ виду сделокъ калмыковъ съ крестьянами и иными лицами по сдачѣ земли въ аренду, ибо, во первыхъ, собственно

денежное обязательство выдает не калмыкъ арендатору, а наоборот, что составляет существенную разницу, а во вторых, при введеніи въ дѣйствіе, какъ закона, „Положенія 1847 года“— калмыки не имѣли душевого надѣла и не пользовались правомъ сдавать свою землю въ аренду, слѣдовательно упомянутая нами статья о денежныхъ сдѣлкахъ калмыковъ не могла имѣть въ виду земельныхъ обязательствъ между калмыками и крестьянами, почему и не касается ихъ, и нужно быть виртуозомъ въ измышленіи патажекъ, чтобы пользоваться ею для ограниченія правъ калмыковъ на непосредственное пользованіе доходомъ съ земли. Право сдавать землю въ аренду калмыки получили только въ 1871 году. Съ этимъ правомъ соединено было и другое, какъ прямое и неизбежное слѣдствіе перваго—именно право заключать денежные по арендѣ сдѣлки на сотни и тысячи рублей. При этомъ о статьѣ, запрещающей калмыкамъ вылавать расписки болѣе, чѣмъ на полтора рубля, не упоминается, разумѣется, въ силу практической непригодности такой статьи въ дѣлахъ по сдачѣ земли въ аренду. Отсюда ясно, что въ своемъ распоряженіи, не дозволяющемъ калмыкамъ входить съ крестьянами въ какія либо соглашенія по сдачѣ земли въ аренду, даже одной десятины и на одинъ посѣвъ,—главный приставъ не могъ опираться на упомянутую нами статью. Но главный приставъ почему то счелъ себя въ правѣ, во первыхъ, „строго“ запретить калмыкамъ непосредственно получать въ свою пользу деньги, слѣдующія имъ за сданные въ аренду участки земли и заставить арендаторовъ вносить плату въ улусное управленіе, дабы изъ этихъ денегъ составилъ родовый капиталъ; а во вторыхъ, лишить калмыковъ права входить съ крестьянами въ какія бы то ни было сдѣлки и соглашенія относительно распашки земли, сѣнокошенія и выпаса скота и овецъ, иначе говоря, воспретилъ народу совмѣстную съ крестьянами разработку земли, несмотря на то, что сами калмыки не имѣютъ ни средствъ, ни умѣнія, ни орудій для обработки ея. Оба эти запрещенія, важныя въ экономическомъ строѣ жизни калмыковъ, и при-

несли тотъ вредъ населенію, о которомъ мы выше упоминали. Для ясности же дѣла рассмотримъ каждое изъ нихъ порознь.

Получивъ въ 1871 году въ душевой надѣлъ землю, калмыки рѣшительно не видѣли возможности сами пользоваться ею и извлекать изъ нея доходъ путемъ личной обработки ея. Будучи въ строгомъ смыслѣ слова кочевниками-скотоводами, они нуждались въ землѣ не для воздѣлыванія ея, а для выпаса скота, и только съ этой стороны экономическихъ расчетовъ она и доставляла имъ доходность. Но, начиная съ семидесятыхъ годовъ, въ силу многихъ и многихъ неблагоприятныхъ условій, какъ то: участившихся чумныхъ эпизоотій, уничтоженія камышей, служившихъ естественной защитой для скота отъ зимнихъ бурановъ, стѣсненія въ свободѣ перекочевовъ, усиленія эксплуатаціи ихъ богатствъ и проч.,—скотоводство и овцеводство—эта экономическая основа быта кочевниковъ—стало такъ быстро падать и по пятамъ его такъ быстро наступило обнищаніе, что къ началу восьмидесятыхъ годовъ скотъ, лошади и овцы начали считаться уже—вмѣсто тысячъ и сотенъ головъ въ отдѣльномъ хозяйствѣ кочевника—только десятками и вмѣсто десятковъ едннцами. Въ настоящее же время овцы у калмыковъ сдѣлались рѣдкостью, скотоводство совершенно уничтожилось, о коневодствѣ нѣтъ и помину, верблюды же есть только у рѣдкихъ счастливецевъ. Дойдя до такого нищенскаго состоянія, не зная никакихъ ремеселъ, неспособные къ промышленнымъ занятіямъ, калмыки, дабы не умирать съ голода, поневолѣ должны были обратить свое вниманіе на землю, какъ на единственный, находящійся въ ихъ распоряженіи, источникъ доходовъ. Не имѣя же ни средствъ, ни умѣнія, ни навыка, ни склонности къ физическому труду, словомъ ничего такого, съ чѣмъ земледѣлецъ приступаетъ къ обработкѣ земли, калмыки, естественно, не могли собственными силами извлекать изъ нея средствъ къ жизни, почему въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и воспользовались правомъ сдачи душевого надѣла въ аренду. Такимъ

же легкимъ способомъ извлеченія доходности изъ земли они не только не поправили своего, болѣе, чѣмъ жалкаго, экономическаго положенія, но и прямо таки накиннули себѣ на шею мертвую петлю, которую постепенно и затягивали ихъ благодѣтели—арендаторы. Сдача же въ аренду земли, какъ легкій способъ добычи средствъ къ жизни, былъ очень заманчивъ, тѣмъ болѣе, что, благодаря упадку и уничтоженію овцеводства и скотоводства у кочевниковъ образовалось много *свободныхъ участковъ*, не приносявшихъ имъ ровно никакого дохода. Чтобы имѣть таковой, калмыки, оставивъ себѣ не болѣе десяти десятинъ на душу, остальную землю, соединивъ всѣ душевые надѣлы вмѣстѣ, поспѣшили сдать въ аренду съ тѣмъ, чтобы доходами съ нея, т. е. арендной платой, покрывать неотложные обязательные расходы, какъ то: взносъ ноюну и зайсангамъ албана, взносъ на содержаніе улуснаго управленія, родовыхъ писарей, почтовой гоньбы, на жалованье родовымъ старшинамъ, старостамъ, разсылнымъ и пр. и пр. общественныя вужды, включая въ нихъ помощь бѣднымъ, духовенству, расходы на общественныя празднества и работы по уничтоженію пруса и чумы.... Затѣмъ остатокъ послѣ покрытія всѣхъ упомянутыхъ расходовъ дѣлился уже между всѣми родовичами покибиточно, т. е. по числу отдѣльныхъ семействъ,—тѣмъ вполне и достигалась общественная справедливости въ распредѣленіи доходности съ земли... Слова имѣть, что калмыки, какъ мы уже знаемъ, крайне неумѣло, неосторожно, безъ надлежащаго опыта взялись за дѣло сдачи своей земли въ аренду, съ лихорадочною торопливостію поспѣшили развязаться съ нею, вслѣдствіе чего и случилось, какъ неизбежный результатъ, то, что земля оказалась расхищенной почти задаромъ, сами калмыки не получили надлежащей доходности съ нея и воспользовались самими жалкими крупницами, въ общемъ не смогшими не только поправить въ конецъ распатанное ихъ экономическое положеніе, но и дать даже нищенское обезпеченіе, такъ или иначе могущее избавить отъ мучительной для номада необходимости

добывать себѣ средства къ жизни путемъ затраты физическаго труда, невѣдомаго скотоводу. Но въ этомъ никакъ нельзя винить калмыковъ. По нашему мнѣнію вся тяжесть ответственности за расхвату калмыцкихъ земель не только безъ надлежащей пользы для народа, но и прямо таки въ явный для него ущербъ,—всецѣло падаетъ на попечителя улуса и главнаго пристава. Весь смыслъ ихъ службы, какъ чиновниковъ, закономъ обязанныхъ заботиться о благосостояніи калмыцкаго народа, состоялъ и состоитъ въ томъ, чтобы они охраняли интересы его и недопускали бы заключенія невыгодныхъ сделокъ. Никакіе общественные приговоры безъ санкціи главнаго пристава, никакіе контракты и условія, не засвидѣтельствованныя улуснымъ управленіемъ, даже заключенныя общимъ нотаріальнымъ порядкомъ,—не имѣютъ силы законныхъ документовъ; иначе говоря, калмыцкій народъ, его интересы, земля, весь экономическій строй его жизни, по закону, находится подъ самой строгой опекой главнаго пристава и попечителя улуса. Въ этомъ и состоитъ главное и существенное назначеніе улусныхъ чиновниковъ, и этимъ они и разнятся отъ другихъ административныхъ правительственныхъ исполнителей. Слѣдовательно, въ ихъ рукахъ была полная возможность не допускать расхищенія калмыцкой земли. Сдѣлать это они обязаны были и закономъ, и совѣстью, виѣвшей имъ въ обязанность наблюдать, чтобы арендная плата за участки была по крайней мѣрѣ не менѣе существующей на земляхъ сосѣднихъ съ улусомъ крестьянскихъ обществъ. Достигнуть же этого не представлялось никакого труда. Нужно было только заблаговременно собрать справочныя свѣдѣнія о существующихъ арендныхъ цѣнахъ на землю въ Ставропольскомъ, Новогорьковскомъ и Медвѣженскомъ уѣздахъ, окружающихъ Больше-Дербетскій улусъ и одинаковыхъ съ нимъ по топографическимъ и почвеннымъ условіямъ, и затѣмъ, имѣя такія свѣдѣнія, не допускать, чтобы калмыцкая земля сдавалась дешевле, чѣмъ въ сосѣднихъ уѣздахъ. Вотъ и все.... и это все такъ просто и легко исполнимо, что достигнуть его

можно было бы, если позволительно такъ выразиться, чисто механическимъ путемъ, безъ всякихъ головоломныхъ о томъ соображеній, требующихъ доказательствъ *за и противъ*.... Нужно было только слѣдить за сдачей калмыками своихъ участковъ и не утверждать ни общественныхъ о томъ приговоровъ, ни контрактовъ, если они явно вели къ ущербу калмыцкихъ интересовъ и обозначенны въ нихъ цѣны за десятину земли были ниже существующихъ въ окрестныхъ крестьянскихъ дачахъ.

Все это, разумѣется, такъ бы и было, если бы съ утвержденіемъ приговоровъ и заключеніемъ на основаніи ихъ контрактовъ и условій о сдачѣ земли въ аренду не связывалось кое что весьма существенное для власти *вмущихъ*,—настолько существенное, что предъ нимъ мерли и интересы калмыковъ, и ихъ нищенски-безвыходное положеніе, и долгъ службы, и статьи закона... Сами калмыки не смѣли „пищать“ противъ явной эксплуатаціи ихъ, не смогли твердо устоять противъ соблазновъ и тѣхъ „улициваній“ со стороны арендаторовъ, коими сопровождалась всякая сдача имъ земли. Соблазны же эти и улициванія были таковы, что не только калмыкамъ, крайне падкимъ къ спиртнымъ напиткамъ, но и болѣе устойчивымъ людямъ трудно было бы не поддаться, ибо онѣ разсчитывались на слабости народа, велись умѣло, упорно и съ соблюденіемъ полного по наружности благодушія, доброжелательства и участливаго отношенія къ нуждамъ калмыковъ. Желаящіе взять у калмыковъ землю въ аренду, сплотившись между собой, вели „свою политику“ такъ, что калмыкамъ казалось, что не кунаки-арендаторы хотятъ нажить на ихъ счетъ, а напротивъ, что кунаки изъ-за дружбы и „хорошаго сердца“ хотятъ слѣлать добро народу. Еще задолго до окончательнаго рѣшенія вопроса о сдачѣ того или другого участка земли въ аренду, намѣтившіе его будущіе арендаторы „входили въ знакомство“ съ вліятельными въ обществѣ родовичами, спивали ихъ водкой, дарили овцу или

дѣй—словомъ, всячески втирались въ довѣріе и расположеніе къ нимъ. При этомъ на первыхъ порахъ они ни однимъ словомъ не проговаривались о побудительной причинѣ, заставлявшей ихъ „тануть канитель и бражничать съ поганой тварью“. Все сводилось къ тому, что „Хорошій ужъ больно ты человекъ, Ункуръ Дорджентъ, душевный, настоящій кунакъ... Архитамхи (табакъ-водку) будемъ дѣлать вмѣстѣ... Хурда-мурда (ничего твоего) мнѣ не нужно... Такъ будемъ пріятелями-кунаками. Ты мнѣ пособка (помощь) дашь, а тебѣ.. ну и ладно будетъ!“

Ущещенные такими пріемами „почетные старики-родовичи“ дѣлались, конечно, сторонниками своего кунака, готовыми всегда и во всемъ, по завѣту куначества, помогать ему. Кунакъ же, „расчистивъ почву“ и увѣрившись, что старики дѣйствительно окажутъ ему „пособку“, смѣло уже „запускалъ удочку насчетъ участка земли“, не прилавав, впрочемъ, вопросу о наймѣ его большого значенія,—а „такъ—между дѣлами, молъ, отчего и не взять лишней земли, гулящей и никому не нужной“. Разъ же вопросъ объ арендѣ „участка“ всплывалъ наружу, будущій арендаторъ его, имѣя пособниками „стариковъ“¹⁾, начиналъ, кромѣ стариковъ, систематически спаявать всѣхъ, „кого пужно“, в „забивалъ водкой юрло твари“ до тѣхъ поръ, пока не составлялся общественный приговоръ о сдачѣ ему земли въ аренду и не заключался на то контрактъ въ улусномъ управленіи. Разумѣется, не обходилось дѣло и безъ взятокъ; но главнымъ образомъ пьянствовали—и на общественныхъ сходахъ, и въ с. Ивановкѣ, гдѣ расположено улусное управленіе. Пьянство иногда сопровождалось нарочито нанятой музыкой,—всегда же было настолько обильнымъ, что уполномоченные и „горластые старики“, т. е.

¹⁾ Такимъ именемъ казимики называютъ своихъ выборныхъ для участія въ общественныхъ сходахъ.

взятельные въ обществѣ калмыки настолько „промокали“ водкой, что рѣшительно находились въ положеніи невѣтнаемости и дѣлали все то, что угодно было спявающему ихъ кунаку. Кунакъ же, послѣ „заполученія“ контракта, быстро измѣнял свои отношенія къ „твари“, на случай же нужды и въ будущемъ нѣрѣдка „ублажалъ“ однихъ только власть имущихъ, остальныхъ же въ буквальномъ смыслѣ слова „гналъ по шеѣ“ не только изъ своего дома и хутора, но и изъ степи, взятой имъ въ аренду, травилъ собаками, лупилъ нагайками и при случаѣ всячески издѣвался надъ ними.

Обо всемъ этомъ такъ подробно мы говоримъ для того, чтобы показать всю, выражаясь снисходительно, неблаговидность поступковъ лицъ, и разсматривавшихъ, и утверждавшихъ общественные приговоры калмыковъ о сдачѣ въ аренду земельныхъ участковъ. Продѣлки арендаторовъ съ калмыками, спяваніе ихъ, подкупы, словомъ,—вся недобросовѣстность кулаческихъ приемовъ и открытое безобразіе „интермедіи“ между составленіемъ общественнаго приговора и заключеніемъ контракта хорошо было вѣдомо и попечителю улуса и главному приставу, совершалось чуть ли не на глазахъ перваго и нѣрѣдка, если не предъ окнами улуснаго управленія, то на задворкахъ его, пока писаря писали контрактъ. Покладиста же у нихъ была совѣсть и велика любовь къ стяжанію, если они на все это смотрѣли сквозь пальцы и ничтоже сумняся, равно и невѣдая страха отвѣтственности по службѣ,—провѣряли и утверждали общественные приговоры, заключали контракты и получали явно для всѣхъ должную мзду...

Если же такъ было обставлено дѣло сдачи калмыцкой земли въ аренду, то, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о томъ, кто болѣе виноватъ въ расхищеніи ея почти задаромъ—калмыки ли, или же ихъ начальство, обязанное закономъ быть блюстителемъ интересовъ народа и не допускать невыгодныхъ для него сдѣлокъ. Дѣло настолько ясно, что выяснять этотъ вопросъ послѣ всего уже сказаннаго нами—

излишне..... Остается только сказать, что отмѣченное нами распоряженіе главнаго пристава въ первой своей части, т. е. относительно порядка сдачи въ аренду казачьихъ земель не иначе, какъ съ торговою, дѣйствительно принесло существенную пользу народу. Вслѣдъ за нимъ почти устранилась возможность подкуповъ и спаванія казачковъ водкою, затѣмъ всѣ, кому нужна была земля, получили доступъ и право участія въ торгахъ. Общество казачковъ въ своихъ приговорахъ только указываетъ, какой участокъ земли, во сколько десятинъ и на какой срокъ оно желаетъ сдать въ аренду, но не можетъ указать на лицо, которому оно предпочтительно предпочтительнее бы сдать свою землю, тогда какъ ранѣе казачки въ своихъ приговорахъ прямо указывали, что именно такому то арендатору, а не другому кому либо, они сдаютъ свою землю въ аренду и хотя бы это лицо давало меньшую плату, чѣмъ другіе, съ нимъ все таки заключали арендный контрактъ. И если бы главный приставъ, упорядочивъ дѣло сдачи въ аренду земельныхъ участковъ, не стѣснилъ казачковъ въ ихъ правахъ пользоваться доходностью съ земли безъ посредничества его самого и улуснаго управленія, равно и не вмѣшался въ такія, сравнительно мелочныя, но для казачковъ очень важныя, хозяйственныя дѣла, какъ, наприкладъ, наемъ сосѣдямъ-крестьянамъ одной или двухъ десятинъ земли подъ пахотьбу, отдача покосныхъ паевъ, впускъ на толоку крестьянскаго скота и проч...,—то онъ, т. е. главный приставъ, такимъ своимъ распоряженіемъ несомнѣнно оказалъ бы воздѣйствіе на поднятіе экономическаго благосостоянія народа. Но этому помѣшала вторая часть его распоряженія. Дѣло въ томъ, что казачки, какъ уже упоминалось, за исключеніемъ крайне рѣдкихъ, единичныхъ случаевъ, не имѣютъ ни инвентаря, необходимаго для земледѣльца, ни скота, приравненнаго къ плугу и боронѣ, ни личнаго навыка и умѣнія заниматься хлѣбопашествомъ. Поэтому, лишившись скота, они еп masse и находятся почти въ нищенскомъ состояніи, несмотря на то, что имѣютъ сравнительно большой надѣлъ

земли, именно тридцать десятинъ на душу. Не умѣя же и не имѣя средствъ лично вести сельское хозяйство, калмыки, въ силу необходимости, большую часть своей земли сдають въ аренду, остатки же, кромѣ толокни и сѣнокосовъ, въ послѣднее время начали было разрабатывать сами, но все таки при непремѣнномъ посредствѣ и участіи крестьянъ, имѣющихъ необходимыя для того званія, орудія и скотъ. Въ этомъ то послѣднемъ отношеніи главный приставъ крайне стѣснялъ калмыковъ, запретивъ имъ входить въ личныя сдѣлки съ крестьянами безъ разрѣшенія на то улуснаго управленія; въ свою очередь и улусному управленію онъ не далъ права самостоятельно позволять калмыкамъ совершать земельныя сдѣлки съ крестьянами безъ предварительнаго „довѣренія“ о томъ до его свѣдѣнія, чѣмъ создалъ сложную и требующую значительной затраты времени процедуру для полученія народомъ права разрабатывать свою землю совместно съ крестьянами на взаимныхъ условіяхъ, самостоятельно заключенныхъ другъ съ другомъ и основанныхъ на личныхъ нуждахъ и выгодахъ каждаго. Ранѣе этого распоряженія калмыки свободно и всегда съ пользой для себя входили въ соглашенія съ крестьянами относительно распашки своихъ паевъ, тѣмъ самымъ незамѣтно привыкали къ земледѣльческому труду, искладоволь начали было обзаводиться сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ, равно и приучать свой скотъ къ плугу и боронѣ; въ послѣднее время появились уже и такіе хозяева-калмыки, что могли „спрягаться“ (къ крестьянскимъ быкамъ припрягать своихъ) съ бравшими у нихъ землю съ доли урожая, что, повидно, явилось громаднымъ шагомъ впередъ. Благодаря „спряжкамъ“ у нѣкоторыхъ, болѣе предприимчивыхъ калмыковъ завелись уже и собственные букари (двухъ- и трехъ-лемешные плуги). Но все это сбилось, перепуталось и на время остановилось въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи единственно потому, что главному приставу „пожелалось“ заставить калмыковъ, чтобы они сами занимались земледѣліемъ, лично своими трудами и средствами обрабатывали бы землю,

а не тѣмъ, якобы *убыточными*, способами, какой они ранѣе практиковали, т. е. не чрезъ посредство крестьянъ, почему и заиретилъ сдавать землю послѣднимъ на какихъ бы то ни было условіяхъ, кромѣ какъ по разъ установленной таксѣ за десятину съ обязательствомъ взноса денегъ въ улусное управленіе. Всѣ нежелательныя послѣдствія отъ такого распоряженія будутъ намъ ясны, если мы познакомимся со способомъ распределенія калмыками между собой земельныхъ частей.

Нечего и говорить о томъ, что до 1871 года, т. е. до разверстки калмыцкой степи по числу душъ собственно калмыцкаго населенія Больше-Дербетскаго улуса, кочевники обща пользовались всей землей и у нихъ не было понятія о правахъ личной собственности на ту или другую часть дѣлаго. Съ 1871 года калмыки, какъ извѣстно, получили опредѣленный надѣлъ—именно по тридцати десятинъ на душу,—причемъ земельныя дачи были раздѣлены и разграничены только между отдѣльными родами, составлявшими отдѣльную самостоятельную административную единицу. Но и послѣ такого раздѣленія степи на душевые надѣлы калмыки продолжали, какъ продолжаютъ и теперь, придерживаться прежняго обычая, совместно пользовались землей, не вступили въ права личного владѣнія всею частью душевого надѣла, но прежнему оставили землю въ общинномъ владѣніи и только въ самое послѣднее время, вынужденные необходимостью заняться земледѣіемъ, родовичи начали выдѣлять изъ общаго владѣнія пайки подъ пахоту и сѣнокосеніе. Дѣлалось это такъ. Родъ, составляющій отдѣльное общество, опредѣлялъ необходимое для своихъ общихъ потребностей количество земли, какъ то: подъ толоку, сѣнокосеніе и пахоту; остальную землю, обществомъ же, сдавалъ въ аренду, плата за которую шла на покрытіе всѣхъ общественныхъ и казенныхъ повинностей, а остатокъ дѣлился между всѣми клбвтками поровну. Оставленная въ личное пользованіе земля, кромѣ толоки, дѣ-

лилась на *пан* опять таки поихбиточно, причемъ при дѣ-
лежѣ имѣлось въ виду и *качество земли*; такъ, отъ собствен-
но степной выдѣлялись *лиманы*, какъ мѣста, болѣе удобныя
для сѣнокосенія. Благодаря этому каждая кибитка имѣла *пан*
и въ степи, и въ лиманахъ.

Для достиженія же наибольшей справедливости въ поль-
зованіи *паями*, послѣдніе не были прежде и не являются те-
перь постоянными и передѣлъ ихъ совершается черезъ каж-
дый три-пять лѣтъ, ибо признается, что за этотъ періодъ вре-
мени въ составахъ кибитокъ происходитъ существенное измѣ-
неніе, образуются новыя, а часть старыхъ теряетъ право
на *пан* вслѣдствіе вымиранія имущественно правоспособныхъ
своихъ членовъ. Послѣ дѣлежа земли на *пан* въ дальнѣйшее
распоряженіе ими община уже не вмѣшивалась. Получившій
пан имѣлъ независимое право лично распоразаться чѣмъ по
своему, ничѣмъ не ограниченному, произволу—могъ сдать
его за деньги, отдать съ доли урожая, самъ распахать и т. д.
Только, разумѣется, не имѣлъ права продать.—Тѣмъ *паями*,
что въ лиманахъ, калмыки исключительно пользовались и поль-
зуются для сѣнокосенія. Богатое скотомъ меньшинство само,
своими средствами, убирало сѣно, большинство же поступало
такъ: а) совершенные бѣдняки продавали русскимъ, а б) имѣю-
щіе корову и лошаденку славали покосъ съ доли, получая въ свою
пользу пятую и даже менѣе копну. Несмотря на такую деше-
визну, не существующую въ окрестныхъ селахъ, калмыки
все таки имѣли ту несомнѣнную выгоду, что у нихъ полу-
чался запасъ корма на зиму, корма, во время уборнаго и
по хозяйски сложеннаго въ огородахъ, къ чему калмыки, пре-
доставленные самимъ себѣ, по своей безпечности мало спо-
собны и склонны, къ тому же не имѣютъ въ своемъ распо-
раженіи и нужныхъ для того средствъ, такъ какъ у громад-
наго большинства изъ нихъ нѣтъ ни телѣгъ, ни воловъ, ни
упряжи, т. е. ничего такого, что нужно при уборкѣ сѣна; у
многихъ же нѣтъ даже ни косъ, ни грабель и не на что ихъ

купить. Отсюда ясно, что безъ сдѣлокъ съ крестьянами и участія ихъ въ сборѣ сѣна, подавляющее большинство калмыковъ, по своей глѣнной безпечности и по немѣннѣю нужныхъ орудій и перевозочныхъ средствъ, навѣрное осталось бы безъ запасовъ сѣна. Если же какая нибудь часть сѣна и была бы скошена лично калмыками, то она такъ бы и осталась въ копнахъ, слѣдовательно пропала бы и отъ дождей, и отъ погравъ скотомъ, что сплошь и рядомъ и случается. Во всемъ этомъ легко убѣдиться—стоитъ только проѣхать по покоснымъ мѣстамъ во время уборки сѣна и присмотрѣться, кто *ею занимается*, затѣмъ обратить вниманіе, что есть у калмыковъ близъ ихъ кибитокъ и внутри ихъ. На покосахъ вездѣ пришлось бы увидѣть массу работающихъ крестьянъ и только кое гдѣ спротиво мелькающихъ съ косами калмыковъ; близъ же кибитокъ и въ нихъ не увидѣли бы ни телѣги, ни яра, ни сбрун; брѣчкы и дроги встрѣтились бы у очень и очень немногихъ счастливицевъ-богачей....

Что же касается паевъ въ степной части земельныхъ дачъ, то разрабатываются они частью самими калмыками, всегда съ непремѣннымъ участіемъ крестьянъ, частью же сдаются послѣднимъ подъ распашку на извѣстныхъ условіяхъ, которыя безконечно варьируются, смотря по нуждѣ владѣльца пая и личнымъ его наклонностямъ и потребностямъ. Мы уже говорили, что скотоводство собственно у калмыковъ совершенно прекратилось и давно уже перестало давать нужныя къ жизни средства. Двѣ-три коровы есть у немногихъ счастливицевъ,—большинство-же не имѣетъ болѣе одной тощей и задоевной, немало есть и такихъ *байлушей* (бѣдниковъ), которые, кромѣ дырвой кибитки и кучи дѣтей, рѣшительно не имѣютъ никакой другой собственности; есть и такіе, что всю свою жизнь скитаются по чужимъ кибиткамъ и рѣшительно не имѣютъ никакихъ средствъ къ жизни. Въ общемъ же, для всѣхъ безусловно калмыковъ въ настоящее время земля представляетъ единственный источникъ доходовъ. Этимъ то

источникомъ каждый калмыкъ и пользуется, смотря по своимъ средствамъ, умѣльи и ловкости. Болѣе или менѣе зажиточные калмыки, имѣющіе пару-другую рабочихъ воловъ, не сдаютъ въ аренду своихъ пасъ, а напротивъ—къ нимъ добавляютъ еще и арендуемые у своихъ сородичей. А такъ какъ даже самый богатый калмыкъ самъ, своими силами и умѣньемъ, все таки неспособенъ обрабатывать землю, къ тому же и не имѣетъ необходимыхъ для того земледѣльческихъ орудій, то онъ, поневолѣ, входитъ въ соглашеніе съ кунакомъ-крестьянникомъ и принимаетъ его въ свои пайщики. Иные же изъ зажиточныхъ калмыковъ за свою землю и помощь при уборкѣ съ нея хлѣба получаютъ съ крестьянъ около половины урожая въ готовомъ зернѣ. Иногда бываетъ и такъ, что сами крестьяне своимъ скотомъ и орудіями, безъ всякаго участія въ работахъ со стороны калмыка, дающаго землю, вспахиваютъ ее, обсымаютъ своимъ зерномъ и убираютъ,—но только уже одну свою условленную часть (половину, рѣдко треть), другую же часть убираетъ владѣлецъ пая. Но пользующихся такъ, сравнительно опредѣленно, своими пайми очень мало—преобладающее большинство народа продаетъ свои пай, какъ уже сказано, на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, перечислить которыя почти невозможно. Тѣмъ не менѣе, можно сказать, что въ основѣ такихъ сдѣлокъ всегда лежитъ забота и желаніе калмыковъ получить съ крестьянина—нанимателя пая *зумръ* (хлѣбное зерно) и *эдмыкъ* (готовый хлѣбъ), безъ котораго существованіе бывшихъ кочевниковъ-скотоводовъ, въ особенности зимой, сдѣлалось уже невозможнымъ. Лѣтомъ калмыки еще кое какъ могутъ пропитываться *арьяномъ* (проквашенное молоко) и чаемъ съ молокомъ, впрѣдѣ лакомясь бараниной; зимой же, когда удои коровъ прекращаются, единственную повседневную пищу калмыковъ представляетъ, кромѣ чая, *будана*, т. е. мука, свареная въ водѣ и приправленная сбереженнымъ на зиму молокомъ (въ сушеномъ и квашеномъ видѣ), если таковое есть. Безъ этого *будана*, какъ русскій безъ хлѣба, калмыкъ не можетъ—да и не тѣмъ было бы—

жить. Такъ вотъ, чтобы имѣть по возможности всегда муку для будана, а иногда полакомиться и „пышками“ (хлѣбныя лепешки), калмыкъ и сдаетъ свой пай „знакомому“, т. е. крестьянину — приятелю, за известное количество гуира (муки), что и составляетъ плату за пользованіе землей. Кроме того, имѣя такого „знакомаго—арендатора“, калмыкъ *надолдаемъ* ему частыми своими посѣщеніями, самъ „отъѣдается“ у него и никогда не уходитъ домой безъ куска *адмаха* т. е. печеного хлѣба. Въ такихъ отношеніяхъ къ „знакомому“ несомнѣнно есть много выгодъ для безопаснаго, не умѣющаго дѣлать сбереженій и вообще лѣниваго калмыка. Если же вспомнимъ, что онъ рѣшительно не въ силахъ самъ, своими средствами, вспахивать землю, что у него нѣтъ мѣста для храненія зерна на случай, если бы у него таковое явилось; если мы узнаемъ, что калмыкъ не отличается бережливостью, то и согласимся, что онъ, зная себя и свои наклонности, умудренный опытомъ, лучше, въ смыслѣ извлеченія наибольшаго пользы изъ своего пая, не сможетъ—да и нельзя—эксплуатировать его и не сумѣетъ иначе устроить свои хозяйственно-продовольственные дѣла—до тѣхъ поръ, пока самъ не будетъ распахивать землю и не изыщетъ необходимыхъ къ тому средствъ. Безъ средствъ же и безъ посторонней помощи, въ чемъ бы таковая ни выразилась—въ участіи ли крестьянъ въ совмѣстномъ съ калмыками трудѣ по обработкѣ земли, или же въ снабженіи ихъ рабочимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями—калмыки, въ томъ положеніи, въ какомъ они находятся теперь, рѣшительно не могутъ сами обрабатывать своихъ земельныхъ паявъ.

Это вопросъ будущаго, вопросъ очень важный и, по нашему мнѣнію, наилучшимъ способомъ обойденный самими калмыками, практикующими своеобразную систему сдачи своихъ паявъ крестьянамъ на вышеупомянутыхъ условіяхъ. Мы несколько не преувеличили, сказавъ, что калмыки, сдавая такъ свои пай крестьянамъ, извлекаютъ изъ нихъ наибольшую для себя пользу. Перевести на деньги все то коли-

чество гувра и эдыка, какое калмыкъ получить по условію и выманить, и выпросить, и съѣсть, почти невозможно. Сами же крестьяне говорятъ, и не безъ основанія на то, что имъ гораздо дешевле обошлось бы то же количество земли, если бы они взяли его прямо за деньги и не выплачивали за него *фунтами и юрстками муки и пирогами* (печенымъ хлѣбомъ) въ продолженіе осени и зимы. Въ общей экономіи крестьянскаго хозяйства фунты муки и пироги почти незамѣтны, не ложатся бременемъ на его бюджетъ и крестьянину кажется, что онъ „дешево держитъ землю“. Въ дѣйствительности же, если бы этимъ фунтамъ и пирогамъ подвести итогъ, то стоимость ихъ навѣрное превышала бы нормальную стоимость того количества земли, за которое дается калмыку хлѣбъ, а не деньги. Все дѣло въ томъ, что крестьянинъ *не деньги платитъ за землю и не сразу „кушемъ отсыпаетъ“ условленное количество муки, а выдаетъ ее въ продолженіе долгаго, сравнительно, времени и малыми, незамѣтными частями*; калмыкъ же все таки обезпечивается мукой, т. е. необходимой повседневной пищей, не подвергаетъ себя случайностямъ и соблазнамъ сбыть кажущійся излишекъ запаса. Получая же деньги за землю, онъ, врагъ бережливости, немедленно промоталъ или же пропилъ бы ихъ, что сплошь и рядомъ и случается съ тѣми калмыками, которые рискуютъ продавать свои пай за деньги.

Слова нѣтъ, что при такомъ способѣ раздѣльванія своей земли и извлеченія изъ нея доходности калмыки являются какими то паразитами, экономически неспособными и поставившими себя въ полную матеріальную зависимость отъ своихъ знакомцевъ—крестьянъ; понятно, что такая легкая, сравнительно, возможность прокармливанія себя и своего семейства не возбуждаетъ и не можетъ возбудить энергію, инициативу и духъ предпримчивости въ дѣлѣ занятія сельскимъ хозяйствомъ и, если не убиваетъ, то во многихъ случаяхъ усыпляетъ охоту къ физическому труду, вслѣдствіе чего необходимо изыскать средства и способы помочь калмыкамъ выйти изъ такого зависимаго отъ чужого труда поло-

женія, приохотить ихъ къ самостоятельному земледѣльческому труду и отвлечь ихъ отъ мертвящаго вліянія „знакомцевъ“, къ которымъ они, по собственному выраженію ихъ, „доже присосались“ и безъ которыхъ считаютъ себя „промащими людьми“. Если же мы и сказали, что сами калмыки лучше своихъ опекуновъ нашли средство пользоваться своими пахотными паями и при данныхъ условіяхъ извлекаютъ изъ нихъ наибольшую для себя пользу, то сказали такъ потому, что официальное рѣшеніе этого же вопроса, выразившееся въ распоряженіи главнаго пристава: сдавать даже земельные пая не иначе, какъ за деньги и съ разрѣшенія начальства, причемъ деньги должны вноситься въ улусное управленіе,— рѣшительно не выдерживаетъ никакой, даже снисходительной, критики,—и, какъ практически несостоятельное, не могло не оказать вредныхъ въ экономическомъ отношеніи послѣдствій, перепутало всѣ сношенія калмыковъ съ крестьянами и поставило первыхъ на болѣе или менѣе продолжительное время въ самыя тяжелыя экономическія условія. Затѣмъ несомнѣннымъ результатомъ этого распоряженія явилась и рассказанная уже нами возмутительная исторія столкновенія калмыковъ Ивѣтуктунова рода съ попечителемъ улуса Г., считавшимъ себя въ правѣ, опираясь на распоряженіе главнаго пристава, призвать казачью команду и вооруженной силой отнимать у калмыковъ и ихъ арендатора принадлежащія первымъ деньги за ихъ собственную землю, несмотря на то, что имъ очевидно были нужны деньги на покупку хлѣба и корма для скота; и тѣ глухія, едва не разразившіяся крайне нежелательнымъ инцидентомъ волненія среди крестьянъ и калмыковъ, какія были весной 1893 года по поводу фактическаго запрещенія: а) калмыкамъ—сдавать подъ распашку свои пая безъ взноса получаемыхъ за нихъ денегъ въ улусное управленіе и б) крестьянамъ—распахивать эти пая, хотя бы расцѣтъ за нихъ и повонченъ былъ съ калмыками. Чтобы не быть голословнымъ, скажу нѣсколько подробнѣе о послѣднемъ фактѣ.

Не обращавшій вниманія на послѣдствія своего распоряженія главный приставъ настоятельно потребовалъ, чтобы больше-дербетская улусная администрація „строго и неуклонно“ слѣдила за тѣмъ, чтобы крестьяне ни подъ какимъ предлогомъ не распахивали бы калмыцкой земли безъ предварительнаго взноса за нее арендной платы, помимо калмыковъ, прямо въ улусное управленіе по разѣ установленной таксѣ,—именно за „мягкую“ землю 1 р. 20 к. съ десятины, залежь 2 р. и дѣлну 4 р. тоже за десятину. При этомъ велѣно было не обращать ровно никакого вниманія на ранѣ существовавшія сдѣлки калмыковъ съ крестьянами; всѣ расчеты и обязательства, заключенныя между ними, сочтены были незаконными (?) и крестьяне, уплатившіе уже за землю деньгами или хлѣбомъ, должны были вновь платить по таксѣ, если желали пользоваться ранѣ оплаченной землей. Словомъ, калмыки совершенно лишились права самостоятельно распоряжаться своими пахотными и сѣнокошными паями, а крестьяне потеряли возможность пользоваться нанятой у нихъ землей, потеряли также деньги и хлѣбъ, уплаченный за нее. Въ общемъ же были нарушены и уничтожены тысячи сдѣлокъ крестьянъ съ калмыками. Понятно, что крестьяне и калмыки заволновались, протестовали,—но изъ ихъ протеста ничего не вышло. Калмыки наружно смирились, крестьяне же свои протори и убытки выместили на хозяевахъ паевъ, брали съ нихъ, что возможно, и били ихъ при каждой встрѣчѣ съ ними въ селахъ, тѣмъ и вынудили такъ или иначе рассчитаться за взятые деньги и хлѣбъ. При этомъ, естественно, развилась масса нелегальныхъ продѣлокъ, имѣвшихъ цѣлью какънибудь обойти распоряженіе главнаго пристава и дать своимъ знакомымъ крестьянамъ возможность безнаказанно распахивать землю. Но, несмотря на послѣднее, все таки большинство калмыковъ осталось и безъ хлѣба, и безъ денегъ, и безъ возможности по прежнему получать отъ знакомцевъ даромъ гундръ и эдмыкъ. Слѣдовательно, главный приставъ, лишивъ калмыковъ права

самостоятельно распоряжаться своими пашни, тѣмъ самымъ не только поставилъ ихъ въ экономическа безвыходное положеніе, но и натолкнулъ народъ на путь изысканія вслѣдствіи велегальныхъ способовъ пользованія своими пашни непосредственно въ свою пашню, иначе говоря—невольно заставилъ ихъ плутовать для добыванія средствъ къ существованію. Въѣсть съ этимъ, главный приставъ, не предвидя того, своимъ, повидному охраняющимъ интересы калмыковъ, распоряженіемъ положительно разорилъ ихъ. Такъ, въ томъ же 1893 году была необычайно суровая зима. Съ двадцатыхъ чиселъ декабря мѣсяца 1892 года и до половины января слѣдующаго года непрерывно свирѣпствовалъ сильнѣйшій снѣжный буранъ, благодаря которому скотъ не имѣлъ возможности пользоваться подожнымъ кормомъ, не только въ періодъ бурана, но и послѣ него, почти до средины февраля мѣсяца, такъ какъ степь занесена была толстымъ слоемъ снѣга и стояли сильныя, необычныя холода. Страдая же и отъ холода, и отъ бескормицы, скотъ массами пропадалъ. Трудно повѣрить, а между тѣмъ это официально засвидѣтельствованный фактъ, что въ теченіе упомянутого нами времени свирѣпствованія снѣжнаго бурана, у населенія ставропольской губерніи, находящагося въ вѣдѣніи главнаго пристава, отъ голода и холода *пало одинъ миллионъ двести одна тысяча сто восемьдесятъ семь головъ разнаго скота и лошадей*; въ томъ числѣ, собственно у калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса, *бѣднѣвшихъ скотомъ, пало тысяча пятьсотъ пятьдесятъ одна голова*. При нищенствѣ народа это ужасныя цифры! Между тѣмъ, если бы калмыки не лишены были права непосредственнаго полученія доходности со своихъ пашей и тѣмъ не былъ бы подорванъ ихъ кредитъ у крестьянъ, бѣдствіе не имѣло бы такихъ страшно разорительныхъ послѣдствій. Въ 1891 году въ калмыцкой степи былъ полный неурожай, никто не скопилъ ни былинки травы, посѣвы также пропали и, тѣмъ не менѣе, калмыцкій скотъ не падалъ съ голоду. Положимъ, въ томъ году калмыкамъ выдана была ссуда изъ общественнаго капитала по одному рублю на голову

скота. Но не эта ссуда спасла скотъ отъ послѣдствій голодовки. И безъ объясненій понятно, что на одинъ рубль въ теченіе зimy невозможно прокормить даже овцу, тѣмъ болѣе во время голодовки, когда сажень соломы продавалась за двадцать и болѣе рублей, сажень же сѣна за семьдесятъ и даже восемьдесятъ рублей. Спасла же скотъ не ссуда, а помощь крестьянъ сосѣднихъ селъ, въ которыя калмыками угнанъ былъ скотъ и гдѣ онъ прозимовалъ вмѣстѣ съ крестьянскимъ. За зимовку же скота калмыки разсчитались съ крестьянами не деньгами, что невозможно было для первыхъ, а уступкой имъ части своихъ покосовъ и пахотныхъ пашей, что и было выгодно какъ для той, такъ и для другой стороны, и крестьяне безъ ущерба для калмыковъ сохранили единственное ихъ достоинство—скотъ. Въ 1893 году калмыки не могли такъ счастливо отдѣлаться отъ бѣды, ибо, въ силу запрещенія сдавать свои пашни крестьянамъ, они потеряли всякій кредитъ у послѣднихъ. Крестьяне, зная, что ихъ сдѣлки съ калмыками не признаются начальствомъ, не вѣрили въ долгъ послѣднимъ и требовали съ нихъ за сѣно и солому наличныя деньги, которыхъ бѣднякамъ рѣшительно негдѣ было взять. Изъ своихъ родовыхъ суммъ, хранящихся въ улусномъ управленіи?... Странно объ этомъ и говорить. Кормъ и пріютъ для скота нуженъ былъ сейчасъ же, въ моментъ застигнувшей бѣды, слѣдовательно сейчасъ же нужны были и деньги для пріобрѣтенія корма. Получить же деньги изъ улуснаго управленія можно только по выполненіи тяжелыхъ въ данномъ случаѣ и медлительныхъ канцелярскихъ проволочекъ и формальностей. Нужно: 1) испросить разрѣшеніе главнаго пристава на право созыва общественной сходки, 2) выждать требуемыхъ закономъ двѣ недѣли, когда, получивъ разрѣшеніе, можно созвать сходъ и составить общественный приговоръ объ отпускѣ денегъ, 3) отослать приговоръ на просмотръ улуснаго управленія и утвержденіе главнаго пристава, 4) получить предписаніе о выдачѣ денегъ, 5) взять ихъ изъ казначейства и 6) раздать всѣмъ нуждающимся подѣ ихъ расписки—короче говоря, на выполненіе всѣхъ этихъ необхо-

данныхъ формальностей затрачивается самое нужное время и калмыки свои собственныя деньги, крайне потребны въ извѣстный моментъ, получаютъ тогда, когда нужда въ нихъ проходить и бѣдствіе, обрушившись всей силой своей тяжести на находящійся подъ опекой народъ, успѣетъ причинить ничѣмъ непоправимый вредъ. То же самое, что со скотомъ, случилось и съ людьми во время повальныхъ заболѣваній калмыковъ осной, брюшнымъ тифомъ и др. болѣзнями, что и было въ томъ же 1893 году... И нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни невѣроятнаго, въ томъ, что калмыки, благодаря лишенію ихъ права пользоваться доходами съ земли безъ посредства главнаго пристава и улуснаго управленія, еще болѣе обѣднѣли, потеряли возможность пользоваться помощью отъ крестьянъ и, дабы имѣть хлѣбъ, одежду, средства на свадьбы, похороны и т. п. должны были продавать послѣднюю коровенку. Нужды ихъ, зачастую совершенно не предусмотрѣнныя, не могли и не могутъ ждать поры, когда путемъ официальныхъ разрѣшеній соблаговолитъ выдать деньги для покрытія ихъ; по минованіи же нужды, понятно, что и помощь не въ помощь. Да накопецъ не за всякой нуждой удобно бываетъ обращаться къ начальству; нужны, напримѣръ, деньги на покупку воды для сватовства, свадьбы и при другихъ случаяхъ; какъ на воду просить денегъ? И калмыкъ не рѣшится просить ихъ, да и начальство не дастъ... Такихъ же случаевъ, неудобныхъ для обнаруживанія предъ начальствомъ, (ибо они могутъ показаться ему и малозначащими, и ненужными, и вредными, почему и „не подлежащими удовлетворенію“) въ жизни народа, по требованію его обычаевъ, встрѣчается масса. Случаи же эти, вопреки взгляду начальства, неустранимы и тѣсно связаны со строемъ его быта... Слова нѣтъ, что желательное образованіе общественныхъ родовыхъ капиталовъ. Противъ важнаго значенія послѣднихъ въ экономическомъ быту народа не можетъ быть и рѣчи. Но образовать такой капиталъ, думается, вполне возможно, не прибѣгая для того къ такимъ неудобнымъ для

калмыковъ мѣрамъ, какъ, напримѣръ, лишеніе ихъ права непосредственно пользоваться арендными деньгами со своей земли. Земли много; большая половина ея сдается въ аренду по общественнымъ приговорамъ. Разъ же у главнаго пристава есть легальное право вмѣшиваться въ денежные расчеты калмыковъ и распределять ихъ доходы по своему усмотрѣнію, то и пусть бы онъ опредѣлилъ: 1) сколько нужно удерживать изъ общей арендной суммы для взноса въ казначейство на покрытіе поквиточнаго албана (подати) и на удовлетвореніе другихъ, закономъ требуемыхъ, общественныхъ расходовъ и 2) какой процентъ изъ той же суммы вносить въ улусное управленіе для образованія родовыхъ капиталовъ; а затѣмъ остальные деньги предоставилъ бы въ свободное и непосредственное распоряженіе родовыхъ обществъ, безъ всякаго вмѣшательства въ дѣло расходованія ихъ со стороны официальныхъ лицъ, развѣ только обязавъ послѣднихъ слѣдить, чтобы деньги не утаивались должностными лицами и дѣлились бы между всеми родовичами поровну. Что же касается вмѣшательства главнаго пристава и чиновниковъ улуснаго управленія въ дѣла калмыковъ по соглашенію ихъ съ крестьянами относительно разработки пашевой земли, равно и сдачи ея въ аренду, то такое вмѣшательство, какъ о томъ говорятъ факты, безспорно вредно отражается въ нищенской жизни калмыковъ, портитъ ихъ отношенія къ сосѣдямъ-крестьянамъ, обезличиваетъ народъ, убиваетъ въ немъ духъ предприимчивости, низводитъ свободный и здоровый народъ на степень какихъ то богадѣльщичковъ, вынужденныхъ, дабы имѣть личныя средства, или попрошайничать, или же разными темными путями не допускать, чтобы ихъ деньги попадали въ улусное управленіе. О послѣднемъ калмыки, не скрываясь, заявляли на общественныхъ сходкахъ, вполне справедливо доказывая, что, если главный приставъ не отмѣнитъ своего распоряженія, то нужда заставитъ ихъ „находить обходы“, такъ или иначе вступать хотя и въ убыточные, но крайне необходимыя, сдѣлки съ крестьянами, дабы имѣть „свободныя денги“, обойтись безъ

которых нѣтъ возможности. Полатно, что у нихъ слово не расходилось съ дѣломъ; пая по прежнему сдавались въ аренду, но уже майкомъ. Крестьяне же, пользуясь случаемъ, подъ видомъ вычета за рискъ, сильно понизили плату за землю. Пишущему эти строки доподлинно извѣстно множество случаевъ нарушенія распоряженія главнаго пристава. Жизнь народа и экономическіе его интересы не могутъ подчиниться гнетущимъ ихъ канцелярскимъ требованіямъ, особенно, если эти требованія нарушаютъ всѣ жизненные устои, въ замѣнъ чего, кромѣ пути, ничего не дается. Замѣдующимъ калмыкамъ вѣроятно хотѣлось устроить какую то оффиціальную коммуны съ безответными членами ея—калмыками-хозяевами земли, доходность съ которой и составляла бы бюджетъ коммуны. Но тогда слѣдовало бы устроить такъ, чтобы въ управленіи коммуны было все необходимое для удовлетворенія насущныхъ нуждъ калмыковъ, равно было бы и мѣсто для приюта бездомныхъ бѣдняковъ, сиротъ и калѣкъ. Разъ же ничего подобнаго нѣтъ и не можетъ быть, то ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало лишать калмыковъ права полученія доходовъ съ земли (особенно съ пашевъ и за выпасъ скота) прямо на руки безъ посредничества улуснаго управленія; за послѣднимъ должно оставаться только право надзора, т. е. именно то, что возложено на него закономъ, а не главнымъ приставомъ. Иначе—должно было случиться то, что случилось, т. е. калмыки, дабы имѣть у себя лично средства, научились плутовать; а такъ какъ, благодаря плутовскому способу сдачи земли въ аренду, цѣнность ея понизилась, то калмыки, дабы пополнить недочеты, поневолѣ должны были продавать послѣдній свой скотъ. Затѣмъ, что будетъ дальше—не трудно угадать... Во всякомъ же случаѣ не слѣдуетъ держать народъ въ заблужденіи... Одно изъ двухъ: или же признать калмыковъ неспособными распоряжаться землею, извлекать изъ нея доходы и самостоятельно расходовать деньги—и тогда лишить ихъ надежды на приобрѣтеніе независимыхъ правъ на землю,

или же, что гораздо справедливѣе,—оставивъ вредный и ошибочный взглядъ на имущественную неспособностъ калмыковъ, закрѣпить за ними землю, дать имъ полную свободу распоряжаться своими паями, не вмѣшиваться въ расчеты съ крестьянами и *не давать изъ милости, что слѣдуетъ дать по праву*. Совершенно ошибочно думать и утверждать, какъ то дѣлають оффиціозы, что калмыки будто бы не понимаютъ своихъ выгодъ и по прежнему продолжаютъ заключать невыгодныя для себя сдѣлки. Нужда и въ научила уже *ѣсть калачи*. Масса павѣстныхъ намъ сдѣлокъ калмыковъ съ крестьянами даетъ право утверждать, что калмыки отлично понимаютъ и соблюдаютъ свои выгоды, предусматриваютъ всѣ случайности и умѣло гарантируютъ безспорностъ получения выговореннаго, причеиъ не упускаютъ случая даромъ или же невозможно дешевле воспользоваться и званіями крестьянина, и его скотомъ, и сельскохозяйственными орудіями. А это несомнѣнно свидѣтельствуетъ о томъ, что если бы у калмыковъ были средства, необходимыя для обработки земли, то недолгѣ они сами по себѣ, безъ чиновничьяго вмѣшательства, взялись бы за плугъ. Но тутъ то и случилось то, чего не слѣдовало бы допускать,—именно не слѣдовало 1) колебать увѣренность въ неварушимости правъ на землю и 2) лишать права получать въ свои руки доходъ съ пахотныхъ и покосныхъ пашвъ. Въ замѣнъ же послѣдняго лишена калмыкамъ ничего не дано, ибо нельзя же считать въ самомъ дѣлѣ дѣйствительно серьезной поддержкой для калмыковъ покупку имъ по два и по три плуга на цѣлый родъ, считающій въ своемъ составѣ отъ семи до пяти сотъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Это было не поддержкой, а забавой. Иначе мы и не можемъ назвать приобрѣтеніе въ 1893 году для каждаго родового общества *по два плуга*, не можемъ назвать потому, что сами по себѣ плуги бесполезны. Чтобы они могли приносить пользу, нужно много кое чего добавить къ нимъ—это разъ; а во вторыхъ, развѣ можно установить справедливый, хотя сколько нибудь, способъ пользованія ими со стороны населенія въ сто и

четыреста отдѣльныхъ хозяйствъ? Затѣмъ нужна животная рабочая сила,—быки же, несмотря на просьбы калмыковъ, не были куплены... Не принесли эти плуги пользы также и дѣлу заведенія общественныхъ запасовъ, опять таки по той простой и вполне понятной причинѣ, что не было приобретено общественныхъ быковъ или лошадей, а безъ нихъ странна и попытка уравнивать участіе всѣхъ калмыковъ въ трудѣ обработки земли для посѣва общественнаго хлѣба, если не перевести это участіе на деньги. Но тогда не проще ли и не справедливѣе ли было бы заплатить за распахву земли, посѣвъ и уборку *общественнаго хлѣба*, взыскать деньги съ калмыковъ и считать, что произведена общественная запашка: *въ такомъ то родѣ столько то десятинъ, а въ такомъ то столько то?*... Въ дѣйствительности такъ оно и есть, съ тою только незначительной поправкой, что израсходованныя на такую запашку деньги взыскиваются—*не чинами улуснаго управленія, а какъ будто бы секретно отъ нихъ—родовыми старшинами*. Разумѣется, послѣднее ни для кого не секретъ, но... всѣ молчатъ, ибо кому то для чего то нужно, чтобы у калмыковъ была общественная запашка, а какъ она производится, это не попадаетъ на страницы отчетовъ о ней...

И такъ, резюмируя сказанное нами въ этой главѣ, еще разъ подтвердимъ, что, если желательно, чтобы калмыки сдѣлались земледѣльцами и тѣмъ вышли бы изъ своего крайне нищенскаго положенія, то, по нашему убѣжденію, основанному на фактахъ, необходимо: во первыхъ и главнымъ образомъ объявить имъ, что *отведенная имъ подъ оспдное поселеніе земля составляетъ изъ неотъемлемую собственность, которую каждый изъ нихъ самостоятельно можетъ распоряжаться на правахъ общиннаго владѣнія и доходы имѣетъ право получать прямо въ свои руки, и не изъ рукъ какихъ чиновниковъ, какъ главный приставъ и др.; предоставить калмыкамъ право лично входить въ соглашенія съ крестьянами относительно обработки пахотныхъ и покосныхъ пашвъ и не вѣдаться въ ихъ счеты и расчеты, разъ они не нарушаютъ*

общезаконныхъ требованій и договаривающіяся стороны не желаютъ обращаться къ посредничеству улуснаго управленія. Во вторыхъ—прійти на помощь калмыкамъ отпускомъ изъ ихъ же „общественнаго калмыцкаго капитала“, коего болѣе двухъ сотъ тысячъ рублей, необходимыхъ средствъ на приобретение сельскохозяйственнаго инвентаря и животной рабочей силы и слѣдить за тѣмъ, чтобы приобретенное не растратывалось; но отнюдь не стѣснять свободы пользования и орудіями, и быками или лошадьми, ибо самъ народъ всегда справедливые канцеляріи сумѣетъ урегулировать способы пользования или. Выполнить все это легко, такъ какъ средства къ тому есть болѣе чѣмъ достаточныя. Иначе же калмыки, безъ особенно счастливой какой либо случайности, не смогутъ выбиться изъ распутия, не избавятся отъ нищеты, не приохотятся къ земледѣльческому труду, а напротивъ, окончательно обнищаютъ и Больше-Дербетскій улусъ обратится въ гнѣздо всяческихъ преступленій, сдѣлается разсадникомъ преступниковъ и язвой для окружающаго его населенія. Вглядываясь въ „просвѣтительную“ дѣятельность заправилъ Больше-Дербетскаго улуса, въ ихъ способы „насажденія земледѣльческой культуры среди калмыковъ и поднятія экономическаго положенія народа“—невольно припоминаешь справедливое замѣчаніе М. Е. Салтыкова, сказавшаго, что „человѣкъ науки прежде всего требуетъ азбуки, потомъ складовъ, четырехъ правилъ арифметики, таблицы умноженія и т. д. Ташкентецъ же во всемъ этомъ видитъ неумѣстную придирку и прямо говоритъ, что останавливаться на подобныхъ мелочахъ—значитъ спотыкаться и напрасно тратить золотое время. Онъ соудалъ особый родъ просвѣтительной дѣятельности—просвѣщенія безазбучнаго, которое не обогащаетъ просвѣщаемого знаніями, не даетъ ему болѣе удобныхъ просвѣтительныхъ формъ, а только снабжаетъ невѣстнымъ запахомъ“. Не сравнивая „калмыцкой администраціи“ съ „господами ташкентцами“, мы только скажемъ, что представители ея, „просвѣщая“ кал-

МЫКОВЪ, НАЧИНАЮТЪ НЕ СЪ СЛОЗЪ... И, ВОПРОСИ ПОГОВОРЕКЪ, ДУМАЮТЪ, ЧТО „СЪ ТАПЪ-ЛЯНЪ ВЫЙДЕТЬ ВОРАБЛЬ“, ПОЧЕМУ И „ЛОМАЮТЪ“ ВСЕ ПО СВОЕМУ И ВЪРЯТЪ ВЪ ЖИВОТВОРАЩУЮ СИЛУ ПРЕДПИСАНІЙ И ПРИКАЗОВЪ...

—*~*~*~*

№ 139, в. 42

Содержание выходящего в свет журнала
выходит дважды в год, в августе и в феврале
мае, июля, сентября и ноября

Содержание выходящего в свет журнала

- 1) Оригинальные и переводные статьи по вопросам археологии, истории и этнографии;
- 2) Специальные исследования и статьи по археологии, истории и этнографии Восточной России (Новоземелья, Средней Азии и Сибири);
- 3) Материалы археологические, исторические и этнографические, относящиеся к Восточной России: календарь, ориентировка, летоисчисления, акты, произведения народного творчества, орудия и предметы быта и искусства русских народов, принадлежащих к различным частям Восточной России;
- 4) Хроника извещений о музеях Восточной России, о находках, раскопках, об экспедициях археологов, историков, филологов, антропологов, лингвистов и этнографов, а также о прочтении и издании русских ученых об историческом, этнографическом и филологическом состоянии Восточной России;
- 5) Программы и специальные программы археологии, истории и этнографии Восточной России, издаваемые восточными русскими учеными;
- 6) Библиография: обзор книг и статей русских и иностранных ученых в иностранных периодических изданиях, посвященных археологии, истории и этнографии Восточной России.

В «Известиях» принимают участие: проф. В. А. Арсеньев, проф. А. И. Александров, И. В. Аничков (Аулие-Ата), проф. А. С. Архангельский, о. Н. А. Архангельский, Г. Ахмаров, Ш. Т. Аткисов, проф. В. А. Богородицкий, В. Л. Борисов, проф. Е. Ф. Бузе, К. В. Вильямс (Уфе), В. Н. Витеский, А. О. Гейксель (Гельсингфорс), А. А. Давыдов, М. Е. Евсеев, И. А. Ивановский, проф. Н. Ф. Катанов, С. Я. Кедров (Саратов), акад. В. В. Латышев, В. К. Магницкий, о. Е. А. Мамонтов, Н. М. Мартынов (Минусинск), проф. Ф. Г. Митенко, В. А. Мошков (Варшава), еписк. Никанор (Смоленск), Н. Н. Панусов (Вятка), Н. М. Петровский, П. А. Пономарев, Г. Н. Потанин (С.-Петербург), проф. Н. Н. Смирнов, Ф. А. Телухов (Пермь), В. М. Терехин (Пенза), проф. Ш. Шукенберг, И. Н. Юркин, проф. Н. Н. Сирский и др.

Статьи, присланные для помещения в «Известиях», подлежат случаю явности, изменениям и сокращениям.

Цена полуголому выходящему 5 руб., годовому 10 руб., почтом 12 руб. Желание могут внести в наличную сумму 5 руб. при подписании, а 2 руб. при получении.

Действительные члены Общества выдают членские билеты в 1 рубль в 1913 г. и 5 руб. получают за билет в 1914 г.

Получения сумм за последние годы: 1912 г. 100 руб., 1913 г. 100 руб., 1914 г. 100 руб.

Члены Общества могут вносить в наличную сумму 5 руб. при подписании, а 2 руб. при получении.

Члены Общества могут вносить в наличную сумму 5 руб. при подписании, а 2 руб. при получении.

Члены Общества могут вносить в наличную сумму 5 руб. при подписании, а 2 руб. при получении.

3 2044 022 473 268

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

